ИГОРЬ МЕЛЬН

КЛАДБИЩЕ ЗАБЫТЫХ ТАЛАНТОВ

18+

Игорь Мельн

Кладбище забытых талантов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54167409
SelfPub; 2020

Аннотация

Случалось ли вам отвергнуть мечту всей жизни? Именно это сделал семнадцатилетний Юрий. В силу неизлечимой болезни юноша не может стать космонавтом. Разочаровавшись в мечте, он попадает на волшебное кладбище, населенное такими же, как он, горестными детьми. Среди кладбищенских обитателей ходят слухи о лабиринте подземных ходов, в центре которого находится предмет, исполняющий желания. Однако проход в подземелье открывается после захода солнца, когда на поверхность кладбища выходят чудовища… История о разочаровании, возможности, стремлении, силе духа, и обретении веры в мечту…

Содержание

Благодарности 4
Талант №1. Умение выслушать приговор 5
Талант №2. Умение доверять черным котам 19
Талант №3. Умение слышать скрипку 31
Талант №4. Умение попадать на кладбище 49
Талант №5. Умение сбегать от монстров 60
Талант №6. Умение заводить знакомства 84
Талант №7. Умение варить зелье 119
Талант №8. Умение фехтовать без умения фехтовать 144
Талант №9. Умение проводить по кладбищу 167
Талант №10. Умение спасать призрачных девушек 196
Талант №11. Умение нарушать правила 213
Конец ознакомительного фрагмента. 223

Благодарности

Посвящается всем, кто верил.
Всем, кто не верил – посвящается вдвойне.

Ли. Ле. По. Кс. Ан.

Талант №1. Умение выслушать приговор

Существует несколько причин, почему эта история начнется немного раньше того момента, когда Юрий со мной встретится. Во-первых, нужно осветить важный момент его жизни, а во-вторых, иначе было бы просто невежливо, поскольку наши судьбы переплетены в круговороте последовавших событий.

И вот теперь я могу начать.

В детской городской больнице собралось немало людей. Так вышло, что лучи солнца не достигали этого крыла этажа, отчего господствовал полумрак. И все равно люди давали о себе знать, наполняв коридор шумом десятков голосов. Была в этом и приятная сторона: своими дыханиями и раздраженными от ожидания лицами они согревали окружение, а смесью духов перебивали зловонный больничный запах.

На скамье в ожидании своей очереди томился юноша. От мысли, что он вот-вот переступит порог комнаты и получит ответ на вопрос, который терзал его долгие годы, внутри все холодело. В поисках тепла он вжался в деревянную спинку сиденья. Стало легче. Тонкая рука, будто выжатая после стирки, скользнула по лакированному дереву. Ледяное. От

этого холода он застыл, наблюдав за многообразием окружавших его сюжетов.

Сидеть спокойно не получалось: ноги болтались на весу, ладони разминали короткие пальцы, смахивали капли пота со лба и поправляли взъерошенные волосы, от одного вида которых можно было подумать, что на голове поселился еж, очень странный еж.

Одним словом, волнение.

В попытке отвлечься мысли юноши крепко зацепились за порядковый номер кабинета. Четыре. Четыре стороны света. Четыре времени года. Четыре стихии природы. Четыре всадника Апокалипсиса… До того дня враждебности к числу он не наблюдал, но теперь готов был согласиться с суеверными японцами, для которых оно означает смерть.

Хлопок дверью вывел юношу из размышлений. Числа оказались настолько занимательными, что он пропустил препятствие, которое между тем уже схватилось бордовой вельветовой перчаткой за дверную ручку. Проворная и наглая женщина, верно не знавшая о существовании живой очереди, посчитала остаться в счастливом неведении. Ее дамские губки, собранные в округлый алый пучок, растянулись в знак предстоявшей победы.

Раздался праведный гром.

– Тута очередь, – сказала бабушка, что наблюдала за волнением юноши на протяжении получаса. – За хлопчиком будете.

– За каким еще «хлопчиком»? – Женщина невольно цокнула и оскалилась, сверкнув в полутьме белыми зубами, зашипела. Однако она быстро натянула гримасу удивления и для верности мельком взглянула на скамью. Юноша зашевелился в попытке встать. – А! Молодежь. Самое прекрасное время в жизни: ни тебе домашних забот, ни тебе работы. Да и мне же только спросить!

Спасти юношу можно было одним способом, нечестным, но действенным. Только женщина развернулась, чтобы завершить начатое, как бабушка указала на ее место в жизни, заметив ужасную прическу. В ответ посыпалось мнение о некрасивости лобных морщин и бородавки на носу. Слабые искорки гнева вспыхнули, обернувшись бранью на повышенных тонах.

Тем временем юноша и не думал встревать в спор и слушать обоюдные оскорбления. Он лишь соскользнул с сиденья и незаметно заковылял в сторону двери. Когда он подобрался к женщине вплотную, в нос ударила сладость духов невиданной ужасности. Дышать было невозможно, но, что хуже, эта гадость, казалось, оседала на языке. В попытке не кашлянуть он резво преодолел остаток расстояния и вжался ладонью в дверную ручку. Юноша исчез в проходе и неслышно прикрыл дверь, несколько раз поблагодарив старую спасительницу.

От яркого света глаза вспыхнули острой болью и мгновенно захлопнулись. Поморщился юноша как-то вяло, словно

нехотя, и это было его особенностью. Игра лица всегда получалась у него скудной. Даже в приступах искреннего смеха уголки тонких губ расширялись немногим более, чем у известной картины, а удивление сопровождалось едва заметным поднятием бровей.

Какое-то время, закрыв лицо рукой, юноша приучал глаза к яркой обстановке и отдался остальным ощущениям. Звук трения острия ручки о бумагу стих, но затем продолжился. Внутри было теплее, чем в коридоре, отчего щеки побагровели, заложило нос. Наконец-то удалось окинуть взглядом помещение.

У дальней стены за потертым обветшалым столом сидел мужчина, десятки лет которого уже не удавалось сосчитать по пальцам одной руки. На столе виднелась излишняя скромность: истории болезней, подставка под шариковые ручки и литература медицинского назначения. Два шкафа окружали доктора сзади и сбоку поодаль. Один был забит разного рода документацией – среди стопок бумаг мужчина быстро отыскал нужную, – а другой назначался для хранения лекарств, что могли понадобиться в трудных случаях. Краска на стенах осыпалась повсюду, забившись в плинтусы и щели дощатого пола, но самые крупные изъяны были умело скрыты плакатами с памятками о частых болезнях.

Все рушилось, выглядело непривлекательным, точно одежда от старшего брата.

Властвовал кабинетом Александр Геннадиевич, сколько

юноша себя помнил. И даже больше. По случаю стольких лет порядочной службы много раз появлялась возможность сменить лачугу если не на хоромы, то хотя бы на достойное место. Однако он отказывался без раздумий, говорив что-то про пациентов, и всегда повторял на этот счет мысль, что врачу не нужно ничего лишнего, отвлекающего.

Каждый раз при встрече юноша не мог унять восхищения, что ярко отражалось в блестевших глазах. Александр Геннадиевич привык сутулиться, боявшись задеть волосами побелку потолка, и предпочитал чаще сидеть, чтобы пациенты не поднимали голову до хруста в шее. Про свой рост он отшучивался, говорив о том, что в детстве за один раз выпил литр молока и мгновенно вырос на десяток сантиметров. Сам он знал: молоко ни при чем.

– Здравствуй, Юрий, – сказал Александр Геннадиевич и взглядом указал на стул подле него. – Давно уж не виделись… Как успехи? – И, не дав начать рассказ, он встрепенулся и вытянул указательный палец вверх. – Точно, пока не забыл! Сейчас многие обращаются с укусами насекомых. Не замечал на себе? Никаких серьезных инцидентов, но раны нетипичны, никто не знает, что за представитель фауны такой.

Случилась короткая беседа, нужная скорее для успокоения. Поразительно, как от человеческого общения, каким доктор владел в совершенстве, считав важнейшим в его работе, улетучилось волнение. Понемногу юноша разговорил-

ся, осмелел. И эта храбрость пригодилась, когда пришло время изнурительных испытаний. Не выдержать их означало крах.

Вначале Александр Геннадиевич повел юношу через коридор в другой кабинет. Наглая женщина неожиданно пропала или же затаилась в темном углу. В процедурной комнате, помимо иного гимнастического снаряжения, располагалась новая гордость захудалой больницы.

– Наша беговая дорожка, недавно привезли. Блестит и сияет еще.

– Я думал, вы против дорогой техники.

– В другом случае мы бы ограничились бегом на месте, но ты же у нас уникальный.

Это было сказано без тени укора, напротив, от тона Александра Геннадиевича любой бы поверил, что его недуг на самом деле великая способность.

Гладкое автоматическое полотно едва возвышалось над полом; от него простирались косо вверх перила, обрамлявшие коробку передач. Юрий аккуратно подступал, точно дики зверь, маненный едой от человека, и умолял бесчувственную машину поддаться. На запястье защелкнулся поясок датчика, на табло которого тут же вспыхнули числовые значения его здоровья.

И они начали.

– Попробуем с малого.

Широкий палец легко коснулся одной из кнопок на ко-

робке передач, и дорожка резко шевельнулась, но затем поползла медленно, как ленивая улитка. Это ничем не отличалось от размеренной ходьбы.

– Вижу-вижу! Сейчас добавлю скорости.

Всего несколько кнопок вытряхнули наивную радость – теперь это выглядело настоящим испытанием.

Через четверть минуты к лицу Юрия в полной мере прилила кровь. Ручейки пота текли со лба и собирались лужицами на широких бровях. Сначала юноша дышал носом, трепетавшим, как крылья бабочки, но вскоре стал хрипло захватывать воздух ртом. Горло иссохло, окропив язык горько-соленым привкусом.

На датчике – сорок одна секунда.

Александр Геннадиевич не мог видеть этой пытки и выключил беговую дорожку. Показатели на табло нахмурили его брови, соединив одну с другой. Он внимательно посмотрел на юношу с мыслями о том, что это только первое упражнение. И Юрий уже не справился с ним!

– Конечно, тебе лучше не бегать, но, если вдруг придется, старайся чаще перебирать ногами. Ты делаешь видимый упор на сильную левую, потому что правой хромаешь, из-за чего она устает. Равномерное распределение позволит снизить боль в мышцах, но, естественно, уставать будешь больше.

Мужчина сосредоточился на записи полученных данных в тетрадь, но скрыть выражение глаз, изменения, случивши-

еся в них, не сумел. Юрий обхватил перила, чтобы не упасть, и смотрел на беговое полотно, в его черноту, видев в ней образы скорого разговора. Юноша корил себя, но все же надеялся, что в следующий раз отличится большим успехом.

О какое разочарование ждало его!

– Отожмись от пола.

Юрий не скрывал стараний и показал все силы слабого тела. Лоб его продолжил поливаться жидким после первых же рывков, суставы привычно скрипели, подобно ржавым дверным петлям, и руки тряслись, как трава на ветру. На третий раз он рухнул на пол, встряхнув облако пыли. На помощь пришел Александр Геннадиевич и после того поставил крохотный крест в тетради. Несмотря на усталость, юноша вымолил последний шанс.

Приседать оказалось сложнее. Юрий терял равновесие, хватавшись за ближайшие тренажеры, но на этот раз его поддерживали две мужские руки, отчего он не боялся упасть на пол. Казалось бы, простое задание, эти приседания, но хилые ноги если и могли согнуться, то свободно вернуться в обратное положение удавалось в меньшей части случаев.

– Достаточно, – твердо сказал Александр Геннадиевич, тяжело переносивший чужие страдания.

В прежнем кабинете Юрий слишком беспечно от усталости сел на стул, отчего деревянные ножки затрещали и заскрипели. Частое дыхание, достойное загнанной ездовой собаки, еще долго не отпускало его. От довлевшей головной

боли виднелись темные пятна; они скакали на угрюмом лице Александра Геннадиевича, когда юноша глядел в облачное небо. Переговоры грачей за окном слышались слабо из-за пелены, что поглотила все звуки, кроме раздражительного царапания ручки о бумагу.

– Юрий, твой долгий курс лекарств закончился. Сегодня ты показал, что это было нужно – ты без усилий можешь передвигаться, поднимать разные по тяжести предметы и даже выполнять физические упражнения. Да, с трудом и лишь малую часть, но это наш с тобой огромный труд. Ты согласен?

Во время разговора доктор ощупывал мышцы, переминал их, нагоняв то легкую щекотку, то боль. Юноша наблюдал за широкими, как полотно лопаты, руками, на которых даже под халатом различались могучие мышцы; и вдруг он мельком глянул на свои, дряблые, мелкие, недоразвитые.

– Да, – удрученно сказал Юрий. Он знал, что настолько отдаленно от главного начинают, когда хотят сообщить страшную весть. – Вы обещали быть со мной честным. Пожалуйста, не забывайте о своих словах.

Шапочка сползла с круглой головы, а вместе с ней улетучилась внешняя молодость. Александр Геннадиевич не выглядел по возрасту, однако безволосая голова, где остался только седоватый ободок на уровне ушей, уверяла в обратном. Он потер сначала морщинистый лоб, а затем утомленные глаза, печаль в которых добавляла ему сотню лет.

В воздухе почувствовался запах беды.

– Ты прав. Скажу прямо… – Он развернул кресло в сторону юноши, встретившись с его поникшим взглядом. – Твои мышцы окрепли, но выздоровление идет слишком медленно. Если ты и придешь в нужную форму, то лишь к глубокой зрелости.

– То есть…

– Именно так, мальчик мой. Существует второй курс лекарств, но шанс скорого излечения крайне мал. – Он заглянул в медицинскую карточку. – А тебе, как я полагаю, очень скоро предстоит выбор профессии. Что ты об этом думаешь?

– Вы знаете, кем я хочу стать.

– Знаю. Но сегодня ты должен был сделать выводы.

По другую сторону оконной рамы черный кот, словно маленькая девочка перед витриной сладостей, наблюдал за событием в кабинете. Необычайно осознанный взгляд перемежался от человека к человеку, и усы подрагивали от волнения – ему не терпелось узнать, чем завершится многолетняя борьба человека.

– Хочешь совет? Ты открылся мне – я ценю это! – и рассказывал про космос, полеты и все в этом духе. Я тебя понимаю: моя жизнь тоже сложилась совсем не так, как я хотел. Не думай, что мне нравится каждый день видеть страдания детей. Отнюдь!

– Кем вы мечтали стать?

– В детстве? – Александр Геннадиевич почесал подбородок, устремив взгляд на плафон люстры. – Да никем, соб-

ственно. Осознание пришло ко мне слишком поздно, потому-то я и восхищаюсь тобой. Если бы я решил раньше, может, все сложилось бы иначе. Безусловно, иначе!

– Вы не ответили…

– Мне было столько же лет, сколько и тебе сейчас. Может, больше, может, меньше… – Он зацепил взгляд на юноше, будто раздумывал, стоит ли доверять секрет. Видимо решив, что за десяток лет они подружились, продолжил: – Писательство. Прохладными летними ночами я любил, пока все спали, включать теплый свет лампы под одеялом и, стиснув карандаш в зубах, портить бумагу. Стоит сказать, что порой получалось даже неплохо…

– Как вы смогли бросить любимое дело?

– Понимаешь, времена были другие. Нужно было зарабатывать настоящие деньги, а не надеяться…

– Нет, – перебил Юрий. – Я спрашиваю «как». Просто мне тоже это нужно будет сделать.

– Нетрудно догадаться. – Доктор несколько раз дернул халат за борта. – Медицина тогда была единственным выходом, с каждым днем я все больше погружался в науку и… забыл о писательстве. Это прошло само. Хотя у тебя, подозреваю, так не получится. Никому другому я бы не пожелал этого, но попробуй найти то, что будет тебе нравиться и что ты сможешь осилить. В конце концов, это может быть что-то около космонавтики.

– Забыть, – повторил юноша, как выученное накануне

слово. – А есть лекарство, которое поможет забыть?

Александр Геннадиевич подумал, что, несмотря на приглушенные эмоции, Юрий шутит. Однако застывшие глаза и твердость голоса выдали его. В тот момент юноша искренне просил помощи в нелегком деле.

– Почему же ты так хочешь стать космонавтом?

– Я хочу быть таким же, как они, бесстрашным первооткрывателем, служить на благо науки. Хочу сбежать из этого серого пыльного города и оказаться вдали от родителей. Я люблю их, но трудно видеть, как мать плачет по ночам, а отец устает на двух работах. Хочу другой жизни без этой болезни…

Слезы лились медленно, как молодые струи источника, и Александр Геннадиевич приобнял юношу. Сквозь складки халата чувствовался оделокон, напомнивший отцовский. Юрий видел отца лишь ранним утром и поздним вечером, бессильно падавшего на диван; когда они в последний раз проводили время вместе, никто из них не помнил.

– Знаешь, что я думал в детстве? Что все советы – это полная чушь. Сейчас же сам их даю. Не слушай меня, не слушай вообще никого. Ты и сам сможешь сделать выбор, и не важно, правильным он будет или нет. Слушай свое сердце и держи под рукой любящих тебя людей.

Он отстранился, чтобы достать из ящика стола листок.

– Ты уже достаточно взрослый, чтобы самостоятельно решить: продолжать лечение или отказаться от него.

– Я не могу так… Мои родители потратили на меня много денег. Мы переехали в тесную квартиру, скромно питаемся, отец изнуряет себя, к тому же… Хватит с них!

– Подумай несколько минут на этот счет, – сказал Александр Геннадиевич.

– Я все решил. Если космонавтом не быть, смысла в лечении тоже нет. Выберу профессию по силам… Что-нибудь ведь должно найтись!

– Хорошо. Поставь здесь свою подпись и обязательно оповести родителей.

Синяя паста оставила тонкий памятный завиток на бумаге.

Печальный взгляд Юрия вновь зацепился на окне. Ему показалось, что кот насмехался над его решением. Чувство скверное, когда весь мир за двадцать минут теряет краски, а над тобой насмехается неизвестный уличный кот. Как и водится в жизни, впечатление было обманчиво: в глубине шерсти он, напротив, сожалел.

– Спасибо, – сказал юноша и случайно сунул миниатюрную ручку в карман штанов. – За все, что вы сделали для меня, за все эти годы. Наверное, тогда мы больше не увидимся.

– Удачи тебе, мальчик мой. Помни: сердце и близкие люди.

Талант №2. Умение доверять черным котам

После физических упражнений ноги болели, и высокие ступени больничной лестницы преодолевались с трудом. Сначала, державшись за ветхие перила, Юрий спускал здоровую ногу, а после аккуратно приставлял хромую. Так продолжалось два долгих пролета, пока не показался дверной проем.

В тех редких лучах октябрьского солнца привиделись родители. С дрожью и хрипом в голосе он убеждал их прекратить лечение. Но разве мать послушает его, разве не позвонит Александру Геннадиевичу и не будет слезно просить выписать еще лекарств, разве не накричит на него за то, что позволил отказаться?

Из подсобного помещения, что находилось справа от выхода, в последний момент вылетел черный кот. На поворотах когти его несколько шаркали по полу. Он пожелал покинуть больничное здание в ближайший миг. Чтобы не наступить на длинный хвост, юноша напряг все больные мышцы и резко одернул ногу, вскрикнув от боли. И если бы не дверной косяк, послуживший опорой, он бы беспомощно распластался на полу.

Юрий щедро осыпал бранью все семейство кошачьих, перед тем как наконец выбрался из здания. На крыльце он остановился, прицелившись хмурым взглядом в обидчика. Кот пробежал по тропинке и прыгнул через белесый бордюрный камень в траву, не подав вида раскаяния.

За такой темный окрас кот был обижен на жизнь, поскольку прохожие чаще всего прогоняли «несчастливого». Несмотря на худое брюхо, он казался даже больше своих собратьев, что могло быть из-за пышной шерсти, но та была короткой. Непомерно длинный для дворовой породы хвост извивался, загребав листья в траве, и напоминал змею из рода мамб.

Это без сомнений был тот же кот, что сидел на оконной раме.

– Не веряй у приметы.

Скрипучий голос раздался со стороны входа в больницу. На скамье одиноко сидела старуха, к которой кот запрыгнул на колени и жалобно потребовал ласки. Верно, она посчитала, что юноша застопорился из-за перебежавшего ему дорогу черного кота.

– Я-то недалече живу, часто вижу его. Я веряю, что усе они приносят токмо счастье.

Когда черная голова вынырнула из морщинистых рук, человеческое сознание тотчас же выдало кличку Насмешник. Случилось это из-за морды, с которой мнимая эмоция не пропадала, и прерывистых глухих звуков, словно язвитель-

ных «хе-хе» на кошачий лад. Нельзя же вечно растягиваться в подобной улыбке – лицо, или в данном случае морда, будет болеть. Однако кот доказывал иное, и с ним трудно было спорить.

Получив ласки от старой женщины, Насмешник беззвучно спрыгнул на землю и потянулся к Юрию. Он терся о край штанов и, когда лодыжка приоткрылась, уколол ее острым когтем. Юноша вскрикнул от неожиданности и посмотрел на каплю крови, что размазалась по ноге. Он укоризненно глянул на кота, который промаршировал в сторону, возвысив хвост, словно выполнил важную задачу.

– Во-о… – протянула старуха. – Это он так играется. Иные коты и не подойдут к человеку, а этот воно как внимание привлекает. Глядишь, покажет чот интересное. Коты, они ведь лазают по усем закоулкам да знают больше нашого.

Насмешник уселся посреди тропинки неподалеку от дуба. Теперь же он мимолетно взглянул на здание пищеблока, живо изобразив несправедливость на морде. Сочный аромат разносился ветром по всей территории больницы, и кот первым определил сладкий запах мясной подливы, печально сглотнув слюну. Он ожидающе посмотрел на юношу, но тот лишь вывернул карманы, где лежали несколько монет и связка ключей.

– У меня даже ничего нет, а он голодный, наверное…

В ходе фразы Юрий повернулся в сторону старой женщины, и сердце его забилось чаще. На скамье, откуда только до-

носился скрипучий голос, было пусто. Ни следа присутствия человека. Не могла же она бесшумно пройти в больницу, пока юноша разглядывал кота.

Начало странных событий был положено.

От удивления ладонь ослабила хватку, и ключи стукнулись о землю. Подбежав на звук, Насмешник прикусил острыми клыками металлическое кольцо связки и —каково было удивление юноши! – приподнялся на задних лапах, точно сурикат. Юрий обрадовался необычной воспитанности животного и потянулся рукой, однако кот резко устремился вперед и замер лишь на повороте тропинки.

– Мяу, – сказал он необычайно громко и четко, несмотря на занятый рот.

Это звучало подобно вызову. «Попробуй отбери», – говорил на самом деле он.

После нескольких обманов Юрий унял надежду на возвращение ключей и уже думал, что проще сделать новые. Однако он все же следовал за проказливым созданием, уши которого должны были накалиться от проклятий. Было видно, что проводник двигался в осознанном направлении, и юноше даже стало любопытно, что может показать человеку кот. Как оказалось, многое…

Позади здания больницы недалеко от железной ограды располагалась одинокая пристройка. Старая деревянная дверь ее закруглялась кверху, а крыша, выстланная черепицей, полого клонилась к земле и впивалась в нее. Солнеч-

ные лучи развевали мрак только на первых трех ступенях, что удалялись на неизвестную глубину. В бесстрашии перед тьмой Насмешник засеменил вниз и слился с окружением. Позвякивание ключей стихло; даже засвистел холодок, будто подвал поглотил кота и издал довольный звук.

Пустой желудок намекнул на желание возвратиться домой, где его ожидал обед.

Приключений не хотелось, но потушить накалившийся интерес оказалось трудно, да и попасть в квартиру без ключей было бы проблематично. Людей по близости не оказалось, а значит никто не мог удержать юношу, и с щекотавшим чувством опасности он отправился внутрь.

Темнота. Холодная, липкая, она окутывала тело юноши, заползала под одежду, лохматила волосы и въедалась в глаза, ставшие бесполезными. В нос вонзился запах сырой земли, цемента и чего-то неизвестного. Грязные капли влаги с потолка метили в Юрия, и одна из них разбилась о щеку на несколько мелких, которые поспешили по складкам к уголкам рта. Он поморщился и протер лицо рукавом свитера.

Причиной же отсутствия света была неисправность источника, а после уже простое нежелание его чинить. В этом месте неизвестным образом перегорали новые лампы, обрывались электрические провода и даже с трудом работали принесенные фонари. Рабочие винили во всем особый состав почвы, но Насмешник имел другую точку зрения, о чем и

хотел поведать.

Рассыпчатые ступени уводили вниз, пока поверхность не выровнялась. Юноша продвигался медленными шагами, ощупывав холодную стену и пространство перед собой. Кончики пальцев чувствовали некую странность: едва различимая вибрация исходила от бетона, настолько слабая, что ее можно было счесть за игру воображения.

Юрий прислонил ухо и услышал биение сердец. Первое принадлежало ему и заходилось в ритме страха, а второе медленно, но гулко отдавало толчки в стену и порождало странное трение, похожее на звук жидкости. Как же он пытался заставить себя думать, что это грунтовые воды, которые ударяются о наружную часть стен и с шорохом протекают мимо. От резкого кошачьего голоса юноша вздрогнул и, старавшись не думать о сердцебиении, отправился дальше по коридору.

В конце туннеля обнаружилась металлическая дверь, из-за которой проникал редкий свет настенной лампы. Она позволила рассмотреть многополочные стеллажи, заполненные строительными материалами, горы металлолома, отдававшие в воздух железистый запах, и почившие предметы мебели. Верно, больница хранила здесь совсем старые, негодные вещи.

Живот пронзительно заболел, а коленки затряслись в страхе. На мгновение юноша боялся шевельнуться и всматривался в окружение.

К несчастью, там оказались не только перечисленные выше вещи.

Каждый участок комнаты погряз в липкой слизи, исходившей от черных щупалец, что напоминали пиявок. Это нечто просачивалось сквозь стены, поскольку они были облеплены слизью полностью, а уже от них вязкие нити тянулись дальше. Пол представлял собой темный ковер, где, словно спасительные островки, находились промежутки бетонного покрытия. С потолка свисали частые отростки, которые вполне можно было принять за корни деревьев; они чуть покачивались из стороны в сторону, хотя не ощущалось ни малейшего сквозняка.

Сомнительно, что кто-нибудь видел худшее место.

Насмешник спокойно прыгнул на островок и велел голосом поступить так же. Однако осознание опасности накатило мощной волной: три куска металла не стоили жизни. И юноша невольно попятился к выходу, задев кроссовкой лежавшее подле дверного проема щупальце. После того черные отростки стянулись на проходе в виде паутины, а несколько из них устремились навстречу нарушителю.

Волей ситуации Юрий неуклюже прыгнул на место кота, который в свою очередь переместился на следующий островок. Ему повезло приземлиться, не задев край скользкого ковра. Щупальце ударилось о пол в том месте, где почувствовало врага, некоторое время рыскало вокруг, но вскоре успокоилось.

Насмешник ловко прошел опасную зону и оказался подле стола, над которым крепилась настенная лампа. Поверхность стола была окутана слизью; но кот нашел чистую часть с краю и уселся, стал ждать. Юрий преодолел островки с трудом, поскольку каждый прыжок отдавался резкой болью в хромой ноге, и наперво выдернул ключи из кошачьей пасти.

Тотчас же внимание привлекла записная книга, обвитая щупальцами в форме неглубокой воронки. Рядом под слоем слизи лежал складной нож, и юноша мгновенно нашел ему применение. Послышался обреченный вздох: придется коснуться вязкой жидкости, что вполне могла оставить на коже ожог или раздражение.

Взгляд кота был всецело направлен на воронку, щедро полившую книгу слизью. В надежде найти ответы на глобальные вопросы человечества Юрий аккуратно сунул руку между витками щупалец. Как только кончики пальцев достигли твердой тканевой обложки, влажной от жидкости, победный трофей медленно направился вверх. К счастью, обошлось без задевания темных отростков.

Благодаря твердой обложке набухли только края страниц – в основном бумага и синие чернила не пострадали от слизи. По форме записей выяснилось, что книга представляла собой ежедневник, куда владелец вносил расписание рабочих дней, важные дела, списки покупок, быстрые заметки и прочие мысли. Однако несколько листов были вырваны из тетради в клетку и аккуратно вложены.

В тусклом свете лампы юноша напряг зрение и начал читать.

«На днях мы с Серегой поболтали, как докатились до такой жизни. Говорит, мол, не слушал родителей, в школе был круглым двоечником, не закончил и пошел работать на стройку. А ведь думал на летчика потом… Но это все не важно. Он выдал интересную прямо-таки поэтичную мыслю. Он сказал, что теперь его хотение лежит в дальнем черном ящике и уже поздно хотеть. Я, конечно, попытался кое-как друга успокоить, но дело не в этом. Мне понравилась его мысля. Аж привиделся мне этот ящик буквально, со множеством отсеков, и в каждом отдельная папка такая с документами, прямо как личные дела на людей в иностранных фильмах. Только тут будет с детскими мечтами.

В последнее время Сереге осточертело быть грузчиком, но я отношусь к этому как-то спокойнее. Работа есть работа. Платят крохи, да, но семью кормим – и то хорошо. Но не об этом… Я вот подумал тут. Странно, что вообще не помню, кем хотел стать в детстве. Не мог же я ни о чем не мечтать?».

Несколькими днями позже запись продолжилась.

«Что-то мысля про черный ящик не дает мне покоя. Зараза! Но недавно я сам выдал кое-что другое. Почему-то вспомнилось, как в детстве закопал на заднем дворе игрушечные машинки, солдатиков…».

В очередной раз Юрий перевернул страницу, и с потолка

на руку упал волосатый жук неизвестной породы. От страха юноша встрепенулся и выронил дневник; он упал на свободное от щупалец место, но легкие страницы выпали и закружились по всей комнате.

Случился момент тишины, в какой сердце неистово пыталось проломить ребра и вырваться наружу.

Слизь почувствовала легкие прикосновения бумаги. Все щупальца взметнулись вверх в поисках раздражителя и вмиг обездвижили Юрия, вцепившись в запястья и лодыжки. Несмотря на одежду, крепкие путы сжимались так, что конечности синели и холодели. На помощь пришли четыре острых кошачьих клыка, что вонзились в мягкую плоть и раскусили ее надвое. Отросток остался безжизненно висеть на руке.

Беспокойный взгляд на стол, блеск складного ножа, взмах лезвием – и вторая рука тоже лишилась болезненных ощущений. После того освободились ноги. Неприятности росли числом, отчего и кот, и юноша засеменили по островкам к выходу, уклонявшись от нападений. Нож легко разделял гибкие, но плотные щупальца, а кошачий рык замедлял их проворность, будто наводив страх. Вскоре проход был расчищен, и напоследок в липкую темную массу метнулся нож.

Что удивительно, в коридоре из стен не вылезла новая беда. Никто не пытался схватить беглецов, узнавших страшную тайну. Хотя Юрий старался направлять мысли на частое перебирание ногами, во мраке воображалась картина

тех ужасов; разум пытался объяснить это путем логики и выдать приемлемый ответ: от малого проветривания подвала и мрачного настроения, что вызвали такие видения, до жутких правительственных заговоров. Тем не менее юноша бежал, словно за ним велась бурная погоня, не жалев больных мышц: пусть они позже будут болеть, но спасут его.

Все это время жалобный кошачий голосок направлял его и в какой-то момент начал возвышаться. Вверху показалось пятно света. Юрий прошел половину ступеней за то время, когда на спуске миновал лишь несколько. И вот нечто крепкое обхватило его за плечи, заслонив свет. От страха юноша вскрикнул, выпустив весь воздух из груди. Больше всего он боялся, что щупальца утащат его обратно.

– Эй, парень, – раздался мужской голос. – Ты что тут забыл?

В стену ударил луч фонаря, что, отразившись, обнажил широкое и ныне красное от удивления и гнева лицо. Мужчина был одет в специальный комбинезон, какой бывает у людей, работавших с пыльными тяжелыми предметами. Перед ним стоял хозяин дневника, страницы которого были разбросаны по всей комнате.

Юрий бегло пытался рассказать об ужасах подвала, но сознание и язык работали крайне неслаженно и получился вздор.

– Ну что ты там застрял? – послышалось со стороны входа.

– Заносите!

Грузчик посветил мигавшим фонарем под ноги товарищам, а свободной рукой прижал незваного гостя к стене, чтобы двое мужчин беспрепятственно прошли мимо них со шкафом на плечах.

– Выверни карманы. Быстро!

На вытянутых ладонях мужчина рассмотрел лишь связку ключей и несколько монет. Для успокоения души он похлопал юношу по карманам штанов и сказал:

– Шагай отсюда, не мешай нам работать!

На поверхности Юрий не мог нарадоваться дневному свету и чистому воздуху, отчего пару минут потратил на созерцание и одышку. Заметив в зубах Насмешника одну из страниц дневника, он понадеялся на продолжение и устремился в его сторону. По мере приближения юноши кот набрал скорости и помчался вдаль.

Талант №3. Умение слышать скрипку

Набережная пустовала. Серый цвет и прохлада наводили на людей тоску, отчего никто не решался сидеть на здешних скамьях вдоль аллеи и любоваться оголенными ветром деревьями. Золотистый ковер из листьев мог бы привнести теплых тонов, но был нещадно собран в пыльные кучи. Поднимавшаяся от воды влага прилипала к коже и заставляла всякий раз вздрагивать. Не слышалось живого крика, писка или рокота – только вой ветра, да скрип качавшихся стволов деревьев. Набережная пустовала.

Смесь гнетущей тишины и спокойствия разбавилась топотом кошачьих лап, а позже и человеческими стонами. Не в силах более стоять, Юрий прислонился спиной к стволу дерева и проскользил вниз, на грубо выстланную щебнем дорожку у края реки. Влажный воздух часто проникал в его ноздри и раскрытый рот, привносив болотистый вкус цветущей воды.

Городские птицы, точно стервятники, беззвучно кружили в небе, собирались в стаи над головой юноши. Он хотел парить в облачной выси вместе ними, подальше от ежедневной суеты, и завидовал созданиям, не знавшим о космосе, не понимавшим близости к нему.

В тот хмурый день Юрий навсегда отдалился от своей мечты, отчего бросать камни в воду доставляло удовольствие: на дне они становились еще дальше.

На другом берегу раскинулся ряд магазинов, за витринами которых различались силуэты. В булочной, как обычно, было много посетителей; хотя пекарь работал во внутреннем помещении, однажды удалось подглядеть за тучным мужчиной, что промок от пота и разминал усталые мышцы. В парикмахерской женщины целый день порхали между кресел с клиентами без возможности отдыха, отчего у многих к вечеру опухали ноги. Неподалеку разместился спортивный зал, где молодые люди поднимали массивные штанги и бегали по автоматическим дорожкам.

Зависть охватывала юношу в часы наблюдения за здоровыми людьми.

Ничто так не доставляло удовольствия, как рассказы о космосе, документальные фильмы о космонавтах, сотня научных энциклопедий и книг. Юрий изучал астрономию, летное дело и сам космос на протяжении многих лет. Мечта его прошла с ним трудное детство, с тех пор как он увидел по телевизору полет человека в космос, и в юности только окрепла. И все было зря? Нет, он не мог так просто забыть об этом…

Но разве с болезнью поспоришь? Разве прикажешь мышцам работать лучше?

Со стороны детской площадки послышалось явление, о

каком юноша уже и забыл. Однако оно привлекло внимание и вмиг выбило из головы печальные мысли. Это был смех. Причиной неподходящего в тот час звука были девочка лет семи, что заходилась в радостных криках на скрипучей карусели, и женщина, раскручивавшая механизм. Пасмурность никак не повлияла на их настроение, напротив, они источали счастье, отчего небольшой участок набережной налился красками.

Сладкий запах, исходивший от незнакомцев, волной проносился по набережной, будто на карусели катались не люди, а карамельные сладости – верно, перед забавами они успели отобедать сдобными булками. Юрий с горечью вспомнил, что последний прием пищи был ранним утром, а по ощущениям несколько дней назад. Несмотря на пытку для желудка, он разместился на качелях неподалеку, оперев голову о холодные подвесы, и закрыл глаза.

Головокружение приятно сразило девочку, запутав ноги, и женщине пришлось подхватить ее и приземлить на скамью.

– Кого же нарисуешь сегодня? Мне кажется, дракон – это хорошая идея, но тебе бы нужно потренироваться рисовать лошадей… Или придумаешь какое-нибудь новое животное?

Однако девочка не разделила восторга, неожиданно погасив улыбку, и отвела глаза в сторону. Не раз пухлые губы отрывались друг от друга в попытке о чем-то сообщить, но тотчас же смыкались. Нахмуренные брови дрожали от напряжения, как струны.

– Я красиво рисую? – наконец сказала она.

Женщина отстранилась и взволнованно поглядела на девочку.

– Конечно! А почему ты спрашиваешь?

– А мама говорит, что мне не нужно рисовать. Она вчера посмотрела мои рисунки, а я сболтнула, что хочу учиться рисовать и пойти в школу, где меня научат. Мне кажется, она огорчилась…

В детстве Юрий думал, что родители поощряют все его начинания, потому что он болен, из жалости. Как только он рассказал, что хочет узнать больше про летное дело, родители одолжили у знакомых такую книгу. Если же просил научно-популярный фильм про космос, то в день рождения дорогая кассета оказывалась у мальчика в руках. Конечно, мысли о профессии космонавта они считали детской забавой, но не высказывались на этот счет. Лишь со временем понялось, что родители делали это из любви.

– Она точно так и сказала? Мама, наверное, просто устала. Когда люди устают, им ничего не нравится, поэтому не слушай ее и не бросай рисовать, если тебе это правда нравится. Ты же мечтаешь поступить в художественную школу?

– Еще бы! – оживилась девочка. – Иногда я вижу чужие рисунки. На красивые так и хочется смотреть и смотреть. Я тоже так хочу. Иногда у меня даже получается рисовать что-то красивое, но редко. Зато это очень здорово!

В кроссовку на мгновение уперлось нечто острое. Это был

грач, бесстрашная, как оказалось, птица, если посмела потревожить юношу, который от неожиданности чуть не ударил ее. В ответ он обратил взор осуждения, и в его крохотных глазах прочлось: «Эта девочка непр-ременно станет искусной художницей, а ты всю жизнь будешь мучиться на скучной р-работе».

Из укромного места вдруг выскочил Насмешник и замахнулся когтистой лапой, словно в месть за неслышные слова. Грач отозвался гневным карканьем и взмыл в небо, осев на ветви дальнего дерева. Довольный собой, кот грациозного прошел мимо качелей с листком в зубах, после чего ускорился и прыгнул к девочке на руки.

Спустя секунды, какие потребовались для осознания, Юрий встрепенулся:

– Извините, это мое!

– Позволишь закончить? – почти потребовала женщина, не скрывав волнение во взгляде и в голосе.

Так вышло, что она уже расправила упавший на колени слюнявый листок, и Юрий медленным кивком согласился. Бумага переминалась на ветру, шелестела, а между тем глаза метались от строчки к строчке, жадно поглощав текст. Пальто на груди не шевелилось – казалось, она не дышала. Зато постукивала туфлей по земле, словно на каждую точку.

На мгновение Юрий встретился взглядом с девочкой, которая только сильнее прижала черный пушистый ком к коленям, будто юноша потребовал не листок, а кота. Насмешник

выглядел радостно, вернув понятное выражение на морду, и звучно замурлыкал, как лодочный мотор. Во рту виднелся еще клочок бумаги, отчего юноша всерьез подумал, что коты используют пасть как карманы.

Билет на концерт в филармонию, помятый, получивший два отверстия от клыков, говорил о том, что владельцу стоило поспешить на представление. Менее чем через час выпускники музыкальных школ покажут полученные навыки, а лучшие юноши и девушки, замеченные жюри, получат приглашение в академию. Только известнейшие классические произведения в аранжировке скрипки и фортепиано.

– Держи. – Вернув листок, женщина выхватила Насмешника из рук девочки, впилась острым носом в шерсть и прошептала: – Этого не может быть… Неужели это ты?

Слов в долгожданном продолжении истории оказалось немного, что, помимо разочарования, вызвало недоумение: что женщина так долго и взволнованно читала? От томления строчки вмиг заняли внимание, заставив последние слова незнакомки остаться не услышанными.

«… но вообще не помню, почему закопал. И вот мне в голову пришла другая мысля. Может, где-то есть такое кладбище, где закопаны… нет, даже похоронены наши детские мечты. А происходит это, когда мы взрослеем и забываем, как и случилось с Серегой».

Следующая запись на листке датировалась уже другим днем и не была связана с мечтами.

– Это не ты написал, верно? – Женщина пристально посмотрела на Юрия, отчего он почувствовал себя преступником, жар его лица чувствовался на расстоянии. – На это указывает несколько вещей. Во-первых, ты позволил мне, чужому человеку, так просто прочитать твои мысли. Во-вторых, ты очень пристально читал страницу, как бывает только впервые. И в-третьих, я просто хорошо предчувствую.

Воздух пропитался стыдом: каждое слово оказалось правдой. Юрий испугался, что перед ним сидит сыщик, которому не составит труда по его болезненному виду определить, что он был в больнице, а там по следам и свидетелям найти владельца дневника и билета… И всем рассказать о воровских наклонностях юноши. Однако женщина лишь дотронулась его руки, подтянув ближе к скамье. Сладкий запах выпечки едва не заставил желудок истошно зарычать.

– Ух ты! Ты тоже идешь в филармонию? Ох точно! Мы ведь засиделись, скоро уже начнется. Пойдешь с нами?

Путь в филармонию лежал через аллею вдоль набережной, протягивался по мосту через реку, а дальше по нехитрому ходу между улочек… Ничего трудного, но это все нужно было преодолеть в скором времени, ведь опоздавших на представление не принимали, чтобы не сбивать музыкантов.

В тот момент, впрочем, как и в любой другой, хромота Юрия пришлась не к месту. Женщина – она представилась Кристиной – заметила недуг юноши, но расспрос опустила.

Катерина, ее племянница, была не такой мрачной и закрытой, какой показалась на первый взгляд, и все время радостно скакала вокруг нового знакомого; порой она заговаривала о болезни, но всякий раз получала неодобрительный взгляд от тети. Их сопровождал Насмешник; он то появлялся, то исчезал, отвлекавшись на явления природы.

При первых словах истории Юрия пухлое лицо Катерины налилось мрачностью, она усмирила игривость и поравнялась с тетей, ухватив ее за руку. Юноша рассказал вкратце о своей болезни, мечте и больничном подвале, опустив жуткие подробности. Девочка, равно как и женщина, задумчиво глядели на водную гладь, заходившуюся рябью от ветра.

– И мне тоже нужно будет забыть о рисовании?

– Нет. Ты никогда не поступай, как я, или потом будешь жалеть. Не забывай мечту…

Невообразимая ирония! Часом ранее юноша сам отверг мечту, а ныне утешал маленькую девочку, говорив обратное. Верно, он это понял, отчего на лице прояснилось печальное выражение.

Кристина вновь взволновалась, вспомнив про кладбище, и заговорила:

– Ты же слышал эту историю раньше? Нет? Многие пугают своих детей, чтобы слушались, страшным чудовищем, что забирает шкодников на старое кладбище, к другим детям.

Родители редко ругались на сына и такие угрозы считали неприемлемыми, да и сам болезненный мальчик не отличал-

ся баловством по понятным причинам. Однако Юрий бегло перебрал воспоминания и уже не был уверен, что не слышал подобного в детстве от ровесников.

– Мало кто знает, что изначально легенда гласит о существе который забирает именно желания, стремления, в том числе и мечты. Если у многих эта история ходит на языке как шутка, то мои предки передают ее поколениями.

– Умудрился же грузчик придумать такое…

– А если он просто побоялся написать правду? Что, если он попал на кладбище, а потом вернулся? Или узнал от того, кто вернулся? – Женщина поймала скептический взгляд, к какому она привыкла за свою жизнь. – Я работаю в антикварной лавке, где есть много старинных вещей, но записей об этом кладбище нет нигде. Только моя семья знает, да и не все верят. – Она достала из кармана визитную карточку. – Вот, приходи, если захочешь.

В пылу разговора, воспоминаний и раздумий Кристина не заметила, как рука племянницы выскользнула из ее ладони, а сама девочка с любопытством принялась рассматривать нечто в траве. Вдруг Насмешник замер, вздыбил шерстку и кратким рыком предупредил всех о беде.

Кот напряг лапы, чтобы преодолеть расстояние прыжком, а Кристина начала рыскать в сумке, но Юрий сдвинулся с места быстрее них. Внутренний голос подсказывал, что кошачий рык звучал по той же причине, что и в подвале, даже в одинаково злостном тоне. Он заковылял ближайшей ска-

мье и, схватив с нее горлышко разбитой бутылки, рванулся к девочке.

Девочка не заметила щупальце, а между тем оно высунулось из некой подземной трубы на длину пяди[1] и уже подкрадывалось к лодыжке. Острый край стекла легко разделил скользкую плоть надвое. В отдалении от тела отросток начал корчиться и иссох на солнце, став похожим на сухую ветку дерева. В темноте трубы невозможно было что-либо рассмотреть, и Юрий быстрым шагом вернулся вместе с Катериной.

– Показалось… Слышали… что люди жалуются на укусы насекомых?

Внешний вид Кристины нисколько не скрывал удивления – она все видела и поняла, но подавила любопытство, пообещав себе вернуться для изучения места. Душа антикварщика все-таки.

В пункт назначения они прибыли без происшествий. После долгого восхождения по многоступенчатой лестнице показались колонны центрального входа, ставшие усталому юноше опорой. Поток людей ломился в последние минуты до начала представления, отчего проверявший билеты мужчина работал в поте лица и не обращал внимания на внешний вид гостей. Однако неудачным выбором одежды Юрий настолько выдавал в себе недалекого человека, что контро-

[1] Пядь – мера длины, равная приблизительно 17 сантиметрам.

лер недовольно прочистил горло.

По случаю животной морды Насмешник оставил попытки пробраться в здание культуры и разместился на выступе подле перил, всем видом обозначив возмущение.

Первый этаж кишел людьми, одетыми в строгую почти сиявшую одежду. Одни женщины сжимали в руках дары фуршета и заговаривали зубы ухажерам, другие же толпились около закрытого входа в главный зал и постанывали от раздражения. Как только Юрий ступил на плиточный пол филармонии, двери распахнулись, начав поглощать людей.

Незадолго до начала представления юноша узнал, что его место оказалось в первых рядах, далеко от Кристины и Катерины, отчего они посмотрели на него с крайним чувством зависти. От одного вида на сцену представлялась стоимость билета, какая была вдвое дороже обычной – верно, грузчик имел сильный интерес к этому выступлению, раз не поскупился. Нахлынуло сожаление, впрочем, быстро испарившееся, когда первые номера открыли концерт.

Организаторы не были глупцами, о чем дали понять с первых минут. Сначала выступали неброские музыканты, игравшие чужие произведения более или менее ровно, а некоторые даже слишком механически. Каждый последующий участник был несколько интереснее, что заставляло томиться в ожидании последних номеров.

И вот вышла она.

Вначале слышался лишь медленный стук туфель. Тук,

тук, тук, тук… Платье скрипачки едва касалось пола, блестело на свету, подол извивался при движениях. Рыжие волосы, казалось, горели в ярких лучах прожектора, освещав затемненных зрителей. Под руку девушку вел юноша во фраке, вскоре направившийся в сторону фортепиано.

Стук затих, платье успокоилось. И сердце замерло на мгновение.

Завороженный Юрий, отдавший всю власть над чувствами зрению, пропустил объявление имени музыкантов. Он очнулся уже после того, как скрипачка вежливо поклонилась, и смотрел за ее глазами, которые бегло проскакали по ожидавшей толпе. Только первые ряды, в числе коих, помним, был наш юноша, могли услышать тот выдох.

Ни больше, ни меньше – чтобы успокоиться.

Инструмент прыгнул ей на плечо, пальцы приняли напряженную извилистую стойку на струнах, и смычок резко взмыл ввысь, однако плавно напоролся на струны. Пианист пока молчал, позволив вступить спокойно мелодии.

У нее было тоже не свое произведение. Нечто классическое, верно. Признаюсь, и я, и Юрий разбирались в музыке еще хуже здешних богачей, чей выбор свидания случайно пал на престижное выступление. Такая же ровная игра по нотам заставила большую часть жюри заскучать, в очередной раз поставив крест в списке участников. Скрипачка оставила глаза открытыми и прекрасно видела сонные лица и зрителей, и жюри, и даже улыбнулась – она играла с ними, она

потешалась.

В один момент девушка сомкнула веки так сильно, что верхние ресницы вплелись в нижние. Случился еще один резкий взмах, сила которого, будь у нее руках меч, могла разрубить человека, но безопасный смычок лишь заставил вздрогнуть сотню лениво вилявших взглядом людей. Пианист подхватил ритм, добавив скрипке мягких клавишных нот.

Эту мелодию, несомненно, знал всякий, кто хоть немного разбирался в музыке. На это указывали выражения лиц людей: удивление, волнение, задумчивость, негодование… Столько отличных друг от друга эмоций слиплись в единый комок в этом зале; они вспыхивали то на одном лице, то на другом, но не оставляли равнодушным никого.

И скрипачка была их дирижером.

Музыка поглотила ее, руки уже не чувствовались. В какой-то момент смычок летал взад-вперед, точно струны жутко чесались, в другой же успокаивался, отдыхал. Пианист проходил настоящую дорожку из раскаленных углей, и не всегда получалось не обжечься, не споткнуться. Однако девушка не замечала компаньона – он был всего лишь дополнением к ее игре.

За крохотное время выступления скрипачка старалась отразить в музыке все свои чувства, открыть их каждому. И она не стеснялась, поскольку знала, что люди будут заняты замешательством по поводу изменения знакомой компози-

ции. Только один юноша в зале не заметил этого; он сосредоточился на девушке и глазами, и ушами, и мыслями.

Несколько раз Юрий переводил взгляд на пожилого мужчину из жюри. Одна суть этого номера невообразимо раздражала его, а, когда скрипка не попадала в такт с фортепиано, он напрягал каждую часть тела, щипал морщинистую ладонь, чтобы не прогнать девушку со сцены. Гневный шепот, петлявший на грани проклятий, доносился до нее, отчего та лишь улыбалась и продолжала рассказывать всем о себе.

Невозможно передать, что чувствовал юноша, что смог понять из этого рассказа. Он знал точно только одно: это была ее последняя игра. И даже не потому, что в академию не возьмут такого своенравного музыканта… Это чувствовалось в ее резких, но точных движениях, в игре бровей, капельках пота, падавших на дощатый пол – все, что умела и чувствовала, она выложила на слушателей, говорив, что последний ее раз будет самым памятным.

Закончила она вместе с пианистом, и громкое звучание скрипки еще несколько мгновений отражалось от стен филармонии. Если во время игры все притихли, то нынешняя тишина больно резала слух, сила ее была велика. Конечно, Юрий нашел силы встать и начать аплодисменты. Его поддержали и другие зрители, но большая часть зала осталась сидеть в смешении чувств.

Как и остальным участникам, что в конце номера рассказывали про свой творческий путь и планы на будущее, де-

вушке выдали микрофон.

– Пожалуйста, не сдавайся, – сказала она голосом, немногим отличавшимся от чудесной скрипки. – Борись, даже если никто не понимает. Борись, даже если другие считают, что у тебя не получится. Борись, даже если ты и сам уже запутался. Борись так, как не смогла я…

Каждое слово вонзалось в сердце Юрия, подобно мелким иголкам – казалось, что девушка адресовала их именно ему и никому другому. И как жаль, что она не могла знать о новом поклоннике, который от ее речи вжался в спинку сидения.

Скрипачка и сама не знала, зачем произнесла это вслух. Верно, для самой себя.

Микрофон вернулся к конферансье. Девушка резко повернулась спиной к залу и обогнала пианиста, чтобы он не видел ее влажных глаз, а уже в гримерной комнате, всецело отдалась эмоциям.

Это было ее последнее выступление.

Перед тем как объявили антракт, выступило еще два музыканта, но Юрий не слышал их. Невзрачная игра мешала мыслям о скрипачке… Все вокруг померкло, затихло, картинки и звуки доносились издалека. Явно и четко ощущались только огненный след волос и переливы скрипки, что сохранились в памяти навсегда.

Каждая мысль была связана с девушкой: ее внешность, движения, голос и последние слова. «Борись так, как не

смогла я». Юноша переворачивал фразу, повторял ее шепотом, словно сумасшедший, и горький смысл с каждой секундой проникал в голову. Но почему она перестала бороться и что это за борьба? Это была тайна, которую она так и не рассказала за мгновения своей игры. Или же просто никто не услышал.

Один член жюри пристально смотрел на скрипачку все выступление, и после того его место пустовало. Воображение понадеялось, что в свободную минуту он заглянул к ней в гримерную, чтобы предложить учебу высшего уровня.

Юрий надеялся на это, переживал, как за давнего друга.

Ступени остались позади. Юноша решительно преодолел их одну за другой. Он решил: сегодня пробежит малость, завтра посетит гастроном, спустя неделю осилит школьный кросс, а через месяцы или годы окрепнет насколько, что сможет стать космонавтом. Иначе его мечта никогда не исполнится.

«Борись так, как не смогла я»…

Ах если бы все так и случилось!

– Нужно пробовать, – сказал он тогда себе с твердостью гранитного камня. – Если я сдамся, стоит ли жизнь того?

После физических упражнений и пробежки в подвале в ногах болело от любого шага. Проникшись воодушевлением, Юрий массировал больные места, растирал их, чтобы уменьшить неприятные ощущения. И вот он встал в беговую стойку, и багряный лист, коснувшийся земли, послужил старто-

вым выстрелом.

С высоты постамента колонны за юношей пристально наблюдал Насмешник, с привычным выражением морды. Он видел всю длину улицы, что тянулась от филармонии по мосту через реку к школе, и хитрый взгляд его говорил: мы еще встретимся. А между тем маленькая точка потихоньку уменьшалась.

Здание местной школы изливалось обилием детских голосов. Десятки ребятишек разных возрастов перевели взгляды на сверстника, который быстро и в какой-то мере забавно перебирал ногами. Вряд ли кто-нибудь помнил того хилого мальчика, что проучился с ними пару лет, а потом бесследно исчез. Тогда Юрий чувствовал себя олимпийским бегуном, за которым наблюдает вся страна, и старался выглядеть спокойно.

Стоило больших усилий оставлять глаза приоткрытыми, поскольку тяжелые веки жаждали предательски сомкнуться. В голову вонзались тупые гвозди, отчего силуэты и школьников, и прохожих казались размытыми, затемненными. Радостные крики и возгласы стремительно стихли, словно некто невидимый убавил громкость. Сухое горло жадно заглатывало воздух; на каждом вдохе, помимо боли в легких, на язык выступал соленый привкус. И сердце билось о ребра с такой силой, словно понимало скорую погибель организма и желало покинуть тело.

Силы иссякали с неприличной скоростью.

– Еще немного… – шептал Юрий – Я справлюсь…

Как только юноша оказался в конце школьной ограды, недалеко от автобусной остановки, ноги его онемели и не смогли разогнуться. Он упал на асфальт, в последний момент выставив руки вперед. Ладони приняли тяжесть падения, из трещин засочилась кровь.

Перед лицом Юрий различил силуэт с темными волосами. Незнакомец что-то взволнованно кричал, спрашивал, но звуки меркли из-за звона в ушах, даже удары по щекам чувствовались слабо. Губы сомкнулись от боли, так что слова не прорвались сквозь них. И вдруг паника охватила разум: он понял, что не дышит уже несколько секунд и толчки в груди прекратились.

На мгновение юноша увидел образы родителей, извинился перед ними за все, о чем жалел. За всю свою жизнь. На слезы истратились последние силы организма, и он потерял сознание.

Талант №4. Умение попадать на кладбище

Вначале была непреодолимая чернота. Юрий блуждал в неизвестном месте по жидкости, достигавшей уровня лодыжек. В руке он держал свечу, воск которой оставлял на коже красные следы жгучего прикосновения. Тьма была настолько густой, что крохотный рыжий язык огня освещал лишь нагое юношеское тело.

Сильный порыв ветра затушил теплившееся пламя. Юрий застыл, словно не мог сделать шагу без спасительного света, его последнее движение некоторое время отражалось рябью на воде. Прохладой веяло отовсюду, но больше всего от жидкости, в которой босые ступни немели. Вокруг не было слышно других звуков, кроме собственного дыхания, но воображение придумало сотню монстров, что таились подле и точили слюнявые клыки.

Вдали показалась крохотная капля света. Пламя нарастало и вскоре обратилось огненными волосами, какие юноша видел когда-то давно, в другой жизни. Девичий силуэт подступал медленно и грациозно, не создавав звуков на воде, и по мере его приближения крепла тихая мелодия. Юрий наблюдал за тем, как открываются тонкие губы, чтобы быстро захватить воздух, и тогда напев вновь обретал силу.

И вот незнакомка приблизилась вплотную и замерла. Узкая спина ее клонилась к воде под тяжестью оков, чьи цепи охватывали запястья и тянулись на дно. Почему-то только эта интимная деталь, среди прочих очевидных, привела обоих в смущение. Однако юноша нашел силы посмотреть в обреченные глаза, полные влаги.

Девушка коснулась нежными ладонями юношеских. Она опустила голову, отчего огненные пряди нависли над свечой. На тонком фитиле зародилось пламя, но, словно передав частицу света, волосы потухли. Несмотря на тяжесть металла, холодные кончики пальцев устремились к векам юноши и опустили их.

Спустя время и горсть усилий Юрий раскрыл веки, но отличия здешней темноты от той, что была во сне, не заметил. Он лежал на твердой поверхности в позе солдата: голова направлена вперед, плечи развернуты, руки вдоль туловища, ступни сведены… Пальцы вмиг поползли изучать одежду и тело, и от наличия того и другого тревога несколько притупилась.

Тишина драла уши. Слышался мерзкий надуманный писк; чтобы справиться с ним, пришлось самому издать звук. Голос получился хриплым, некрасивым, чему виной было пересохшее горло, но необычайно отчетливым.

На мгновение Юрий вообразил, что находится в собственной кровати, в комнате с выключенным светом, но ощу-

щение твердой поверхности под собой рушило это предположение. Он приподнял было туловище, но ударился лбом о нечто твердое, породившее глухой деревянный звук, и вновь расслабился. В приступе страха ладони бегло ощупали непрерывную преграду впереди, раскинулись по бокам и потянулись вверх; подошва кроссовки столкнулась с последней поверхностью. Гладкие и ровные стены окружили юношу со всех сторон.

Это был гроб. Именно такой, каким юноша его представлял.

Порой во времена беспричинной тоски или в пылу опасных моментов жизни появлялись мысли о смерти. Когда-нибудь нога соскользнет со ступени в подъезде, в случайной драке сердце не выдержит и остановится, машина на дороге не успеет затормозить… Причин для смерти при хорошем воображении придумалось бы сотни. Болезненный юноша всегда знал, что выбор старой дамы пал на него незадолго после рождения и вместе с родителями он лишь отдалял ее приход; но тогда она напомнила о себе самым явным способом.

В одной из книг Юрий читал о преждевременных захоронениях, но на бумажных страницах все ощущалось отдаленно, словно такое не может случиться в жизни. Однако нынешняя ситуация все менее походила на сон или шутку.

Глубокий вдох. От него легкие заболели, как у новорожденного.

Минута без движений. Всего лишь шестьдесят секунд, которые растянулись по меньшей мере в сотню раз.

И вдвое длиннее выдох.

В темноте представлялось, что крышка гроба находится на крохотном расстоянии и с каждым мгновением опускается ниже, пока не коснется носа.

Пальцы отчаянно заскребли по дереву.

Возможно, родители и другие родственники еще стояли подле могилы и оплакивали его. Однако на такой глубине самый громкий крик не будет слышнее писка комара на оживленной трассе. Разбить толстую древесину маленьким кулаком не получится – только сломаются пальцы. Да и это нужно было делать с умом, иначе он лишь укоротит себе оставшееся время.

А сколько времени осталось? Воздух и крышка гроба едва начали нагреваться от тепла его тела, а значит, он находился под землей недолго; он не знал, сколько поглощал воздуха, не знал объем гроба, но сообразил, что не более двух часов.

Сотня минут медленной смерти.

Надежда покинула юношу. Он закрыл глаза и смиренно отпустил напряжение во всем теле. Внутренние часы показали, что таким образом он провел долгие двадцать минут. Временами панические приступы удушья пробивались сквозь спокойствие, и тогда легкие нещадно тратили ценный запас воздуха.

Неожиданно по всему гробу вспыхнули огоньки. Яркий

желто-зеленый свет озарил темный коричневый цвет древесины. Неизвестные образования, похожие на комья пуха, чудесным образом проникали сквозь стенки гроба, медленно парили внутри, освещав и затемняв окружение. Один пушистый шарик случайно наткнулся на подушечку пальца юноши, и вдруг отскочил в сторону преграды и мгновенно исчез за ней. И все же в момент прикосновения почувствовалось тепло, как от нагретой лампочки.

Все это потрясало, заставив усомниться в знаниях о животных, гробах, древесине, почве и здравости разума. Однако сознание поспешило выдать нехитрое объяснение: верно, это подземные насекомые, способные прогрызать древесину.

Юрий ощупал каждый участок крышки гроба. Ни отверстий, ни мелких трещин не нашлось.

Тогда он представил, что существа складывают тело до размеров, не различимых глазом, и просачиваются в мелкие поры.

Этим он себя и успокоил.

Так же неожиданно, как и появились, светлячки покинули гроб. После приятного свечения, при котором незавидное положение ощущалось с меньшей силой, возвращение во тьму далось нелегко. Стены гроба уже не просто приближались, а, казалось, напирали, сдавливали тело, и конечности невольно дергались от напряжения. Лежать без действий было невыносимо.

От собственной безысходности Юрий направил кулак в

крышку гроба и приготовился к резкой боли, сломанным пальцам, больным мышцам и суставам… И когда ничего из этого не случилось, удивление его было так велико, что проступило на лице. Кулак вместе с кистью прошел сквозь древесину, будто та была тонкой паутиной, а не серьезным препятствием. Почувствовалась сырая земля, что странным образом не сковывала движения; напротив, шевелить рукой было не труднее, чем в толще воды. Юноша вытащил ладонь, ощупал: чистая. Целостность гроба определенно не была нарушена.

Этому Юрий не смог найти объяснения, а потому подумал, что сошел с ума. Как ни странно, такой вывод объяснял все зачастившие странности. Гнет острой ситуации, уменьшение воздуха (а ведь он находился в сознании уже порядка трех четвертей часа) и странные создания, которые, конечно же, мерещились ему – все это не походило на сон, но очень желалось быть им.

Среди печальных мыслей все же промелькнула искра надежды. Переполненный решимостью, Юрий вновь почувствовал земельную прохладу и зацепился за нечто по другую сторону древесины. Одна рука подтягивала его, в то время как вторая отталкивала от поверхности. Неспешными движениями юноша начал подниматься. Вскоре сквозь крышку гроба прошла голова, позже тело, и юноша выпрямился во весь жалкий рост. Неизвестно, чего он ожидал от погружения в землю, но точно не обуявших его ощущений.

Юрий оторвался от опоры и парил в невесомости. По его представлениям именно так должен был ощущаться космос: бесконечная тьма, холод, свобода, надежда… Он плыл в этом пространстве в неизвестную даль и лишь волнительно гадал, что выбрано невидимым рулевым за пункт назначения.

Как только ладоней коснулся холодный ветер, юноша вынырнул, как дельфин из водной глади, и распластался на животе. Первым делом он обернулся и подполз к месту своего воскресения, где земля, несмотря на это событие, оставила вид аккуратного холмика. Некоторое время юноша потратил на подъем, опершись о могильный камень.

Надгробие поневоле заставляло поверить в происходящее. В верхней части серой плиты виднелся портрет юноши, словно нацарапанный острым предметом; черты лица были переданы с невообразимой достоверностью. Под ним извилистые буквы, создававшие неглубокие бороздки, рассказывали, что в этом месте покоится именно он, а указанные годы жизни оказались точными: жалкие семнадцать лет. Завершала этот букет странностей эпитафия, слова которой не мог знать никто, поскольку они были произнесены в одиночестве, причем недавно:

«Если я сдамся, стоит ли жизнь того?».

Юрий невольно попятился в желании отдалиться от жуткой картины, и напоролся на приземистую ограду, что окаймляла место погребения. Едва не споткнувшись, он

оглядел сначала витиеватый орнамент плетеного металла, а затем поднял взгляд на пейзаж за пределами собственной могилы. Перед ним расположилось обширное кладбище, усеянное, надгробиями и крестами, как сорняковое поле.

Последние медные лучи солнца тускнели с каждым мгновением, но еще освещали разнообразие каменных плит, потрескавшихся от времени, размытых и потерявших цвет от дождей, и крестов, покрытых вьюнами и мхами. Многие из них прятались за частыми стволами кленов и берез, а некоторые заметно погрязли в траве, как и участок юноши. И на каждом невидимая рука оставила неповторимый отпечаток.

Все это, хотя и нагоняло страх, было более или менее обыденностью для кладбищ, укладывалось в человеческом сознании. А вот дети…

Одновременно в нескольких местах показались детские силуэты. Они спокойно в обществе друг друга направлялись к своим могилам или же стояли подле них – и те и другие скрывались под землю с такой беспечностью, будто воскресение было для них элементом быта. Впрочем, в отличие от кошмарного сна, призванного пугать разум, эти существа, кем бы они ни были, не стремились нанести вред. Напротив, дети казались обыкновенными на вид, разных наружностей и разных возрастов.

Если бы юноше сказали, что местная школа решила провести экскурсию по кладбищу, он бы долгое время и не сомневался в правдивости сказанного.

За несколько минут кладбище погрузилось в сумерки, и дети оставили Юрия в одиночестве. И он не мог понять, был ли рад этому событию.

Неожиданный голос в тишине и полумраке заставил вздрогнуть:

– Ночь нужно непременно переждать в гробу.

Соседка по могиле высунулась из земли лишь наполовину и, скрестив руки, глядела на юношу так, будто он не знал прописной истины. Девушка смутилась, поскольку не привыкла видеть подобное спокойствие, а бледность лица и красный от прохлады нос, напомнившие клоунский грим, несколько смешили. Дав подсказку, она начала погружаться под землю. Однако в последний момент луна вспыхнула слишком ярко и вместе с привыкшим зрением стали различимыми черты юношеского лица.

Под неразборчивый шепот девушка плавно выскользнула из земли, словно ее подтянули за нити, и взмолилась:

– Пожалуйста, послушай меня. Оно скоро явится…

Юрий вздрогнул и невольно шагнул назад.

– «Оно»?! Что происходит? Кто ты?

Незнакомка ловко потянулась к Юрию в попытке силой направить оцепеневшего под землю. Вдали послышался протяжный каменный скрежет. И после того она замерла на половине действия и со страхом посмотрела в сторону источника звука.

– Полезай в гроб немедленно! – почти зашипела девушка.

Впечатления от разных органов чувств не могли тогда понять, где спасение, а где смерть – все окружение казалось враждебным. И сработал первобытный способ защиты: удалиться от опасности. Юноша перебрался через ограду и устремился в случайном направлении.

– Постой! – прокричала соседка по могиле, что уже в ночи приравнивалось к смерти. Она думала броситься вдогонку, но нечто сильно испугало ее и страх сковал тело прочнее стали. Вера в их следующую встречу моментально испарилась. – И черт с тобой!

Верно: черти только-только выбрались на охоту и уже направлялись по его следам.

Некоторое время Юрий блуждал по тропе, вдоль которой по бокам часто встречались деревья; их изломанные ветви представлялись костлявыми руками, жаждавшими человеческой плоти. Вдали завиднелись очертания кладбищенских ворот, что поскрипывали на ветру. За ними простирался глухой лес, но юноше трудно было представить, что он окажется более странным и жутким местом.

На полпути к цели за спиной послышались гулкие шаги; образ неизвестного дополнился смрадом гнили, который вызывал неутолимый кашель. По телу мигом пронесся холодок, вздыбивший каждый волос на теле. Голова зачесалась от пота. Слабые ноги сделались совсем беспомощными, не способными рвануться в полную мощь.

«Не сметь оборачиваться, даже шелохнуться», – твердил

внутренний голос.

В тот момент Юрий чувствовал, что стал жертвой. Нечто ужасное готово было вцепиться в него, но не в спину – так охотники не поступают. Это был не хищник, а именно охотник, и он желал, чтобы дичь осознала скорую гибель; ведь ожидание гибели – это самое страшное для жертвы и самое сладкое для охотника.

Вдруг птица пронзительно каркнула за спиной, и Юрий невольно обернулся на звук. Как только он посмотрел во тьму позади, в ней вспыхнули две алые точки. И кладбище вмиг исчезло.

Талант №5. Умение сбегать от монстров

И снова тьма. В последнее время встречи с ней стали регулярными.

Вновь босые ступни пробивали водную гладь, вновь не доносились ни запахи, ни звуки, кроме собственных шагов. Однако чувство опасности поразительным образом молчало и после проклятого кладбища Юрий был рад даже этому месту.

Как и в прошлый раз, после некоторых скитаний вдалеке показался свет в образе шести голубых огней. По мере приближения полыхавшие точки обретали форму, превратившись в двери, их очертания расплывались, местами мелькали полосы в виде помех. Общий дверной косяк изгибался полукругом, а перед ним парил в воздухе игральный куб размером с человеческую голову. Свечение дверей отражалось от граней, словно они были выполнены из стали и отполированы.

За сегодняшний день юноше довелось увидеть странного кота, подвальное чудовище, оказаться в гробу и неизвестным способом выбраться из него, попасть на ночное кладбище, по которому прогуливались дети… Поэтому закрытые двери, погруженные в черную воду на четверть, казались чем-

то обыденным, нормальным. Даже смешно было, что судьба уже не могла преподнести более необычное явление, теряло способность удивлять. В будущем его ожидало еще много странностей.

На каждой двери в верхней части была прибита табличка с номером и знаком плюс или минус. Нумерация начиналась не единицей, а семеркой, и дальнейшие цифры лишь увеличивались. Две крайние справа двери под номерами девятнадцать и двадцать два были заперты по причине толстой цепи и увесистого замка на ней; остальные же не открывались из-за отсутствия ключа.

Юрий обошел куб со всех сторон, провел рукой под и над ним, чтобы убедиться в его способностях к парению. Не заметив ничего жуткого, он придал ему скорости и стал наблюдать за вращением граней. Диковинный предмет натужно скрипел и долго не прекращал движения. После остановки ближайшая грань с подсветившейся цифрой семь выдвинулась навстречу юноше. Внутри ящичка на дне покоился старинный ключ с круглой головкой.

Казалось, два странных явления нашли точку пересечения, однако после первого оборота ничего не произошло, второй также не дал результата… Тогда юноша настойчиво прокрутил ключ до упора, который исчислялся семью оборотами. Дверь «семь минус» поддалась.

За дверным проемом разлились разноцветные краски, быстро сложившиеся в образы: мальчик, что шел по школь-

ному коридору, виднелся отчетливо, ярко, а лица однокашников разглядеть было трудно. Во время перерыва в сопровождении гомона, что создавал приятную отрешенность, он с книгой в руках направлялся к освещенному подоконнику.

За скудное телосложение его невзлюбили местные задиры. Хотя складывалось впечатление, что он им очень нравился, ведь они проявляли повышенный интерес к сверстнику: ставили подножки, толкали, щипали и разжигали драку. До этого дня им удавались все шалости, кроме последней, но, так случилось, именно в тот день в подмышке была зажата редкая книга о строении самолетов. Нет, хулиганы не интересовались выцветшими страницами, поскольку не знали и половины слов. Однако заставить хилого мальчика махать крохотными кулаками было для них чем-то сравнимым с ежедневным ритуалом и доставляло высшее наслаждение.

Мальчик увлекся содержанием книги и не заметил подхода недругов. Поэтому книга, схваченная за край обложки, вмиг оказалась во вражеских руках. Страницы посыпались из ветхого переплета и разлетелись по школьному полу. Бешенство вселилось в слабое тело, подобно электрическому разряду. Кощунством было портить книгу – его книгу! – которую родители подарили на отложенные деньги в день рождения.

Хулиган уклонялся бодро, но маленький кулак все же зацепил его щеку. Лицо тотчас же искривилось в улыбке, словно удар значил начало долгожданной схватки. Замученные

скукой дети стремительным потоком собрались поглядеть неравный бой и охватили его участников в круг.

В такие моменты, верно, должен выходить незнакомец из соседнего класса, новенький, что недавно перевелся в школу и страстно ненавидел глумления над слабыми, или хотя бы бойкая девочка, на которую хулиганья рука бы не поднялась. Подобное обычно происходило в книгах, но не в реальной жизни.

В то время недуг только начал захватывать тело мальчика и попытки бороться случились, но слишком неумелые – и по силе, и по ловкости обидчик выигрывал. Спустя время сквозь толпу на помощь пришел учитель и в порыве волнения послал такие угрозы, что дети невольно разбежались по разным углам, коридорам и даже этажам.

В медпункте смогли лишь очистить ссадины от крови и микробов. Через десяток минут после звонка на пороге лечебной комнаты оказалась мать – благо, школа находилась близко. В тот же час мальчик уже лежал в домашней кровати и ощущал действие лекарств. Охваченная страхом женщина вызвала Александра Геннадиевича, опасавшись остановки сердца, шанс на восстановление которого колебался где-то в области невозможного.

Смотреть на себя было трудно. Маленький, низкий, слабый, задыхавшийся, Юрий ненавидел свое тело до скрипа зубов. Хотя чувствовал гордость за проявление храбрости.

Книгу потом ему вернули в новом издании вместе с пись-

мом извинений от директора. Так как она перестала быть подарком родителей и к тому же причиняла недобрые воспоминания, мальчик более не притронулся к ней. По случаю неистребимого гнева мать Юрия намеревалась лично поговорить с родителями хулигана, каких считала недостойным воспитывать ребенка, и запросить штраф за потраченные лекарства и вызов врача. Однако сын отговорил ее.

За дверью под номером десять со знаком плюс Юрий переместился в родную квартиру, где домашний учитель, подруга матери, занималась с ним начальными науками. Порой мягкий высокий голос Елены и запах выпечки отвлекали мальчика от умственной работы, но даже в моменты повторных объяснений женщина не кричала на ученика, хотя в голосе и появлялись сердитые тона; она привлекала его внимание тем, что брала крохотную детскую ладонь в свои теплые. Она любила мальчика как родного и чувствовала, что ему еще предстоит сделать великие открытия.

– Ведь в жизни как, – говорила она, – что-то теряешь, но что-то приобретаешь. Просто тебе нужно найти то, в чем ты силен, то, чем наградила тебя жизнь.

В детстве мальчик воодушевлялся от слов женщины, но по прошествии тягостных лет юноша издавал лишь печальную улыбку. Он был твердо уверен, что жизнь забрала у него гораздо больше, чем подарила.

С точными дисциплинами, где требовался холодный расчет, Юрий справлялся легко, а вот с науками чувственными,

в которых нельзя было отыскать точный ответ, связь налаживалась с трудом. Всякий раз на занятиях литературы из учебной комнаты слышались вздохи, стоны и возмущения, так смешившие Елену. Возможно, только из-за нее мальчик соглашался постигать духовную сторону жизни.

В тот день Елена решилась на эксперимент, взяв из библиотеки детскую фантастику на замену школьной программе, и вместе с учеником преодолевала категоричность любви к научным книгам. Одни моменты, по ее мнению, сложные, она читала сама, восхищав мальчика безупречной дикцией и изменчивостью голоса в зависимости от роли, объясняла их, а на других сама слушала недовольное детское чтение. Впрочем, с каждым предложением нити повествования опутывали Юрия, отчего вскоре он и не заметил, с какой скоростью закончилась глава. Женщина ликовала от победы.

Приглушенное радио вещало классическую музыку, но вдруг затихло. Моцарт передал эстафету ведущему для важного объявления: всего десять минут осталось до показа программы «Люди, изменившие мир», где раскроют ранее недоступные материалы про известнейших космонавтов.

– Тетя Лена, пожалуйста! – взмолился Юрий. – Я не могу пропустить. Хочу-хочу-хочу!

– У тебя есть еще десять минут. – Она честно пыталась сделать серьезный вид, но блеск юных глаз мальчика смягчил ее. – Вот перескажешь главу, ответишь на мои вопросы – будут тебе космонавты.

Не стоит говорить, насколько ускорилось обучение; достаточно будет сравнить полет птицы и самолета. Мальчик бурно рассказал сюжет и даже предположил, что случится дальше, хотя по случаю радостной спешки упускал детали. В целом Елена осталась довольна и медленно провела его в гостиную, усадив на мягкий диван, а сама удалилась на кухню.

Вводная часть передачи прошла, началось самое интересное: старые фотографии летчиков и космонавтов, видеозаписи о создании кораблей, рапорты о прибытии космонавтов на Землю и личные дневники, которые они вели на борту шаттла – все это можно было увидеть на экране старенького телевизора, что временами барахлил, хотя тогда показывал безупречно.

Юрий желал прикоснуться к этим знаниям.

Включилось видео. На площади собралась толпа, люди со всей страны приехали, чтобы посмотреть на героя. Первый человек в космосе, открывший миру путь к неизведанному Его полет длился чуть более полутора часов (для землян всего лишь полтора часа – для него случилось целое приключение).

С речью на сцену вышел руководитель страны в смешных очках и шляпе:

– Дорогие товарищи! Дорогие друзья! Граждане всего мира, я обращаюсь к вам с чувством великой радости и гордости: впервые в истории человек с планеты Земля на корабле, созданном руками множества ученых, техников и инжене-

ров, вырвался в космические выси и совершил первый рейс к звездам.

Непонятно было, он ли остановился или речь заглушили бурные аплодисменты. Тысячи людей забили в ладони, будто от этого зависели их жизни, неподдельная радость успеху земляка наполняла их. Затем последовал несколько долгий рассказ об истории страны, поименная благодарность всем, кто участвовал в постройке корабля, отпугнувшие бы обычного зрителя, но не Юрия.

Смена ракурса камеры – и все увидели стройного мужчину приветливой наружности, с гордым видом маршировавшего по красной дорожке. Когда он дошел до руководителя страны, то приложил правую руку к виску и (толпа мгновенно затихла) начал отчет: «Рад доложить вам (он с теплотой обращался ко всем людям, среди которых на площади стояли родные, друзья, знакомые, коллеги…): первый в мире космический полет совершен на космическом корабле «Комета-3» двенадцатого апреля данного года. Все системы и оборудования корабля работали четко и безупречно, самочувствие отличное, готов выполнить любое новое задание. Майор Г.». Они обменялись рукопожатиями и под овации граждан скрылись за горизонтом на машине.

Не прошел мимо внимания мальчика и рассказ о конструкции упомянутой «Кометы-3». Умелые техники объясняли простоту и оттого гениальность данного шаттла, про доблестную работу космонавтов, и ведущий затронул тему о

критериях отбора в космонавты.

Юрий вжался в спинку дивана и невольно задержал дыхание.

– Во времена Г. отбирались самые отважные, самые сильные телом и духом люди. Вот некоторый ряд обязательных условий: возраст менее 30 лет, рост не более 170 сантиметров, вес – 70-72 килограмма, абсолютное здоровье (отсутствие хронических заболеваний и следов хирургического вмешательства, удовлетворительное физическое и психологическое состояние), высокий уровень летной подготовки и, конечно же, членство в политической партии. Сейчас же требования несколько изменились в лучшую сторону для желающих. Космонавтом ныне может стать человек до 33 лет, роста от 150 до 190 сантиметров, веса от 50 до 95 килограммов, с высшим образованием в области ракетно-космической и авиационной промышленности, и все таким же отличным здоровьем (правда допускается перенесение некоторых операций).

Горько было осознавать, что мальчик тогда подходил лишь по возрасту, а спустя много лет с натяжкой еще и по росту. Многое из сказанного не достигало разума, который верил в Александра Геннадиевича и надеялся, что обучению в сфере авиации, а возможно, и становлению космонавтом. Он уже представил, как обрадует мать.

С трудом ходивший, Юрий самостоятельно встал с дивана, вскарабкался на сиденье и радостно запрыгал. Елена

управлялась на кухне и не могла подозревать об этом. В дверях послышались щелчки – мама вернулась с работы. Когда мальчик спрыгнул с дивана, ноги испытали колоссальную нагрузку и подвели его, утратив возможность движения на долгие дни. Хромота на правую ногу осталась воспоминанием об этом моменте.

Елена еще долго успокаивала напуганную женщину и вызвалась на несколько недель ежечасно наблюдать за учеником. Несмотря на рану на голове и больные ноги, мысль о космонавтике грела душу Юрия. После рассказа мать мальчика смогла лишь удалиться в другую комнату и прижаться лицом к подушке, чтобы заглушить плач.

За двенадцатой дверью открылась старая кухня, где за столом совершалось тягостное чаепитие. Под этим предлогом мать и отец обсуждали будущее их сына. Мальчик подслушал разговор много лет назад и быстро забыл его, но зажившая рана открылась с удвоенной силой.

– Он все еще думает о космонавте…

– Пусть выкинет это из головы! Он уже достаточно взрослый, чтоб понять свое положение.

– Тише ты! Тише!

– И не нужно молчать, не нужно питать себя глупыми мечтами. Его жизнь сложилась так, как сложилась, и мы сделали все, что могли… Так пусть же выберет то, что ему по силам.

– И что же «ему по силам»?

– Не знаю, не думал…

– А я думала! И список очень небольшой, чтоб ты знал… Учитель, переводчик, писатель, бухгалтер или… продавец в магазине. Думаешь, он захочет, думаешь, согласится? Скажу сразу, что нет!

– Хочет или не хочет – придется выбрать. Дело в другом: что будет ему безопасным. Учительство – это вечные нервы, беготня по кабинетам, письмо мелом на доске… Он с трудом чашку с водой поднимает.

– Он уже хорошо ходит, – возразила мать. И это была правда: ноги первыми поддались лечению. Именно поэтому мальчик скрывался за стеной в коридоре. – Лекарства помогают. Если он и не будет великим бегуном, то хотя бы сможет работать в астрономической обсерватории какой-нибудь. Будет жить, как нормальный человек.

Нормальный человек… Мальчик понимал, что он гораздо слабее других. Многие ровесники уже играли в футбол, плавали, тренировали тело, а он только начинал ходить после обострения болезни. С того момента он перестал поднимать разговоры о космосе; лишь спустя несколько лет Александр Геннадиевич узнал об этом.

– Мы не можем жить надеждой на чудо, мы должны подсказать ему. И чтобы это была достижимая для него профессия.

– Я не знаю… не знаю, как сложится его жизнь. Все покажет будущее…

Власть над разумом начала возвращаться. Чья-то сильная рука грубо толкнула юношу в камеру заключения, после чего решетка хлопнула и замок щелкнул дважды от ключа. Ближе к центру узкого помещения ноги согнулись, и юноша упал на колени в мутную лужицу на каменному полу. Влага вмиг пропитала штаны и одарила ледяным прикосновением.

Темница складывалась из неизвестной породы, что осыпалась на потолке из-за бурного роста корней деревьев. Желтоватые каменные блоки были поставлены друг на друга неровно и местами выдавались вперед. По углам разрастался мох, который стелился низким ковром по полу, заползал в виде зеленых обоев на стены. В помещении не обнаружилось ни окна, ни лавки, ни кандалов – всех тех удобств, что находились в любом порядочном месте заключения.

На ближней стене за решеткой висел факел, прикрепленный к подвеске, и его особенностью было тусклое голубое свечение, какое не свойственно огню. За железными прутьями вдруг раздался такой гул, что вздохи ужаса терялись в нем, и пламя извивалось от порывов воздуха. И вот затихло.

Юрий прислонился к решетке камеры заключения, и руки его онемели не то от прохлады металла, не то от величия механического монстра. В центре жуткой машины виднелся чугунный чан, утончавшийся внизу горлышком, а над ним возвышался металлический блин, что по форме едва уступал ширине сосуда. Тотчас же ниже горлышка располагалась каменная плита с длинным форменным желобом. К этой ос-

новной части по бокам примыкали пульт управления, содержавший на себе несколько рычагов и одну кнопку, и клетка, внутренности которой скрывала тьма.

Все это напоминало кузню. Вот только чаны для плавки железной руды широкие, приземистые, чтобы можно было перевернуть и направить огненную массу в желоб; здешний же выглядел противоположно – высокий и узкий, словно под человеческий рост.

Не сразу Юрий заметил две фигуры, что стояли подле чана. Высокие почти до потолка тела покрывали черные плащи, скрывавшие их во тьме. Подобного цвета шляпы наседали на странные головы, будто без волос и ушей, и повторяли все движения хозяина. Незнакомцы, несмотря на жуткую внешность, походили на людей, а звуки беседы, пусть и басовитые, неразборчивые, выдавали в них разум.

Вопросов появилось так много, что трудно было выделить более волнующий. Куда исчезло кладбище? Где юноша находился? Кто были эти люди? И зачем он им понадобился? Стоит сказать без лишней загадочности: очень скоро ответы нахлынут на юношу, как волны штормового океана.

Люди в плащах отличались по размеру. Тот, что был крупнее, бесшумно, словно тень, приблизился к низкой клетке; меньший неподвижно наблюдал, как ученик за учителем. Человек в плаще достал из кармана ключ, который показался крохотным в длинной ладони, и отворил дверцу. Его рука шарила по затемненному пространству.

В тот момент послышались шорохи, будто некие существа поползли к дальней стенке клетки; они издавали тяжелые вздохи, отрывистые стоны, повизгивания, подобно скулившим животным. Вытащенное создание оказалось маленькой девочкой. Человек в плаще держал малышку с бледным в страхе лицом за ворот рубашки, как котенка за холку, словно боявшись дотронуться до детской шеи. За девочкой из клетки потянулись товарищеские руки, пока меньший обидчик не запер дверцу, сунув ключ в карман.

Детские лица скрывала темнота, и Юрий благодарил ее это. Хотя его воображение само представило и количество заключенных, и искаженные ужасом гримасы, и осознание того, что он вскоре окажется в таком же положении.

Несмотря на змеиное извивание, девочка вскоре нависла над чаном и полетела вниз, ударившись о его дно. Тотчас же ногти заскребли по неровной поверхности сосуда – она пыталась подтянуться к краю, зацепиться за него, но жалкие попытки совершались под надзором похитителей.

Крупный нажал кнопку на пульте управления. Пресс зашевелился, загремел и стал опускаться; он совершал движения крайне медленно: сначала робко подступал к краям сосуда, затем преодолевал расстояние внутри, но после двух третей чана вдруг рывком устремился ко дну. Раздался краткий крик, что отпечатался болью в сердце и детей, и юноши. В резервуар горлышка толчком вылилась голубая жидкость.

Человек в плаще открыл клапан, и желоб наполнился вяз-

кой субстанцией, что быстро затвердела на воздухе. Он подковырнул пальцем получившийся кинжал и густо обмотал рукоять тканью. Проба на руке товарища дала результат: он зашипел от боли, как раскаленное железо в воде, и отпрянул, прижав руку к ране.

Пока дети с ужасом наблюдали за судьбой подруги, чьято особенно длинная рука осторожно скользнула в широкий карман плаща. Остальные, в числе которых был и Юрий, внутренне молились на успех смельчака, и общими силами удалось достать ключ. Вдруг поля шляпы сделали резкий поворот, и рука ребенка мгновенно исчезла в темноте клетки. Не заметив пропажи, люди в плащах стремительно удалились из комнаты.

Неизвестный уперся к дверце решетки, где находился замок, и в редком свету явил мальчишеские черты лица. Он беспечно, не скрывав звуков, лязгал ключом в замочной скважине – руки его, покрылись скользким потом, дрожали от волнения, а губы с каждым мигом смыкались в узкую полосу, говорившую о напряжении. Вдруг сердце его забилось чаще – от сильного толчка он едва не выронил ключ – и черты лица разгладились, словно онемели. Радость вмиг покинула оживленные счастьем тела товарищей.

Ключ не подошел.

На мальчика посыпались осуждения так же мощно, как и мольбы минутой назад.

Он остался у прутьев решетки и поглядывал на дверной

проем, в котором исчезли люди в плащах. Взгляд его потух и лениво блуждал по комнате, пока не наткнулся за две серые точки, блеснувшие в камере заключения.

Настроения пленников пересеклись: отчаяние и надежда.

– У тебя, – сказал Юрий незнакомцу и перевел взгляд на его руку.

Мгновение мальчик обдумывал слова, словно позабыл о сжатом в кулаке предмете.

– Ключ хочешь? – сказал он таким тонким голоском, что юноша дал ему лет десять, не больше.

– Да… Брось его мне.

– А ты, если выберешься, откроешь клетку?

Юрий ответил не сразу, чем вызвал настороженность. Нахлынула грусть: если он и откроет свой замок, то без нужного ключа никак не сможет спасти детей. Он мысленно пообещал себе предпринять все возможное, но в случае прихода людей в плащах поставить свою жизнь на высшую ступень.

– Скорее!

Послышался тяжелый вздох. Мальчик отодвинулся от прутьев решетки, немного помедлил, и через комнату полетело нечто плоское. Как выяснилось позже, это была записная книга с ключом между страниц, закрытая застежкой. Она приземлилась в лужицу перед камерой заключения, и юноша жадно потянулся за ней, как нищий к куску хлеба.

Несмотря на кожаную обложку, страницы книги пропитались влагой, пока кончик пальца подтягивал ее.

– Спаси нас… Тут есть совсем маленькие.

Юрий не слышал: глаза были направлены только на замок, дрожали от волнения, а в висках пульсировала кровь, что сбивала посторонние звуки. Как и мальчик, он справился не сразу по случаю ржавчины в старом механизме, но после двух щелчков изо рта вырвался радостный стон, веки расширились, глаза победоносно сверкнули во тьме.

– *Нет!* – послышался басовитый рык, после какого приоткрытая дверь решетки с силой впечаталась в проем. Звук походил на карканье, неразборчивое, нечеткое, словно в глотке бурлила кипящая жидкость. – *Не так просто.*

От испуга Юрий отпрянул в центр комнаты и проморгался, не поверив зрению. Он мельком увидел тонкие остроконечные пальцы, черные, будто испачканные в саже. Человек в плаще ловко продел один из них в головку ключа, отобрав его, и вновь запер пленника. Даже когда он выпрямился перед тюремной камерой, широкие поля шляпы скрывали лицо – лишь две алые точки сверкали на нем, точно фонари. Вскоре смрад вонзился в ноздри и заставил поморщиться: смесь сырости и гнилой плоти.

Люди в плащах издали отрывистые звуки, что показались извращенным смехом, и покинули комнату. И только запах напоминал об их недавнем присутствии.

Юрий еще долго всматривался в толстые прутья решетки, отчего в глазах начало темнеть, а потом неожиданно для себя улыбнулся на манер полоумного и прикрыл лицо ладонями.

Жизнь позабавила его. Сама мысль о том, что он поверил в ее шанс, что так просто удастся спастись, наводила приступы смеха. Нет, он точно не спит – во сне чудо могло бы произойти.

В отчаянии юноша ходил кругами по влажной земле помещения, направив разум в мысли, и тихо беспокойно бормотал: «Я не сбегу… не сбегу… Я здесь и умру»… Правда, это состояние продлилось недолго, поскольку мышцы истратили последние клочки сил.

В одном месте тюремной камеры нашелся сухой участок земли, и Юрий сполз по стене, прижавшись свитером к холодному камню. Факел освещал его, отчего тень весело играла на полу; языки пламени указали на лежавший неподалеку дневник. От скуки рука потянулась за ним, и мокрая обложка неприятно коснулась кожи. Юноше срочно требовалось занять мысли чем-нибудь другим. Неспешное описание кладбищенской жизни не достигало сознания, а капание воды с потолка, притихшие дети в клетке нагоняли дремоту. Усталость ощутилась крепче, чем в любой другой момент. Организм перегорел, как лампочка, от постоянного стресса.

Скрестив руки на груди, чтобы согреть их, Юрий удобно разместил голову в едва различимом углублении в стене и перестал противиться сну. Веки тотчас же захлопнулись. Трудно было сказать, сколько времени прошло, какие сны он видел – его разбудил знакомый голос, донесшийся откуда-то сверху.

Слова слышались отдаленно и потребовалось напрячь слух.

– Юрий…

Затихло. В этом коротком звуке мгновенно вспомнилась девушка из соседней могилы. Удивительным образом всего несколько сказанных слов ее мелодичного голоса крепко отпечатались в памяти. Или же ситуация просто вынуждала его поверить в зов, в попытку помощи… Может, это была странность, что чудилась ему из-за помутнения рассудка? В качестве опровержения домысла вновь раздался голос с иной интонацией:

– Юрий!

В нем все ярче чувствовалась мольба, хрипота и дрожь связок, словно натянутых на морозе струн.

Юрий поднялся и осмотрел толстые корни на полотке и задумался: если он смог пройти сквозь землю и выбраться на поверхность кладбища, сможет ли точно так же попасть в гроб? А если не получится зацепиться и он упадет? Или земля не потянет его? От неизвестности можно было ожидать всякого.

В коридоре гулко затоптали, донеслось отрывистое карканье – люди в плащах возвращались. Делать выбор нужно было незамедлительно.

Сейчас или никогда.

Весь периметр стены пестрил неровностями, отчего получалась шаткая лестница. Юрий сунул записную книгу за по-

яс и поставил кроссовку на каменный выступ. Он чуть оттолкнулся, получив болезненный укол в ноге, и подпрыгнул к другому. Пальцы схватили влажный камень и несколько подтянули тело. Юноша нащупал ногой следующую опору…

Выглядело неловко, неуклюже, однако каменный пол стремительно отдалился и макушка приблизилась к потолку. Кроме частого дыхания, слышались шаги людей в плащах, их удар по клетке для проверки наличия детей по крикам.

Вдох-выдох. И он решился.

Прыжок получился слабым, и удалось схватить самый тонкий из корней. Первые мгновения юноша висел на нем, но спасительный трос затрещал и вместе с грузом направился к полу.

Юрий приземлился в центр лужицы, что смягчила его падение, и все же вскрикнул от боли в боку, ударив кулаком по воде. Он обессиленно поглядел на прутья решетки. Мысль о мокрой грязной одежде вмиг растворилась.

Алые точки глаз замерли перед камерой заключения.

Некоторое время длилась немая сцена.

Насколько быстро темные пальцы стали шарить по карману плаща, настолько резко, закричав от боли, вскочил Юрий. Под голос незнакомки он повторил свое восхождение к высшей точке стены, причем втрое быстрее, и всякое мгновение молился, чтобы преследователи его не поймали. И вот дверца решетки распахнулась…

В этот раз юноша собрал все силы, чтобы достать мощ-

ный корень. Он схватился за него, до боли в ногтях сжав ладонь, а другую руку вонзил в почву по локоть. Остроконечные пальцы потянулись за кроссовками, но волшебная земля вмиг потянула его вверх, словно чувствовала напряжение момента. Последним звуком стал протяжный рев, заполнивший все подземное помещение.

Во время плавания во тьме юноша не мог унять проблесков радости на лице – он был несказанно рад этой тьме и, конечно же, своей спасительнице, что подсказала верный путь. Судьба или везение, случайность или расчет, но в тот день ему удалось выбраться из заключения, которое не только прославит, но и станет немаловажным в путешествии. Вот такое вот везение. Или судьба…

Свое имя из уст незнакомки Юрий более не слышал: дрожь в голосе усилилась, сменилась безудержным плачем, что кончался всхлипами и, набирав силу, стойкими завываниями:

– Прости меня, слышишь? Прости! Прости… Как я могла поступить настолько беспечно? Я пыталась предупредить… Пожалуйста, пусть это будет неправдой, пусть ты будешь безмятежно спать в гробу, пусть мой проклятый голос донесется до тебя. Прошу, вернись…

Желание исполнилось так живо, что никто не ожидал дальнейшей ситуации. Незнакомка стояла перед холмиком земли на коленях и невольно ударяла его кулаками. Владелец могилы выскочил так резко, что столкнулся с соседкой, и оба

повалились на мокрую от росы траву. Юрий лежал сверху и радовался мягкому приземлению, пока не увидел его причину. Мгновение на лице девушки не отражалось эмоций, словно ей потребовалось время для осознания известия.

Спустя несколько долгих секунд юноша получил легкий толчок, перевернулся на спину и распластался на траве. Девушка же вскочила с земли и выпрямилась, попятившись, словно на нее свалился не живой человек, а мертвый, списанный со счета жизни.

Усталость подвигла юношу закрыть глаза, чтобы унять головокружение от долгого полета в невесомости и последовавшего падения.

– Ты! Как ты… Ох! Зачем же так пугать меня?! Я думала… тебя схватил монстр.

Не нужно было видеть лица девушки, чтобы представить каскад эмоций, посетивший лицо. Непривычный голос срывался с ноты на ноту от волнения, словно каждый новый слог говорился на иной лад, отчего создавалось мелодичное звучание. Однако оно быстро стихло по случаю смятения, и лишь чуткий слух мог различить его в обычной речи.

– Какой еще монстр? – засмеялся юноша. Мысль о том, что он сбежал от людей в плащах, придавала ему чувство безмерной радости, поскольку это было самым опасным приключением в его жизни. – Меня схватили какие-то психи! А потом вырубили, утащили в подвал и чуть не убили! Я остался жив только благодаря тебе…

Девушка зарделась, потупив глаза, но мимолетно улыбнулась; такое легкое движение губ мог уловить только Юрий, который всю жизнь рассматривал свои притупленные эмоции в зеркале.

– Ты что, был в подземелье?! И вернулся? Никому еще не удавалось…

– Говорю же, ты спасла меня, а я даже имени твоего не знаю. И у меня самого не было времени представиться. Юрий.

– Да, – обронила девушка и отвела взгляд. Вспышка грусти промелькнула в ее глазах.

Секундное молчание позволило впервые разглядеть новую знакомую. В то пасмурное утро рыжие волосы напоминали выглянувшее на мгновение солнце. Ее правильное овальное лицо, где на щеке замечалась неглубокая борозда шрама, окружил батальон веснушек, взяв в плен каждый участок кожи; губы – и те пятнистые; много их было на слегка вытянутом носе; стекали они и на увешанную горсткой кулонов шею; и выпуклые ключиц, и широкие плечи, и спину – все захватили они.

– Анжела…

– Поможешь подняться?

Девушка вдруг встрепенулась от такой неловкости и поспешно, но аккуратно, будто знала о недуге юноши, приподняла его легкое тело за плечи. Когда он поравнялся с ней, заметил, что отстает в росте на две головы, отчего приходи-

лось смотреть снизу-вверх, да и плечи ее казались шире, как и крепкое, подтянутое тело в общем.

В этот раз смутились оба.

Юрий ощутил тепло мягкой ладони и шероховатость кончиков пальцев, после чего Анжела потянула его за собой, через металлическую ограду, а затем на тропинку подальше от могилы.

– Что ж, мы познакомились. Я много чего должна тебе рассказать и много чего узнать от тебя. Вместе мы исполним наши мечты.

Неизвестная фигура, что сидела на ветви ближайшего клена, с интересом наблюдала за сверстниками, а затем легко спрыгнула на землю и направилась тем же путем. Слежка обещала быть недолгой.

Талант №6. Умение заводить знакомства

Утренний туман оседал на кладбище, подобно смогу в легких многолетнего курильщика, прилипал в коже, заставляв вздрагивать, вжиматься во внутренности одежды. Это место выглядело брошенным, забытым; молочная дымка приползала из леса, чьи заботливые ладони в виде ветвистых деревьев и кустарников обхватили каменную ограду со всех сторон. Буйный ветер раскачивал ржавые ворота, поскрипывавшие при каждом движении, и вскоре туман поглотил их очертания.

Во всем городке едва ли нашлось бы более трех кладбищ и тем не менее это выглядело незнакомым и даже неестественным. Кладбище из воспоминаний детства походило на выжженное солнцем поле, усеянное семенами крестов и надгробий, а здесь изобиловали деревья, травы; к тому же ухожено оно местами на порядок лучше.

Из-за дефицита лесной местности в городе возникало ощущение, что городок находится несравнимо далеко за пределами каменной ограды, протяженного леса и, возможно, на другой планете, где все случившиеся чудеса совсем не кажутся таковыми.

Юрий вспомнил родителей, от которых настолько далеко

он никогда не был. Как сильно перепугалась мать: до преждевременной седины, до тряски в руках, до пустых пачек успокоительных таблеток? Что же скажет отец начальству, когда не сможет выйти ни на одну из работ? Присоединится к поискам ли Елена, по праву считавшаяся членом их семьи, поскольку в детстве провела с мальчиком больше времени, чем со своими детьми? Юноша пообещал себе выслушать девушку и при первой возможности отправиться домой.

Взгляд Анжелы казался отстраненным, что говорило о раздумьях, бушевавших в ее голове. Былая пылкость вдруг притупилась, впустив в душу грустные тона. На каждом шаге, обхватив руки по локтям, она совершала небольшой прыжок, вместе с тем вздымался и пучок волос, плавно, точно медуза в водной среде. Чем дольше они шли, тем сильнее сближались друг с другом, точно невидимая сила притягивала их. Юрий чувствовал, помимо запаха тела, тонкую сладость духов, слышал частое, несмотря на медленность ходьбы, дыхание.

Находившись рядом с Анжелой, юноша наполнялся неведомой легкостью, словно его сознание, как бывает в редких случаях, за несколько минут породнилось с ее сознанием, сменив статус незнакомки на родную душу. И случается это у сугубо близких людей, когда молчаливое пребывание в обществе друг друга не вызывает никакого неприятного чувства. А может это из-за того, что идти по туманному кладбище вдвоем спокойнее.

– Ты сказала, – обратился Юрий к девушке, – что все наши мечты исполнятся. Что ты имела в виду?

– Я тебе все расскажу, но чуть позже.

И она снова исчезла в неведомых никому мыслях. Об этом действии могли сказать устремленные вдаль глаза и подвижные брови, гонимые различностью эмоций.

Необычность в голосе Анжелы все же была – он по-настоящему удивлял. Звуки получались высокими, как у многих девушек, но необычайно глубокими, из-за чего создавалось впечатление низости, даже грубости; однако главное таилось в этих едва заметных при спокойной беседе переливах, в которых каждое следующее слово или часть его проговаривались на другой высоте, чем предыдущее, отчего речь напоминала мелодию. Не только голосом, но и фигурой – широкими плечами, узкой талией и еще более широкими бедрами – она напоминала музыкальный инструмент: скрипку.

– Куда мы идем?

– Сколько вопросов, – несколько раздраженно сказала Анжела, но тут же смягчилась: – Да, я была такой же, когда попала сюда… Так, все! У нас есть правило: осведомлять новичков лишь в одном месте. Наберись терпения, осталось недолго.

Как оказалось, кладбище было исчерчено сотнями усыпанных листьями троп, стягивавшихся в одном месте. Кривые стволы деревьев, густо усаженные по бокам дорожек, создавая подобие аллеи, напоминали скрюченные пальцы, ко-

торые, казалось, если потерять бдительность, не упустят возможности схватить тебя. За ними располагались рядами могилы, чей узор крестов и надгробий в утреннем тумане проглядывался с трудом, наводил жуть.

Вдруг рука девушки коснулась плеча юноши; тот, будучи в мыслях созерцания мертвенных красот, вздрогнул.

– Смотри!

Сквозь непроглядную завесу тумана показался стоявший в центре кладбища деревянный дом. Черепица на крыше с каменным дымоходом потеряла свой цвет, расшатывалась и осыпалась; под окном разместилась ветхая телега, не тронутая дождем благодаря навесу, а вот несколько ступеней, выходивших за пределы защищенного места, отсырели, древесина проседала; в противовес всему окна, за которыми виднелся теплый свет, выглядели чистыми – ни паутины, ни пятна, ни клочка пыли. Из-за двери старинного дома слышался веселый гомон.

– Это наш трактир. Древний, как само кладбище, но благодаря хозяйке уютный.

В голову настойчиво полезли мысли о сочившейся жиром дешевой еде и разбавленной выпивке. Юноша задумался, что последний раз видел пищу около дня назад, хотя и не испытывал голода, верно, по случаю затяжного стресса. Оставалось то и дело проглатывать скопившуюся слюну под тихий стон живота. Это были скорее воспоминания о том, что есть нужно, чем само желание пищи.

В то время как Юрий преодолевал несколько низеньких ступеней, державшись за трухлявые перила, Анжела легко запрыгнула на террасу и под видом осмотра деревьев лесистой части кладбища искоса поглядывала на его медленные движения, задерживав взгляд на любой мелочи. Сложно было сказать, что вызвало у девушки легкую улыбку от вида юношеских усилий; несведущий точно бы определил насмешку, но только чуткий различил бы те ямки и складки лица, говорившие о искренней радости, как у матери, чье дитя сделало первый шаг. Она приоткрыла дверь, пропустив нового знакомого, и тихо придвинула ее.

От входа простирался коридор, что давал ответвления в другие комнаты, подобно стволу дерева. Все двери были заперты, только один свободный проход по левую сторону вел в широкую гостиную, где помещалось множество столиков, расставленных в случайном порядке на некотором расстоянии; всего их насчиталось шесть одиночных и длинный, сложенный из нескольких, за которым поместился табун.

На миг Юрий позабыл, что находится в доме посреди кладбища, и виной этому были местные обитатели, в основном его сверстники возраста, близкого к мнимому полнолетию. Многие общались более уединенно, согревавшись здесь от уличной прохлады, весело смеялись, но по-настоящему выделялись уже упомянутый табун и столик, рассмотреть который не удавалось из-за окруживших его со всех фронтов детей. Эти два места наполняли дом гулом.

Интересно, что ни вида, ни запаха еды, на которую так рассчитывал юноша, не наблюдалось, хотя немногие могли похвастаться деревянной чашей в руках, выбрасывавшей в воздух клубы пара с травянистым ароматом.

Заведение одурманивало по двум причинам: тепло и свет. Распаленный камин и множество старинных керосиновых ламп не только тускло освещали комнату, создавав приятную атмосферу, но и наполняли воздух теплом. Юрий быстро согрелся и даже вспотел от резкой смены температуры, однако эта теплота так приятно окутывала больные мышцы, что ноги невольно подкашивались, а на разум нападала легкая дремота.

Анжела присоединилась к задним рядам зрителей столика и, грациозно встав на цыпочки, осмотрела причину громкого завывания толпы. За широкими плечами юношей Юрий не смог увидеть ни клочка напряженного момента.

– Тебе повезло, – сказала она, – попасть на частое местное развлечение. Это наши спортсмены: Павел и Борис. Состязаются за какую-то мелочь, которую не в состоянии честно поделить.

– Что они делают?

– Сейчас все увидишь.

Девушка коснулась плеча одного юноши, который, обернувшись, как-то странно улыбнулся ей, но открыл проход в первые ряды. Она пропустила Юрия вперед и стала рядом, потеснив товарищей.

Еще до зрительного шока в нос врезался запах пота, в котором ощущалось напряжение. Когда Юрий оказался в первой полосе детей, то увидел не просто могучих юношей, а настоящих гигантов, чьи фигуры были сравнимы с изображением древних титанов. Их ладони, вцепившись мертвой хваткой, старались склонить друг друга, отчего костяшки пальцев принимали цвет слоновьих бивней. На лицах обоих красовалась масса складок, словно юноши сделали несколько глотков клюквенно-брусничного сока; вены на лбу и висках вздымались от наполнения, через них перепрыгивали капли пота, разбивавшиеся о поверхность стола.

По правую руку находился Павел; это можно было понять по разделившимся болельщикам, точнее сказать, болельщицам, клавшим тонкие руки на массивные плечи и выкрикивавшим имя, что, конечно же, только отвлекало. На удивление Борис не мог похвастаться подобным вниманием, зато заметно побеждал.

Вообще юноши мало отличались внешне, отчего приходила мысль об их родстве; единственным исключением из правил была шевелюра Бориса, выделявшаяся своей золотистостью. Из-за сходства тел явнее замечались разности в поведении: Павел не источал такой жажды победы и участвовал скорее ради процесса, в отличие от соперника, для которого выигрыш считался условием обязательным.

– И как же это столик еще не треснул пополам?! – удивилась Анжела.

– Тебе не нравится?

– Это весело, но, когда они каждый день устраивают такие соревнования, хочется уже самой определить, кому достанется бедный ручной эспандер. Невозможно же упражняться по очереди!..

С борьбой на руках у Юрия было связано нехорошее воспоминание из далекого детства. Мальчики любили таким образом доказывать свое превосходство и привлекать внимание девочек, думав, что тем безмерно важно узнать, чья рука сильнее. Нетрудно догадаться, кто именно никогда не участвовал в подобных забавах, а наблюдал за ними издалека, сгорав от зависти.

Однажды школьные девочки предложили побороться на руках. Юрий не хотел утверждаться за счет девичьей слабости, однако их слова звучали по-доброму, да и отказ сулил насмешки со стороны однокашников. Он ошибся: после этого его дразнили слабаком не только мальчики, но и девочки. И без того скудное общение с товарищами в тот последний год в школе сократилось до наименьшего.

Вдруг удар по столу вывел Юрия из воспоминаний – Борис победил, после чего гордо встал и развел руки в сторону, как будто принимал овации, которые и правда случились, но не в должном количестве. Павел достал из кармана ручной эспандер в форме бублика и поднял его вверх, стал ждать.

– Как хорошо, что никто не стал возражать! А то у нас бывает, что кому-то тоже захочется обладать эспандером.

– Здесь столько спортсменов?

– Любая вещь из внешнего мира дорого стоит. Конечно, мы редко попадаем на кладбище с чем-то весомым в карманах. Чаще всего это сигареты, спички или зажигалки, мелочь; реже фонарики, складные ножи… Всем этим мы меняемся.

Зависть вновь охватила Юрия. Хотелось вызваться на бой, выиграть, чтобы поблагодарить девушку за спасение. Но что он мог сделать? От одного вида рельефа вытянутой руки Павла становилось страшно. На мгновение пронеслась мысль, зародившая глупую отвагу, от которой нога слегка выдвинулась вперед. Однако Анжела схватила юношу за плечо, будто угадав его стремления.

Эспандер перешел в руки Бориса. Бой закончился.

Только зрители начали расходиться, как табун позади пронзительно заржал, заставив Юрия вздрогнуть. Преобладали в этом скопище юноши, а потому звук получился громким. Своим видом и поведением они выражали вседозволенность: нахально смеялись, не замечав никого вокруг, тайком перешептывались, затевав недоброе.

Один из них, толстый краснощекий курильщик со смуглой кожей, бросил басовитый дребезжащий голос, словно табак кучами оседал на связках, в сторону Юрия и Анжелы:

– Бруса[2] в нашу хату[3] привела? Молодцом!

---

[2] Брус – новичок в тюрьме.

[3] Хата – здесь: банда, община, группа.

Лицезреть оскал почти черных зубов понравилось лишь льстецам из этой шайки, отчего становилось ясно: он у них главный. В ожидании ответа, он поднес дымившуюся сигарету к толстым губам и сделал долгую затяжку, будто легкие у него были безмерными; за это время, пока он касался губами внутренней стороны пальцев, удалось рассмотреть их: коричневые, волосатые, короткие, с ногтями, до желтизны пропитанными табаком. Клуб дыма, как от автомобильного мотора, пронесся по трактиру, достигнув цели остаточными обрывками. Табачный запах резал нос Юрия, но, что хуже, в нем отразилось зловонное дыхание, которое, казалось, на расстоянии только усиливалось; Анжела решительно считала, что юноша каждое утро полощет рот мочой.

– Пошел к черту, Ник!

– Вместе с тобой, Анжи – охотно.

От искажения своего имени девушка невольно поморщилась, будто вступила в то, что обычно люди обходят стороной, а животные закапывают. Чтобы не сближаться с табуном, ей пришлось выбрать обходной путь к пустому столику в дальнем углу трактира. Она потянула Юрия за собой, старавшись скорее удалиться от этого места, и за столиком разместилась спиной к неприятному знакомому.

На лице Ника еще более растянулась улыбка, обнажив гнилостный частокол, и от радости он зацокал серым языком, отчего несколько капель слюны вырвались наружу, и потер им одну из щелей, где некогда находился зуб.

– Что это было?

– Отморозки, зовущие себя «Искатели», – сказала Анжела, потирав костяшки пальцев, словно те зудели от понятной жажды. – Во главе с этим ублюдком Николаем. Они заманивают новеньких, рассказывая грезы о том, как те получат все, что пожелают, но на самом деле заставляют их искать вход в подземелье и добывать ценную информацию о монстрах. Известно, каким путем.

Только юноша снова хотел удивиться описанию людей в плащах, которое, конечно, подходило им, но настраивало на несерьезность, как хрупкий с виду кулак мощно врезался в поверхность стола. Анжела, опустив голову, потерла руками лоб, веки и сделала протяжный выдох.

– Ни при каких обстоятельствах не связывайся с ними. Слышишь меня? – Она говорила с надрывом, выделяв каждое слово, и голос перескакивал с ноты на ноту. Рука невольно потянулась к цепочке одного из кулонов, скрывавшегося под одеждой. Тогда она впервые не отвела взгляд в сторону, в ее глазах кофейного цвета отражались лишь гнев и отчаяние. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

За столиком Ника показалось шевеление. Хотя он спрятал сигарету под стол и придал лицу младенческой невинности, одна девушка, что находилась за пристройкой подле камина, неодобрительно кричала в его сторону – клубы зловонного дыма добрались до ее отдельного обиталища; это было такое частое зрелище, что никто и головой не повел.

– Кто это? – спросил Юрий, кивнув в сторону незнакомки.

– Светленькая девочка у барной стойки?

– Если ты называешь каменные блоки, неровно поставленные друг на друга и накрытые какой-то тряпкой, барной стойкой…

– Тамара, владелец трактира.

– Это ее дом?

– Не знаю, как к ней попал ключ, но с тех пор она крепко держит его при себе. Каждый день открывает и закрывает трактир. Жаль, что ночью на поверхности не безопасно: мы бы оставались в трактире. Как же давно я не спала на мягкой кровати…

Анжела невольно напомнила обо всех странных вещах: кладбище, дети, трактир, люди в плащах… К тому же образовалась неловкая пауза, которую юноша твердо решил заполнить вопросами, но в голове роилось такое их множество, что выцедить первый было трудно. Она поняла затяжное молчание, поэтому решила начать сама.

– Первый вопрос, который ты задал мне: призрак ли я? Да, мы призраки в какой-то мере. На самом деле мы не умерли, я думаю, и точно знаю, что теплые и осязаемые. – Она легко коснулась ладони Юрия, несколько смутив его. – Просто кто-то начал так называться – вот и устоялось.

– Но я прошел сквозь…

– Верно, но этим наша призрачность ограничивается. Хотя мы не нуждаемся в пище и воде, в их выведении, мы не

можем летать, становиться невидимыми, проходить сквозь предметы, кроме своего места захоронения, или что-то в этом духе.

– Только через собственные гробы?

– Да, участок земли, окруженный оградой. Это удобно: никто не сможет проникнуть к тебе, когда ты этого не хочешь. Ни призраки, ни монстры.

– Гробы-кресты, кресты-гробы… – прошептал Юрий. – Что это вообще за место? Я был в городе, а потом раз – и очнулся уже в гробу.

– Никто не знает, что представляет собой кладбище и как именно сюда попасть. Закономерности, правда, есть. Две. Каждый пережил крайне тяжелое эмоциональное событие и у каждого есть какой-либо талант. Взять тех же Павла и Бориса: они всю жизнь усердно занимались спортом, мечтали сделать это профессией. Александра, наш проводник новичков по кладбищу, хотела работать экскурсоводом. Тамара… Не знаю, в чем она преуспела и о чем мечтала, но она отлично заведует этим местом и, должно быть, неплохо готовит. Все здесь чего-то хотели от жизни, но не получили.

– И ты тоже?

– И я.

Анжела вновь отвела взгляд в сторону и молчаливо задумалась. Юрий решил не пытать ее вопросами личной жизни.

– Почему же вы остаетесь здесь? Кругом, конечно, лес…

– Неужто ты считаешь нас глупыми? Нельзя покинуть это

место.

– То есть как? – взволновался призрачный юноша, отчего в животе неприятно закрутило. – Нет-нет, я хочу вернуться домой, к родителям. И ничто меня не остановит!

– Если не веришь мне, чуть позже сам убедишься. Кладбище не отпускает.

– Так говоришь, будто оно живое…

– Все может быть, – пропела призрачная девушка, поглядывая в окно. – Мы давно бы отсюда сбежали, если бы не барьер. Невозможно выйти за пределы кладбищенских ворот и стен. Словно упираешься в невидимую преграду – и дальше пути нет. На самом деле далеко не каждый хочет покинуть это место.

– И почему?

– Все ищут вход в подземелья, куда ты вчера ненароком попал. Ходят слухи, что там находится волшебный предмет, исполняющий желания, можно сказать, сердце кладбища. Видел его?

Воспоминания о вчерашнем заключении отразились лишь страхом и раздражением.

– О каких волшебных предметах ты говоришь?! Нужно не об этой чуши думать, а скорее выбираться, пока нас не поймали!

– Слухи откуда-то берутся, и нет того призрака, который не верил бы в это. Никто не возвращался, чтобы рассказать, да и делиться с кем-то информацией никто не хочет. В конце

концов можно загадать этому предмету, чтобы вернул нас домой.

– Слушай!.. Единственное, что я видел там внизу, это двух маньяков в черных плащах, которые с помощью страшной машины убили ребенка.

– Точно, нужно еще поговорить о «маньяках». Уж не знаю, люди это, звери или что-нибудь похуже, но к первому варианту склоняешься, наверное, только ты. Именно из-за этих монстров, кем бы они ни были и как бы ни выглядели, нам нельзя появляться на поверхности ночью. Все бесследно исчезали, и только один раз кто-либо видел, чтобы после этого возвращались. Только ты.

Анжела последовательно стукнула грубыми подушечками пальцев по столу и перевела взгляд на призрачного юношу.

– А теперь твоя очередь рассказать мне все, что ты видел там. Как я и сказала, вместе мы сможем исполнить наши мечты.

Уже много времени прошло, с тех пор как дверь трактира бесшумно впустила нового гостя, и неизвестная фигура, что шла по следам призраков, притаилась неподалеку и всем телом впитывала детали разговора. Если бы беседовавшие не были так заняты друг другом, то заметили бы темный силуэт, непривычно одиноко занимавший место за соседним столиком.

Костлявая рука упала на плечо Юрия, отчего холод вместе с дрожью разнеслись по телу, достигнув волосков на руках.

Некоторое мгновение он не решался взглянуть на призрака, наблюдал искривленное лицо Анжелы, не скрывавшее негодования. Послышался стук каблуков о дощатый пол, скрип ножек стула, после чего темное пятно, схваченное боковым зрением, разместилось по третьей стороне стола.

– Юра, Юра, Юра… – быстро заговорила призрачная девушка. – Ты вообще не представляешь, как мне повезло познакомиться с тобой. Увы и ах, но так получилось, что я совсем нечаянно подслушала вашу долгую болтовню. И я поняла, что это все правда, потому что ты сидишь вот тут, передо мной, а значит и правда убежал от монстра. Я тоже очень хочу все-все знать о них, так что давай рассказывай. Ну же!

Находившись в ошеломлении от внезапного появления и стремительного словесного потока незнакомки, Юрий не понял ничего из сказанного, а только уставился в ее вытянутое лицо. Призрачная девушка была наделена восточными чертами, так умело отразившимися в кучерявых угольных волосах, несколько касавшихся плеч, остром крючковатом носе с горбинкой и едва различимом в быстрой речи акценте. Пока она ожидающе смотрела на призрачного юношу, левая рука ее неподвижно, точно мертвая, лежала на столе, а правая, напротив, потирала темные пуговицы темного пальто, поправляла темный шарф и закручивала темный локон.

– Что тебе нужно? – вмешалась Анжела, удивленная проявлением немыслимой дерзости.

– Да я же только сказала! Ничего особенного так-то. Всего

лишь сложить кусочки наших знаний, чтобы видеть полную картинку событий, объединить усилия, так сказать. Я же надеюсь, мне можно вступить в вашу маленькую группку, которую с натяжкой язык поворачивается назвать командой? Да, Юра?

Лицо Анжелы стало и цвета, и температуры раскаленного железа. Не услышав ответа, незнакомка хищно повернулась к ней и застонала:

– Да что же вы молчите как рыбы?! Может, ты главная, девочка? Прости, конечно, я уж и не могла подумать. Выглядишь ты, конечно, пострашнее, чем Юра, в смысле, что ты хоть какой-то страх можешь навести, как настоящий лидер. Прям ух! Но так уж у меня заложилось в мозгу, что лидерами становятся мальчики. Так что же?!

– Нет у нас никакой команды, – прорычала призрачная девушка, чей гневный взгляд намеревался оставить от нарушительницы покоя горсть пепла. – И тем более с тобой.

– О! Тогда я могу стать главной в нашей команде, раз уж так сильно просите, раз уж вы такие все стеснительные. Хотя… Ну уж нет! Нет-нет-нет. Ни за что. Это же нужно столько качеств, их у меня нет, так что нет. А вот у Юры, я уверена в этом, такие есть, хоть на вид и не скажешь.

– Так и ты думаешь, что артефакт существует? – очнулся призрачный юноша. – Тоже ищешь его?

– Даже не думай ей ничего рассказывать. Может, она засланный Ником шпион. Предаст нас, когда найдем вход, и

мы останемся ни с чем.

– Нет-нет-нет! – запищала незнакомка, сделав поистине детское лицо, и замахала рукой перед носом. – Я не из команды этих дураков. Ни за что! Да и ваши «арте-что-то-там» мало меня волнуют. А вот мою сестренку волновали. И нужно же было проявить свой дурной характер и «узнать, чего стоят эти монстры». Стоили мне пропажи сестренки. В общем я совсем не буду отбирать у вас желание. Я же не изверг: оно всего одно дается. Так что на здоровье, угощайтесь, как говорится!.. Кстати, меня зовут Сидни. Да-да, имечко странное, не из лучших. Я бы вообще хотела, чтобы меня звали Сашей, там, или хотя бы Женей, в смысле девчачьими именами этими. Но вот есть как есть, назад во времени не прыгнешь и не скажешь маме с папой свои пожелания. Они у меня…

Разговор быстро принял форму монолога, из которого стало ясно о восточном происхождении отца Сидни, который женился на матери, коренной жительнице этого города; далее последовала масса ненужных сведений о том, как по рассказам родителей ей выбирали имя, что совсем отличалось от здешних; в конце призрачная девушка гордо заявила, что считает себя носительницей даров трех народов и нисколько не жалеет об этом.

Под стоны и зубные скрипы Анжелы, чьи костяшки на пальцах были расчесаны до красных пятен, Сидни была невольно принята в новосозданную команду, лидерство в ко-

торой так и не было решено. Неведомое чувство подсказывало Юрию, что у нее нет пагубных намерений, а любая крупица знаний могла пригодиться, пусть и тогда все сказанное ею казалось пустым звоном.

– И в знак доброй воли я обязательно поделюсь тем, что знаю, первой, чтобы вы точно убедились, что я не плохая. Так вот. По времени где-то чуть раньше, чем я увидела вас, я случайно подсмотрела, как двое призраков, мальчик и девочка, подняли с земли какой-то предмет. Вот прямо на дороге валялся. Чудеса! А почему я подумала, что он важный? Да вы бы видели, как они опасливо смотрели по сторонам, но вроде меня не заметили. Вы же знаете о кладбищенском тайнике? Ты, Юра, может, и нет, а вот она точно должна. Так вот это, наверное, один из тех самых амулетов.

– А ты, как я вижу, виртуоз в делах подсматривания и подслушивания, – дразнилась Анжела.

– Эй! Обидно же. Я вам тут рассказываю важнейшие вещи, которые, наверное, никто больше не знает, а вы… Я между прочим помогла нашей команде, как я считаю, бесценно помогла! А что сделала ты? Эх… В общем не знаю, поняли ли они, что это и как найти еще такие, но думаю да. Они уже давно сидят здесь, в трактире, за столиком в дальнем углу. Только не нужно поворачиваться и давайте говорить чуть тише, а то точно заметят.

– Тебе в первую очередь.

Все же Юрий приподнял подбородок, рыскав глазами в

толпе, но призраки, скопившиеся ранее у столика Павла и Бориса, теперь разбрелись по всему трактиру, так что найти двух подозрительных сверстников было крайне трудно. И он бросил эту затею.

– Так-так-так… Если память не врет, а она на самом деле делает это частенько, поэтому не могу ручаться за точность… Андрей и Наташа. Да, так их зовут.

– Объединимся с ними?

– Ты чем слушал-то? Желание только и только одно, так говорят. Нашу команду я считаю совсем странной, да и она получалась только потому, что я не хочу отбирать желание, а у тебя, девочка, наверное, тоже есть свои причины помогать и не брать желание. Или вы до сих пор об этом не говорили?.. В общем нет, ни в коем случае они не захотят в нашу команду, а только создадут проблемы, если расскажем. Будет ой как не сладко!

– А как же «Искатели»?

– Мог бы и догадаться, – вяло отозвалась Анжела, опустившая от скуки подбородок на стол. – Ник не подпустит никого из своей шайки к исполнителю желаний.

– Получается, у нас целых два сильных врага, что меньше, чем могло быть, но больше, чем хотелось. Так-так-так… «Искатели» обыгрывают нас в смелости, они же выбираются ночью на поверхность, поэтому должны много интересного знать о монстре. И Андрей с Наташей обойдут всех нас в два счета, если найдут все амулеты. Как ни посмотри, у них есть

зацепки к разгадке этой большой тайны. А что у нас?

– У нас тоже есть, – гордо сказал Юрий.

Он достал дневник, закрепившийся благодаря ремню на поясе, и аккуратно поставил на столе подле себя. Призрачные девушки разместились за спиной призрачного юноши, где почти зеркально одной рукой уперлись в стол, а другую положили ему на плечо; правда, ладонь Анжелы быстро, как от ожога, отпрянула. Все всмотрелись в желтую бумагу, словно она была сделана из чистого золота. Последние и самые ценные страницы пропитались подземной водой, но, удивительно, бумага не развалилась и даже подсохла, правда, буквы несколько расширились из-за набухших чернил.

Рассказ о появлении призрака на кладбище Юрий прочитал, будучи в темнице, многодневные исследования местности читать времени не было и, наконец, ближе к завершению записей в книге стали встречаться упоминания об амулетах.

Юрий начал читать вслух:

«Сегодня мы, как обычно, проводили время на старом дубе. Заметив, что плоская крона наверху начала подгнивать, Маша от нечего делать расковыряла ее ногой. Оказалось, что в этой выемке был спрятан необычный предмет: шестигранник из красного неизвестного мне материала. Поговаривают, что именно такие ищут здешние ребята-призраки».

«Целый день мы потратили на его изучение: пытались разбить, открыть заднюю панель (судя по всему, нужен

ключ), жгли, поливали водой – никаких изменений».

«Проснувшись от осенившей мысли (а я всю ночь разглядывал проклятый шестигранник!), я решил зарисовать едва видимые на нем по всей площади насечки. Возможно, я спятил, но эти очертания кажутся мне знакомыми. Где же я видел это место на кладбище?»

К великой досаде призраков владелец впоследствии вырвал страницу с рисунком из дневника. Об этом говорил волнистый узор возле переплета и неглубокие вдавления, отразившиеся на соседней странице. Сколько не приложи стараний, восстановить по ним рисунок было невозможно.

Следующий почерк был неровный, отрывистый, писался он в дрожи на коленях или другой неудобной для этого дела поверхности. Кое-где остались растертые следы грязи и влаги.

«Если этот дневник кто-то найдет, пусть знает, что ни в коем случае не нужно искать эти амулеты. Похоже, я действительно в подземелье и отчаянно жду приближения смерти. Когда картинка на шестиграннике узналась, я помчался к этому месту (для вашей же безопасности не стоит знать о нем), даже не обратив внимание на то, что уже поздний вечер. В сумерках я нашел эти очертания… Больше ничего не помню… Как в полусне… И вот я оказался в подземелье, в клетке, окруженный несколькими призраками, кому тоже не посчастливилось попасться монстру. Возле нас стоит странный аппарат с диковинным механизмом,

один вид которого заставляет дрожать. Кто-то идет».

Створки дневника резко захлопнулись.

– Я видел этого парня… Он попытался спасти меня. А теперь их всех убили.

На какую-то долю минуты команда непривычно замолчала, раздавался только гул окружения и тяжелые дыхания призрачных девушек за спиной. Взгляды троих призраков сделались тусклыми от напора мыслей.

Похолодевшая рука Сидни скользнула с плеча в направлении шеи; медленно узкая ладонь подтянула лохматую голову и стала разглаживать обитавшие там космы. От неожиданного действия Анжела как-то странно скривилась, но выстояла без слов, наблюдав за Юрием, чья голова упиралась призрачной девушке в грудь.

– Мне так жаль. Даже ужасно подумать, что там было в подземелье; хуже этого, наверное, только вареная редиска или молоко, или редиска с молоком… Прошу, ты должен рассказать, как все было, чтобы мы могли убежать от монстров, прошмыгнуть мимо или и вовсе начистить им морды.

До этого момента призраки не знали, почему все, кто выходит на поверхность в темный час, исчезают. Не было очевидцев, чтобы раскрыть многолетнюю тайну. Большинство призраков верили, что с приходом ночи из глубинных подземелий или густого леса выползает опасность в разном обличии, будь то монстры, что питались детьми, неведомый туман, в котором навсегда исчезали призраки, воздух, стано-

вившийся ядовитым… Впрочем, в последнее верилось с трудом, поскольку наутро не оставалось ни следа пропавших. Зато слух о монстрах, неведомо кем пущенный, разлетался по головам призраков, подобно стрелам – безмерно любит человеческий ум олицетворять страх, преувеличивать значимость даже крохотной тени от травинки. Были и светлые мысли о том, что именно в это время открывается проход в подземелье или выход в лес, после чего призраки просто не возвращаются.

Проверять никто не решался.

Юрий рассказал и про страх погребения, и про заключение, и про хитрый способ спасения, в тех подробностях, какие запомнились волновавшимся разумом.

– Эх… Я уж думала, что это огромные такие волки на двух ногах, с вонючей шерстью, слюнявой мордой и острейшими когтями. А оно вон все как, гораздо проще. Вроде как люди… Но ты же не видал их лиц, поэтому под плащами вполне могла бы быть шерсть, да?

– Не столько важна их внешность, – рассуждала Анжела, – сколько поведение. Если мы хотим бороться с ними, то должны иметь о них представление. Люди они или нет, но можно сказать с точностью, что умны. Об этом говорит то, что они делают из призраков оружие, неясно зачем, однако это признак разума. Еще мы точно знаем, что они появляются ночью из подземелья (а значит именно ночью открывается проход) и странным образом заманивают туда жертв. Был на

кладбище и ничего потом не помнишь, говоришь?

– Да, я считаю, что это какой-то гипноз или галлюциногенные вещества. Я читал о таком. Я не ощущал ничего, находясь в странном месте, как будто был далеко от своего тела, а все же прошел значительное расстояние.

– Они что, крутят перед глазами часики на ниточке, приговаривая, что твои веки тяжелеют? – встряла Сидни, нарушив ход загадочных мыслей.

– Теперь понятно, почему попытки «Искателей» заканчиваются неудачей, даже несмотря на их хитрые приспособления.

– Да-да-да, пусть у нас нет амулетов, но мы знаем о монстрах больше всех. Ура-ура! И все это благодаря непослушности Юры, ты наш герой!

– Тише! – зашипела Анжела. – Единственное, что мы узнали это и так ясный факт, что они опасны. Нужно понять, как они гипнотизируют призраков, найти их слабости. Кстати, после этого ты все равно остаешься в «команде»?

– А почему бы мне «после этого» бросать вас? На что это ты намекаешь?

– Мне неприятно это говорить, но, если ты сама не понимаешь, то я посмею: ты правда надеешься найти сестру?

– Конечно! Она жива, и я чувствую это, как собственные кончики пальцев. И шиш всем, кто думает обратное, поняла?

Пока у каждого в душе сильнел ураган, раскачивавший

морскую гладь спокойствия, толстою нитью протягивалось молчание. Все уставились на древесные кольца, что испещряли поверхность стола, а потому не заметили, как двое призраков переместились к барной стойке.

Вдруг плечистый призрачный юноша резко остановился, отчего компаньонка несколько отдалилась от него, и опустил подбородок, вглядевшись в пол, вместе с тем наклонилась кепка, чья серость скрывала грязные пятна на козырьке. Он поправил тонкий вязанный свитер, из которого местами выдавались лоскуты пряжи, затертую куртку, и поднял потухший окурок, посмотрев на столик «Искателей». Распадавшиеся на части башмаки застучали по полу в направлении владельца остатка сигареты.

Незамедлительно Ник заметил серо-болотного цвета пятно на окраине зрения и поднял голову.

– Это твое? – сказал призрачный юноша, вытянув окурок перед собой. Со стороны столика донеслись такие звуки, какие могли издавать только мастистые скакуны. – Тамара же поставила мусорное ведро.

– Свали отсюда, бомжик!

– Из-за таких, как ты, мир никогда не станет чистым.

Возникший случай не отложился надолго в пустых головах «Искателей», и они принялись дальше беспечно болтать, не замечав никого, отчего тот лишь вздохнул и поспешил к спутнице, ожидавшей его у барной стойки; окурок полетел в урну. Тамара выслушала заказ призрачного юноши, чья ко-

шачья улыбка растягивала короткие частые усы над губой, переходившие в неказистую бородку.

Смуглокожая девушка, опершись локтями о каменные блоки, наблюдала за происходившим в комнате, пока ловкие окольцованные пальцы неосознанно тасовали колоду карт; при этом разноцветные браслеты на запястьях и шее, кольца серег подпрыгивали в такт действию. Платье, достигавшее лодыжек, цепляло взгляд: пышные маки на темном фоне.

– Эти амулеты… – заговорил Юрий, пристально глядев на яркие волнистые буквы дневника. За время молчания в голосе появились нечистые дребезжащие звуки, создававшие и без того нерадостное настроение, пришлось прочистить горло. – Твоя сестра, Сидни, тот незнакомец, чей дневник мы читали, да и сколько еще детей умерло и умрет ради них? Сколько еще никогда не сможет выбраться отсюда?

– Если не найдем вход в подземелья и не сможем победить монстров, не выберется никто, – сказала Анжела.

– Да откуда ты знаешь? – гневно возразил Юрий. – Вы, призраки, мало что знаете об этом месте. Вы-то, не схвати меня маньяки, и о них бы ничего не знали. Так почему ты веришь, что амулеты помогут найти вход в подземелье? Почему веришь, что там, под землей, вообще есть исполнитель желаний?

– Потому что не хочу провести остаток жизни здесь, – сказала призрачная девушка звонко и резко, подобно взмаху клинка. – «Борись или умри», – вот что нам говорит это

проклятое кладбище! И я выбираю первое.

После недолгого разговора Тамара удалилась в подсобное помещение, находившееся где-то в недрах дома. Как только ее фигура скрылась из виду и звук шагов полностью затих, призраки кивнули друг другу, после чего развернулась череда быстрых событий.

Зайдя за каменные блоки, Наташа быстро откинула ветхий коврик, стелившийся по полу барной стойки, который выбросил в воздух клубы пыли. Под ним обнаружилась крышка погреба, готовая, судя по виду, распасться на опилки при любом прикосновении; сквозь паутину, закрывавшую просветы досок, виднелась лишь тьма. Андрей подцепил край люка и с силой потянул его на себя, открыв проход вниз, из которого тут же донесся холод.

– Ах! – воскликнула Сидни. – Что это они?! Как это?.. Зуб даю: узнали, где второй амулет.

Команда уставилась на Наташу, которая, усмехнувшись, скрылась под барную стойку, после чего Андрей, казалось, последовал ее примеру. Юрий поглядел на Сидни, которая, пусть и выглядела подвижной и ловкой, не смогла бы, в случае разногласий, дать отпор противникам. Оставалась только Анжела; она и так проявляла порывы к действию, видневшиеся в частых мелких подергиваниях тела, но неведомая сила всякий раз истребляла эти начинания.

Ситуация требовала незамедлительных действий, и Юрий, чувствовав негласное право решать, сомневался.

Смеет ли он направлять призрачную девушку, что выручила его, в зону, где перекрест интересов непременно создаст драку? Несмотря на всю опасность, подумалось, что именно у этой «команды», вздорившей ежеминутно, получится одержать победу в пока что скрытом от многих соревновании. Он пообещал себе, что не позволит никому из них погибнуть.

– Анжела!

После того как ее имя вылетело, будто снаряд, из уст призрачного юноши, она оторвалась от стула, получив краткое потемнение в глазах, и гулким бегом рванулась к открытому люку. Юрий удержал взгляд на стройном теле, восхищавшись тем, какие возможности бывают перед спортивными людьми. Именно поэтому он только спустя значительное, ввиду стремительных действий, количество времени заметил выступавшую из-за каменных блоков макушку Андрея. Несколько взлохмаченных прядей торчали из-за барной стойки.

Все силы Анжелы тратились на то, чтобы моментально настигнуть цель, а потому она не оглядывалась по сторонам; сначала ее тело, прыгнув через стойку, устремилось в отрытый погреб, а уже после мозг осознал мимолетную картину прятавшегося призрачного юноши и зародил подозрения.

Прыжок на изъеденную жуками ветхую лестницу оказался разрушительным. Грузная нога призрачной девушки с грохотом проскользила вниз, пробивав одну ступень за другой, пока не коснулась пола, а весь деревянный каркас не осыпал-

ся, как сгоревший конец спички. Она осела на пол, неудачно повернув ноги при падении, и разгребала ладонями завал, придавивший ноги, сметала с волос опилки.

В погребе и правда находилась Наташа, успевшая отскочить вглубь, а теперь мелькавшая в узкой полосе света, что проникала в открытый люк. Она намеревалась схватиться за поданную руку товарища, но высота погреба позволяла лишь соприкоснуться пальцами.

Андрей вытянулся, услышав стук шагов Тамары, и крышка погреба рухнула с такой силой, что каждый в зале обернулся на резкий звук, после чего кроссовка еще несколько раз крепко впечатала ее в пол, будто давила тараканов. Коврик мгновенно накрыл потайную дверцу, еще раз вздыбив частицы пыли. Нескольких секунд не хватило, чтобы Тамара увидела творившееся на ее месте безобразие.

Услышав резкий звук, владелица трактира впорхнула в комнату, теснив в голове мысли о драке и полной разрухе трактира. Однако все было на месте, кроме голов призраков, уставившихся на барную стойку, словно она была сценой, на которой танцевала примадонна. Осторожно призрачная девушка подошла к Андрею, осмотрев окружение зала и свое рабочее место, но не нашла причины всеобщей ошеломленности.

Вместо правды нарушитель начал невнятно говорить про насекомых, ползавших по полу, на что Тамара ответила полным недоумением, поскольку таковых в доме не бывало с мо-

мента его постройки; но еще краснее ее лицо стало, когда ей отказали в покупке принесенного в двух чашах горячего напитка.

Спустя мгновение Андрей под тихое негодование Тамары уже возвышался над столиком оставшейся команды, грозно нахмурив густые брови и сжав широкие кулаки.

– Не мешайтесь под ногами, – предупредил он. – Впрочем, без рыжей вы нам не помеха.

Призрак уже развернулся, чтобы покинуть трактир, коснувшись выпуклой части кармана, но раздавшийся голос Юрия приостановил его.

– Предлагаю союз: наши знания о монстрах и ваши об амулетах. Согласись, так у нас будет больше шансов.

– Или ты хочешь, чтобы твои косточки обгладывала та волосатая зверюга, которая выходит ночью? О да! Мы много о ней знаем и знаем, как убить ее!

Хотя лепет Сидни звучал убедительно, Андрей усмехнулся и посмотрел на призраков подобающе.

– Жажда желания делает из нас врунов, предателей и грабителей. Вы совсем идиоты, если не понимаете, что действовать нужно в одиночку. В крайнем случае вдвоем.

Шаги юноши с каждым разом звучали все тише, пока не послышался скрип двери, сменившийся хлопком. Сидни рванулась было за ним, но Юрий потянул за руку и сказал:

– Нужно спасти ее.

– Пусти! Он же уходит. По-любому запрячет амулет и ищи

свищи потом, – пропищала призрачная девушка. – Да пусти же ты!

– Она спасла меня, и я хочу ответить тем же. Помоги мне!

– Юра, это старый-престарый дом. Раньше везде были такие погреба, чтобы в случае засады можно было улизнуть, там обязательно будет выход куда-то на кладбище или, что прекраснее, за его пределы. Ничего не случится с твоей Анжелой!

В пылу буйства эмоций она наговорила первые мысли, какие успокоили бы Юрия, и в меньшей мере добилась успеха: он ослабил непривычно сильную хватку и уперся в стол в намерении подняться.

– Если она не вернется до темноты, – кряхтел он, – я разорву эту крышку погреба!

Пока призраки спорили, Андрей уже давно выбрался из трактира, устремившись в особое место. И все же команда решила нагнать его и в силу возможностей Юрия заковыляла к выходу. В один момент Сидни заметила проблему призрачного юноши и подумала бежать в одиночку, однако увидела перед собой живую стену.

– Не так быстро, зеленчак[4], – сказал Ник, который вместе со своей бандой закрыл выход из гостиной трактира. Около десятка человек разной степени грозности выстроились в ряд, гордившись дерзостью главаря, так что миновать их было бы затруднительно или даже невозможно. – А ты, мелочь

---

[4] Зеленчак – здесь: «зеленый», новичок в каком-то деле.

пиковая[5], можешь идти.

В присутствии Анжелы Юрий чувствовал безопасность, но тогда призрачной девушки рядом не оказалось и мерзавца Ника ничто не сдерживало от совершения беспредела. Правда, более он боялся за Сидни, которая ростом и телосложением не отличалась от него, даже выглядела более хрупкой. Если на них нападут – десять человек! – можно будет спасаться лишь бегством и только в окно.

Уставшие ноги задрожали, подкашивались, как тонкие веточки ивы.

– Да ты не боись, – зашипел Ник и присвистнул в щель между зубами. – Анжи, небось, наплела, что мы злодеи, каких мир не видовал. Увы и ах! Мы всего лишь банда, которая реально имеет шансы, а не шансы имеют нас.

– Я действую в одиночку, – попытался твердо сказать Юрий, но голос срывался и в общем показался необычайно высоким.

Ник раскрыл смердящую пасть, но тут же смолк, ощутив ботинками лёгкие подземные толчки. Они все нарастали, пока не затрясло весь трактир, отчего одна чаша на краю барной стойки полетела вниз. Дрожь земли быстро успокоилась, создав на некоторое время тишину в зале.

– И поэтому ты, фраерок[6], «в одиночку» ищешь их вместе с Анжи и вот этой вот? Давай, Юрец (или как там тебя), к

---

[5] Пиковый – здесь: человек иной национальности.

[6] Фраерок – фраер, здесь: чужак.

моей братве. Тебе же лучше будет помочь нам или… Ну, ты понимаешь… Мы реально получаем, что хотим.

– И что ты нам сделаешь, поганка? – сдерзила Сидни, отчего сердце Юрия нещадно застучало по ребрам. – Ты-то со своей шайкой обязательно должен знать, что на кладбище нельзя драться? Ни-ни! Иначе же ты превратишься в мерзкую лягушку или в слизняка, или как там оно решит. Но я склоняюсь в сторону слизняка. Такого скользкого и мерзкого.

– А ты, амара[7], чо, блатная[8]? Я бы не советовал гнать на нас. Против лома нет приема! Знаешь такое? У нас есть свои рычаги и уловки. Ну что, Юрец?

Входная дверь спасла призрачного юношу от напряженного момента тем, что с силой распахнулась, ударившись о стену. Чтобы поглядеть на прибывшего, «искатели» расступились. Сначала в комнату вошел округлый, точно воздушный шар, живот, а следом показалось багровое от бега лицо. Призрак уперся ладонями в колени, согнувшись в теле, и жадно заглатывал воздух в попытке восстановить дыхание.

Все замерли в ожидании новости, что по взволнованному виду призрака обещалась быть невообразимой.

– Амулеты… Там… Открыто… Борьба, – выдавал незнакомец, все еще задыхавшись, и громко пропищал, отчего большинство знающе прикрыло уши: – Все на выход! Сами

---

[7] Амара – девушка легкого поведения.

[8] Блатной – здесь: уважаемый, «свой» человек.

увидите!

– Еще свидимся, – сказал Ник и первым покинул трактир.

В ближайшие несколько минут заведение опустело, после чего Тамара заперла дверь на ключ, упавший в глубины кармана, и последовала за толпой. Представление намечалось любопытное: призраки жаждали получить амулеты и готовы были всерьез сражаться за них.

Талант №7. Умение варить зелье

Сильный хлопок крышки погреба заставил попятиться и Анжелу, вскочившую после падения, и Наташу, что подпрыгивала на цыпочках подле выхода. Обе инстинктивно закрыли уши, не услышав шорох множества лап за спиной. В воздухе мгновенно поднялось облако пыли, от которого драло горло; кашлевые позывы приходилось сдерживать с великим трудом, чтобы не дать себя обнаружить. Тишина, казалось, образовалась не только в погребе, но и во всем мире, правда, вскоре она рассеялась, постепенно, словно кто-то возвращал в пространство каждый вид звуков: звук шагов Тамары, волнительный голос Андрея, злостный стук обувью, осыпавший на волосы заключенных комки паутины; последним аккордом стал нараставший привычный гул посетителей трактира.

Барабан в груди стихал, но еще посылал толчки крови к голове, создавав покалывание в висках; дыхание содрогавшегося от холода живота было частым, коротким.

Первой проблемой был мрак. Тусклый свет керосиновых ламп трактира не проходил сквозь щели дощатого пола, а коврик над люком накрепко затемнял помещение. Хотя глаза постепенно привыкали, различав тонкие очертания предметов, в пылу напряженных эмоций делалось это крайне медленно, отчего приходилось исследовать окружение на ощупь, причем предельно осторожно, чтобы не совершить

громких звуков.

В поисках предметов помощи призрачные девушки натыкались друг на друга, пугавшись неожиданной находке теплой руки товарища, после чего следовали вздохи раздражения, но всякий раз подушечки пальцев продолжали касаться всех поверхностей. Не стоило обладать превосходным тактильным чувством, чтобы узнать по треснувшим брусьям лестницу, а вот ящик, наполненный разного рода вещами, требовал развитого навыка.

Земля задрожала, а вместе с ней заплясали и опилки, мелкие куски дерева и камня на полу. Невольно призрачные девушки прильнули к грязным стенам, чувствовав, как те ударяются о их спины, словно извиваются на ветру. Однако разрыва земли от тряски не случилось и все затихло так же внезапно, как и началось. Наверху же, судя по звукам, началась бомбардировка или лошадиные скачки, поскольку по дощатому полу застучали десятки ног; завершился гул хлопком двери и последующими едва различимыми щелчками замка.

В воздухе запахло вольностью действий. Сначала Наташа нарочито сильно, как бы в отместку за сдерживание, откашляла накопившуюся в горле пыль, после чего поставила ступню на уцелевший каркас лестницы и оттолкнулась. Ее ладонь стукнулась о деревянную поверхность, но, чтобы сдвинуть ее, силы оказалось недостаточно. Притопнув каблуком от собственной беспомощности, она продолжила рыскать по деревянному полу.

В сопровождении негромких ругательств Анжела сместилась к стене, сквозь паутину которой чувствовалась твердая ледяная почва; порой на руку перебегали пауки, отчего кожа зудела, приходилось смахивать их каждый раз. Не найдя ничего полезного, призрачная девушка двинулась вглубь непроглядной тьмы, где наметила что-то светлое. Как только она сделала несколько шагов вперед, стукнулась лбом о нечто металлическое, тяжелое, усилившее громкость и частоту ругательств. Правда, гнев улетучился, когда ладони призрачной девушки, выстроившись по бокам предмета, узнали в нем форму светильника. Вращение зажигательной ручки лампы привело в движение кремневые камни, искры от которых запалили нескончаемый запас керосиновой жидкости.

Второй проблемой стал выход. Точнее, полное его отсутствие. Строитель дома и не предполагал, что с крышкой погреба могут так по-варварски обращаться, а потому на первый взгляд выбраться из комнаты было нельзя.

Сам погреб представлял собой просторное потайное место, что углублялось до трети гостиной комнаты. В дальнем конце размещались шкафы, повторявшие очертания стен на всем протяжении комнаты; призрачные девушки невольно двинулись вперед, озиравшись на коллекции солений: огурцы, помидоры, редис, картофель, чеснок, перцы; главным образом удивляли виды овощей, которым не было названия по случаю необычности. За долгое время стеклянные бутыли

покрылись увесистым одеялом из пыльной паутины, заставляв подгнившую древесину прогибаться. Ближе ко входу по правую сторону стояли на боках, образовав форму пирамиды, бочки по типу тех, в которых бродят фрукты; снизу от каждой бочки отходило диковинное приспособление, напоминавшее кран для подачи жидкости, но деревянный.

Под руководством неведомого чувства Анжела и Наташа промаршировали в конец погреба, где, словно для них, около шкафов расположились два забитых на гвозди ящика. Призрачные девушки толкнули их ногой, определив по весу внутреннюю пустоту, и отодвинули в надежде найти выход, но под ними ничего не крылось. Владелец дома, очевидно, использовал ящики как сидения или подставки, чтобы достать верхних полок.

– Кто придумал ваш идиотский план?

Как завороженные, призрачные девушки приблизились к шкафам вплотную и стали очищать полки от паутины, под которой скрывались овощи всех оттенков. Ради забавы Анжела попыталась открыть многолетнюю бутыль, думая, что крышка закручена намертво, однако после доли усилий помещение наполнилось манящим солоноватым запахом, дразнившим чувство самообладания. Несмотря на скопление слюны во рту, она не решилась откусить.

– К черту тебя! Это отличный план, – бахвальствовала Наташа, приметив несколько необычных овощей на нижних полках. – Просто кое-что пошло не по плану. Зато без тебя у

того дохляка и странной девчонки гораздо меньше шансов.

– Чему ты радуешься? Твой кавалер запер тебя в сыром погребе, а сам отправился искать амулеты.

– На своих дружков посмотри, черт возьми! Что-то я не вижу, чтобы они рванулись спасать тебя, да и вообще они должны были пойти вместе с тобой.

– Замолчи! – Анжела бросила в сторону неприятельницы сморщенный огурец, сок которого оставил несколько пятен на платье. – Ты не знаешь ничего о Юрии.

Наташа скривилась, словно огурец попал ей на язык – между прочим, превосходная консервация даже не позволила ему испортиться! – и с открытым ртом уставилась на пятно, ожидав, верно, жжения на бедре. В ответ на это фиолетовый овощ, похожий на глубокую шляпу или колокольчик, запачкал рыжие волосы. Месть была жестокой: он и так имел специфический запах, отчего после открытия его нужно было долго вымачивать, но корнем зла был рассол, пахнувший хуже старых потных носков.

Далее происходило то, отчего владельца дома захватили бы сердечная болезнь и протяжные слезы. Разные овощи, как снаряды, летали из одной части погреба в другую, разбивавшись о стены и шкафы, пачкали одежды обидчиков и пыльные дома восьминогих обитателей, пожелавших скрыться за шкафы от буйства разгневанных ведьм. Всего несколько шагов разделяло призрачных девушек, потому промахиваться было затруднительно, и счет пошел на количество попада-

ний. Концом битвы стала бутыль мерой в четверть ведра[9], что направилась в Наташу, но столкнулась с дряхлой ножкой шкафа. Десятки бутылей вместе с деревянным пристанищем рухнули на пол, затопив помещение оглушительным грохотом.

Обе тяжело дышали и вытирали накопившийся на лбу пот под аккомпанемент мощного смешения запахов. Обе смотрели друг на друга злостно, с накаленными лицами, но без того количества пара, который они выместили на невинных овощах. Обе бессильно упали на ящики, невольно отдалившись друг от друга на наибольшее расстояние.

Ничья.

– Поняла?

– Надеюсь, ты тоже!

Некоторое время тишина в помещении была настолько плотной, что в ушах появлялся мнимый звон. Чтобы придать звуковых красок пространству, Анжела, потупив взгляд, принялась стучать кроссовкой по деревянной поверхности пола и напевать мелодию. Перед тем как грузная рука упала на ее плечо, она увидела блеск остроконечных туфель перед собой и мгновенно замолкла. В ноздри вонзился знакомый запах одеколона, от которого, несмотря на приятность, тянуло опорожнить пустой желудок. Призрачная девушка дрогнула телом, отчего мужская ладонь слетела с плеча, но мгновенно взметнулась в порыве приподнять подбо-

---

[9] Четверть ведра – мера объема, равная 3 литрам.

родок. Она не смогла противиться, но глаз не разомкнула, чтобы не показывать жидкой слабости, проступившей сквозь веки.

«Ты снова не послушалась меня. Ты снова связалась с тем мальчиком. И он снова причинил тебе страдание».

– Нет.

«И каков же результат? Пока он развлекается с другой девочкой, ты проводишь время взаперти, в пыльном сыром подвале. И права была эта девочка, что он не кинулся вызволить тебя».

– Замолчи. Что ты можешь знать?

«Анжела, я запрещаю тебе с ним общаться. Мне гораздо лучше знать, что для тебя лучше. Просто послушай меня».

– Убирайся… Вон!

Наташа, изучавшая систему кранов на бочках, аккуратно, словно посетитель душевной лечебницы, приблизилась к товарищу по несчастью.

– Совсем крыша поехала, черт тебя дери?! С кем ты разговариваешь?

Перед лицом Анжелы возникла деревянная чаша на длинной ножке, найденная около бочек, в ней плескалась темная жидкость. Налившееся сладостью и остротой вино обжигало язык, но у Наташи хватило смелости проглотить; тогда она еще настойчивее предложила разделить бодрость, стукнувшую в нос.

– Черт… А ты не похожа на пай-девочку. Назови хоть

одну причину не пить. Что еще делать? Глядишь, поможет успокоиться и придержит твою крышу, которая явно хочет поехать.

Призрачная девушка приняла чашу, и на дне замерцало ее отражение. Несмотря на фруктовую сладость и пряные ароматы, очаровавшие обоняние, она не решилась сделать глоток.

– Небось, тот дохляк не захотел сперва искать амулеты? – Наташа уселась на свой ящик и осушила бокал. Руки ее, как обычно, принялись тасовать измученную этим делом колоду карт. – Да… Все боятся, когда еще зеленые, но мы-то уже бывалые. Сколько ты на кладбище?

– Не твое дело.

– Да ладно тебе. Вижу же, что успела повидать всякое. Хотя точно меньше года, потому что не видела тебя раньше. Наверно, несколько месяцев. А еще ты так презрительно смотрела на «Искателей», будто придушила бы, так скривилась от голоса их главаря…Ты же когда-то вступила в их ряды, да? Почему ушла?

– Я серьезно. Не лезь.

– Они тебя обокрали? Нет, тогда бы ты точно на них работала, да и Ник бы так просто не отпустил. Здесь нужны ниточки посильнее каких-то вещиц… Черт меня дери! Друг?

– Заткнись ты уже!

Разлив внутренности, чаша устремилась в направлении Наташи, которой не составило сложности увернуться от ле-

тевшего предмета, но несколько капель жидкости остались едва заметным напоминанием на темной ткани платья.

– Мимо, черт возьми! Чего ты такая злая?! Раз уж мы заперты здесь, то подари мне хотя бы пустой разговор.

– Ты мой соперник, я не могу и не хочу с тобой…

– Тихо! Замри. – Призрачная девушка уставилась на волосы Анжелы, будто те воспылали; несмотря на неподвижность головы, они колыхались. – Чувствуешь это?

– Небольшой сквозняк.

– А куда исчезла чашка? Значит здесь есть выход.

Наташа осмотрела каждый угол окружения, в том числе стену за рухнувшим шкафом, но ни прохода, ни крохотной щели, сквозь которую можно было протиснуться, не нашлось. За другими шкафами тоже находились голые стены. Тогда она попыталась составить ход воздуха: поставила руку возле прядей неприятельницы и повела ладонь по направлению легкого ветреного потока. Неспешно призрачная девушка проследовала за сквозняком.

– Чертовщина! Можешь считать меня полоумной, но за стеной точно есть проход. Наверно, кирпичи поставлены не плотно – вот и пропускают воздух. Чего сидишь? Помоги!

Пока Наташа при помощи длинных ногтей поддевала камни, плотно прижатые друг к другу, Анжела проходила поле ловушек из разбросанных овощей. На половине пути ей не повезло поставить ногу на особенно скользкий овощ – в позе ласточки она подлетела к подруге по несчастью. Заслужен-

ный урок за учинение беспорядков!

Избежать столкновения не удалось. Хотя Наташа успела обернуться, увидев выставленные вперед руки Анжелы, но массивное тело уже накрыло ее. Так случилось, что призрачные девушки не ударились о стену, что было бы ощутимо, но естественно, а прошли насквозь, упав на влажную землю. Их лица были так близки друг к другу, что спавшие огненные волосы щекотали кожу, а учащенные дыхания оставались на коже влагой, и некоторые мгновения взгляд пустовал, пребывав в растерянности. Затем Анжела нашла опору и отстранилась.

– Чтоб тебе черт голову откусил! Мои волосы, мое платье – все в грязи!

– Вот и попросишь у Тамары теплую одежду, – сказала Анжела, отряхнув ладони, – а то смотреть на тебя прохладно.

Преимуществом земельного туннеля, словно вырытого огромным червем, были редкие, с трудом справлявшиеся с работой светильники. Пусть достаточного тепла они не приносили, зато несколько освещали путь. Холод и сырость должны были сблизить неприятельниц, если не духом, то телом, однако те решительно держались на расстоянии, предпочитая клацать зубами от дрожи. По чьей-то недоброй воле с верха падали водяные бомбы, наполняв землю под ногами влагой, но, что хуже, разбивались о головы призрачных девушек.

Долгое молчание тянулось злым духом по пятам, более того, растягивало и время: казалось, они уже давно вышли за пределы кладбища. Неловкости ситуации добавляла влажная грязь, в которую кроссовки Анжелы впивались со странным звуком, но с более мерзким они отлипали; каблук же Наташи проваливался еще глубже, пачкав основную часть обуви, отчего всякий новый шаг порождал гневный вздох.

Сквозь монотонное чавканье грязи, особенно если везло сделать тихий шаг, слышалась тихая мелодия. Чтобы уничтожить скуку, Анжела напевала мелодию, не раскрывав рта. Звуки шагов служили ей барабанным ритмом, хотя несколько заглушали и нервировали.

Шаг – противный звук. Еще один. Теперь в унисон. Вот опять. Снова. Раздражающе снова.

– Черт бы тебя побрал за такую молчанку! Как ты же бесишь!

– А что говорить? Обсуждать наших мальчиков, спорить, кто первее найдет амулеты, или поливать друг друга бранью? Мне нечего тебе сказать.

– Вот же стерва.

– Кто бы говорил.

На лице Наташи, однако, проскользнула улыбка, словно согласие с той долей грубости, что находилась в ней.

– Знаешь, у меня ведь талант предсказательницы. И не смотри так, потому что я цыганочка, я с тебя ничего не возьму. Показать тебе, что случится?

– Линии судьбы, любви и жизни расскажут все обо мне? Я и так знаю, что впереди, как ни старайся, ждут тяготы, а женихи мне не нужны. Никогда не верила гадалкам.

– Ранишь в самое сердце, черт возьми! Сама ты гадалка! Я предсказываю и делаю это не по рукам. Линии, волшебные шары, карты – все это удел шарлатанок. Карты, кстати, есть, но это просто, чтобы занять руки.

– И чем же ты отличаешься от мошенниц?

– У меня и правда что-то вроде… предчувствия. Я просто смотрю на человека, иногда касаюсь, и в голове появляются мысли, образы, которые потом сбываются. Обычно я никому не говорю их.

Глубокий прищур Анжелы выражал недоверие, но глаза едва уловимо заблестели в полумраке.

– Умеешь заинтересовать… Я докажу, что предсказания неправдивы тем, что соглашусь открыть будущее сопернику. Что ты хочешь взамен?

– Я же сказала, что это бесплатно. Золотить ручки будешь бабкам на базарах. – Наташа встала напротив и поправила сутулость призрачной девушки, утихомирила, обхватив ладонями, неспокойные пальцы. – Замри! И вытяни, черт подери, руки – я не кусаюсь! Вот так. Можешь еще глаза закрыть, а то я смущаюсь под твоим недоверчивым взглядом. Шучу: сама закрою.

Анжела повиновалась и позволила рассматривать ее столько, сколько потребовалось; она почувствовала себя му-

зой для художника, который должен отразить в сознании тонкие черты внешности, чтобы позже перенести их на бумагу. Когда накопившееся тепло прогрело ладони, Наташа закрыла глаза и сквозь веки были видны шевеления от левого до правого краев, подергивания; брови хмурились, как от напряженной мысли, и расслаблялись, затем вздымались, нагоняв улыбку, которая мгновенно пропадала. Около минуты она перебирала многочисленные образы в голове, отстранившись от ощущений извне.

– Предательство, – начала она резко, отчего Анжела, погружавшаяся в сон, встрепенулась. – От того дохляка? Возможно. Или вторая девчонка? Я вижу, что кто-то из команды отдает амулеты, ваши амулеты, другому призраку.

– Это все? Если ты про Юрия, то я без укора совести могу сказать, что это чушь.

– Черт! Как знаешь. Просто имей в виду. Я бы на твоем месте была бдительнее. Ты знаешь их всего день, а уже оказалась запертой в подвале.

– Ты во многом ошибаешься насчет него, а вот про ту девочку… Не знаю. Я и без того не особо ей доверяла.

– Не за что.

По левую сторону туннеля обнаружилась приоткрытая дверь, пропустить которую удалось бы, если бы Наташа всю дорогу не озиралась по сторонам. Теперь же унять любопытство было крайне тяжело.

Комната походила на старинную кладовую: на десятках протянутых под потолком веревках сушились самые разные по цвету и запаху травы, связанные в пучки, настолько сушеные, что, казалось, осыплются при любом дуновении ветра; твердые веточки деревьев и кустарников, косточки фруктов и ягод хранились в шкафах и тумбах вместе со стеклянными пузырьками высотой с палец. Все это наполняло помещение ароматом, от которого исчезали все горестные и злостные мысли.

Напротив входной двери находился стол с ветхой книгой, толстой от множества листов. Подле на керосиновой горелке стоял темный чугунный котелок; в ожидании работы он постарел, уже не надеявшись подарить миру новый целебный отвар, но покрыться ржавчиной не посмел. Под столом спряталась бочка с водой, на поверхности которой плавал деревянный черпак.

В далекие времена в обстановке комнаты не было ничего удивительного, но теперь она вполне годилась для выставки в музее.

Как только призрачные девушки переступили высокий порог, едва не споткнувшись, дверь за ними захлопнулась намертво. Они тут же принялись колотить древесину, будто та чувствовала натиск тумаков и могла поддаться. Дверь крепко слилась со своим косяком, как старые друзья, которые не виделись много лет, и разнять их силой было невозможно.

– Черт возьми! Заклинила, скотина! – выругалась Наташа, дергая ручку двери.

Впрочем, призрачные девушки сами не заметили, как позабыли о заключении, принявшись изучать местный быт. Обернувшись, они медленно, словно ожидая нападения дикого зверя, двинулись к центру комнаты, после чего разбрелись.

Наташа осматривала пучки трав, касавшись их пальцами, отчего те роняли сухие лепестки и листья. Хотя похожие находились, многообразие поражало: бутоны всех цветов радуги и многих их оттенков, стебли гладкие и пушистые, с малыми листьями и большими, коренья длинные и короткие, ветвистые, толстые и тонкие – они кружили голову, если смотреть точно вверх, создавав иллюзию полета над травянистым полем головой вниз. Пучки были разложены в особом порядке, так что над каждым к веревке крепилась табличка с выдолбленной буквой давно позабытого языка.

Неизвестный алфавит на желтых страницах книги, рассыпавшихся от времени, дырявых от насекомых, мгновенно захватил внимание Анжелы. Она листала фолиант бережно, но бумага все равно трещала, угрожав уничтожить себя и бесценные знания, таившиеся на ней. Переплет, скрепленный прочными нитями, ни одна из которых не посмела истлеть, гордо сдерживал пышный букет страниц. Конечно, значение написанного было непонятно, но, помимо рецептов зелий, встречались диковинные зарисовки их действий. Обычно в

них нормальный человек претерпевал немыслимые изменения: превращался в животное, исчезал, уменьшал и увеличивал размеры…

Анжела пролистала книгу до конца, подметив интересные свойства некоторых зелий. Не составило труда догадаться, что отвары могут сыграть решающую роль в борьбе с монстрами. Превратить их в скользких жаб или же осыпать глыбами льда – все это казалось заманчивым, но особенно привлекло внимание зелье невидимости. Легче всего было бы незаметно проскользнуть мимо чудовищ, чем сражаться с ними.

Главное правило зелий: у всего есть своя цена. За превращение в животных она одна, за изменение состояний человеческого тела иная, более суровая. Раньше это называлось «платой», а теперь, верно, побочным эффектом. Посмотреть последствия отваров можно было после описания ингредиентов и процесса варки, где у зелья невидимости, например, кроме человеческого силуэта, обведенного пунктиром, рисунок лучистого солнца сменялся полумесяцем. Если хочешь стать незримым для всех, то есть исчезнуть, будь добр, плати за это собственным временем жизни; если вкратце, забирается часть времени, которое используется на изменение мироздания, то есть тела.

Для начала нужно было придумать, как выбраться из комнаты. Хотя зелье силы манило, создавалась догадка, что даже огромный кулак не пробьет дверь. Лучшим вариантом спасе-

ния было зелье уменьшения. А может, и худшим. Автор книги детально нарисовал пропорции для понимания, насколько отвар уменьшит человека, но плата ужасала. Если хочешь изменить свое тело до размера таракана, велика вероятность потери одного или нескольких пальцев на руках и ногах, порой у некоторых исчезали уши или нос; сложив свое тело, трудно затем с точностью возвратить его.

– Я должна, – шептала она, – ради него, ради себя. Может, повезет…

Наташа заметила суету спутницы, и тут же пышное платье замелькало перед столом. Приготовления к варке неслись на предельной скорости. Сначала Анжела опустила увесистый котелок на землю, начерпав в него воды, оказавшейся на удивление прозрачной. После этого призрачная девушка водрузила, сотрясавшись мышцами живота, его обратно на горелку. Зажигательная ручка долго двигала кремни внутри, но те упорно не хотели рождать огонь, отчего подумалось, что камни отсырели. Все же сопротивление длилось недолго, и вскоре над металлической подставкой плавал язык пламени, врезавшись в толстое дно котелка.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь спасти нас, – сказала Анжела. – Найди цветок под знаком полумесяца над стрелой. Далее… Перечеркнутый круг. А этот похож на стул, у которого задняя ножка длиннее.

Выискивав на слух нужные символы, Наташа порхала от

одной части комнаты к другой, что вместе с платьем создавало впечатление быстрого танца. Благодаря точным описания Анжелы подле книги стремительно появлялись все новые пучки трав, разные части которых падали в кипевшую воду.

– Такого нет, – сказала ближе к концу списка Наташа.

– Равносторонний треугольник, говорю, а внутри него окружность.

– Да нет, черт тебя дери!

– Посмотри в шкафах.

Признаться, не каждый опытный зельевар смог бы наугад верно бросить щепотки сушеных листьев, но у Анжелы это получалось с необычайной точностью, будто в ней включились знания предков, что жили в этой местности. Она и сама не скрывала, что испытывала некое удовольствие от процесса, наблюдав за изменением цвета и вязкости отвара. Ах как точны и легки движения! Из нее бы вышла замечательная целительница, помощница лесных зверей и забредших путников, великолепная травница.

Вдруг Наташа вскрикнула, обнаружив нужный компонент зелья.

– Твою же мать, черт побери, елки-палки!.. – Она попятилась, вываливая на шкаф все виды ругательств, что знала. – Это зубы!

– Неси их.

– Ты что, больная? Черт! Надеюсь, они не человеческие.

Вроде нет. Надеюсь…

Все же перед столиком возник силуэт Наташи, который, морщившись лицом, нес на вытянутой ладони пару маленьких острых клыков, пожелтевших на воздухе. Что с ними делать, Анжела не знала, а потому просто отправила в горячую воду, как и другие ингредиенты. При первом зелье без посторонней помощи просто невозможно знать, что их нужно было потереть щеткой, чтобы отвар не горчил!

– А вот этот знак описать трудно. Лучше сама найду, тем более, что ты так брезгуешь.

Комната заметно наполнилась приятным теплом от выкипавшей воды, пока призрачная девушка осматривала все пучки трав и чаши на полках. Однако таинственная последняя часть зелья не находилась. Только после долгих минут поисков глаза приметили низенькую тумбу подле шкафа. Широкая спина Анжелы полностью закрыла внутренности тумбы, было видно лишь, как она шевелит руками, передвигав нечто звонкое, в то время как по полу стелился клуб холода.

На вытянутой руке Анжела несла стеклянную колбу, содержимое которой не просто нагоняло страх, но еще добавляло отвращения, заставляв тело покрываться гусиной кожей. Верно, Наташа запищала бы, если бы иссохшее горло и онемевший язык не бездействовали в изнеможении; по лицу можно было догадаться, какого рода ругательства проносятся в мыслях.

Без промедлений скользкий глаз животного, что источал резкий запах сырого мяса, упал в кипяток, растворившись, как масло на раскаленной сковороде. В этом ингредиенте кроется некая ирония: использовать орган, которым существо видело этот мир, чтобы другие не увидели тебя.

– Почему здесь изображено солнце и месяц? – очнувшись, спросила Наташа, глядев в книгу.

– Очень скоро узнаем. Думаю, зелье почти готово.

Анжела сама не знала, верит ли в необычное действие природы или нет, что ожидает от травяного отвара, поэтому первым решила опробовать невидимость: она посчитала его побочный эффект менее пагубным.

С помощью того же черпака из бочки жидкость из котелка переместилась в четыре пузырька, найденных в шкафу – один на пробу, а остальные для команды. Разливая их, Анжела долго колебалась над последней склянкой, намеченной для Сидни. Перед ней всплыл легкий способ устранить незнакомку из команды – она и так не любила ее, а предсказанное предательство только подкрепляло выбор. В конце концов подумалось, что Юрий скорее разделит свою долю, чем позволит призрачной девушке остаться ни с чем.

– Нет, ты точно сумасшедшая, – сделала вывод Наташа.

– Хочешь быть добровольцем вместо меня?

Мгновение неприятельница колебалась то ли в желании разделить незавидную участь, то ли из корыстных побуждений, ведь в случае правдивости зелья она останется в ком-

нате одна, а находиться взаперти с товарищем по несчастью душевно легче.

– Вот и решено. Если со мной что-то случится, вам же с Андреем лучше, – съязвила Анжела. – А ты внимательно смотри, потом расскажешь, что увидишь.

Она поднесла еще горячую склянку к губам и залпом осушила ее, ощутив терпкий горький вкус. Несколько мгновений ничего не происходило, но вдруг Наташа задвигалась с огромной скоростью; она переместилась к ней, но спустя долю секунды уже была у стены, затем расхаживала вдоль комнаты и наконец осела на землю у стены, обхватив колени руками.

Хотя Анжела окликнула ее по ощущениям громко, реакции не добилась. Призрачная девушка отстраненно обводила пальцем контур макового бутона, погрязнув в мыслях. Грудь ее невысоко приподнималась и в полной тишине даже слышалось редкое дыхание.

Старавшись шуметь, Анжела приблизилась в измученной спутнице и коснулась ледяной ладони. Наташа медленно подняла подбородок, повернув голову на то место, где находилось незримое лицо призрачной девушки; влажные глаза ее несколько впали, окаймленные серым серпом нижнего века, и в них чувствовалось спокойствие, какое бывает у людей, смирившихся с трагичным, неизменным исходом.

Вдруг Наташа вздрогнула, словно спустя время отчаявшееся сознание почувствовало присутствие чужой души.

– Это ты? Ты? – повторяла она, казалось, бесконечно, отчего руки Анжелы холодели в страхе.

Ухватившись за стену и руку невидимки, Наташа поднялась на дрожавшие ноги и припала на плечи Анжелы, которая с трудом усмирила порыв оттолкнуть ее.

– Что произошло?

– Ты пропала! – закричала Наташа. Она срывалась на плач, что лавировал на грани стона. – Ты не просто стала не видимой… Ты исчезла, тебя здесь не было много часов. Я… Я уже не знала, что делать. Я сделала чертово зелье, но боялась пить, чтобы не пропасть, как ты. Я думала, ты умерла…

Анжела гладила темные волосы, от которых исходил мощный травянистый запах, но вскоре мягко отстранилась, направившись к столу.

– А сейчас ты вроде бы осязаемая. Черт! Даже одежду не видно.

Ниже краев котелка виднелась желтоватая пленка маслянистой жидкости. Анжела закупорила пузырьки с зельем невидимости древесными крышками, которые шли в комплекте, и убрала их в карманы джинсов. Опустевшую склянку она промыла от остатков и наполнила новым отваром.

– Ничего лучшего не остается, – сказала она. – Нужно выбираться. Чем скорее, тем лучше.

На вытянутой ладони, которая не была видна даже владелице, Анжела пошевелила всеми пальцами по очереди, чтобы ощутить их, возможно, в последний раз. Каждый из них.

Она улыбнулась, когда ощутила щекотавшее царапание мозолей на подушечках, но тут же помрачнела. В голове появлялись мысли о жизни в будущем, выполнении повседневных дел без этого пальца. Что, если исчезнут несколько или даже целая кисть? Словно чувствовав беду, пальцы не сгибались, чтобы схватить склянку, а позже дрожавшая рука отказывалась поднести ее ко рту. Организм сопротивлялся.

– Проклятье! Хотя бы дали выбрать, какого мне лишиться.

– У-удачи, – прошептала Наташа в страхе от пузырька, парившего в воздухе подле двери. – Если выберешься, открой дверь, не оставляй меня одну.

Пузырек стукнулся о землю, когда Анжела отхлебнула самую малость: отвар был мерзким на вкус. Пока она морщилась от ощущений, затронувших весь рот жгучим прикосновением, тело завиднелось и вместе с одеждой стремительно уменьшалось. В то же время комната разрасталась, как сорняки на удобренной почве, и каждая пылинка на полу уже казалась камнем. Земля, с высоты выглядевшая ровной, истоптанной, пестрила пригорками и впадинами, пробираться по которым было непросто.

Мир круто повернулся на девяносто градусов – дрожь под ногами сбила Анжелу с ног. Она оглянулась, увидев размер Наташи, достигавший высоты самых больших гор; ее плавные, как в воде, движения порождали немыслимые земельные толчки, а низкий, протяжный голос, в котором не раз-

личалось ни одно слово, оглушал.

До зазора между дверью и полом, как оказалось, нужно было еще добраться. В миниатюрном виде расстояние в несколько вершков[10] показалось забегом, от которого легкие, работавшие на предельной мощности, горели. Удалось пройти деревянный потолок дверного проема за несколько секунд до того, как действие зелья прекратилось.

– Все хорошо? – прошептала Наташа, прислонившись к двери.

– У меня – да.

– Открой дверь.

– Нет, – с ледяной твердостью сказала Анжела. – Это месть за ваши с Андреем уловки.

И пошла дальше по туннелю, слушав надрывные стоны, удары кулаков в дверь, неистовые ругательства, закончившиеся тихим плачем. Вскоре призрачная девушка отошла настолько далеко, что тишина показалась ей непривычной.

В конце пути земельный коридор суживался и поднимался кверху в виде норы. Спасительный проход на поверхность был прикрыт доской, при движении которой осыпались комки почвы. Как только в приоткрытую щель ворвался прохладный свежий воздух, Анжела прикрыла глаза в наслаждении, дернула доску так, что на рыжие волосы посыпался водопад пыли, и подтянулась наверх.

Стоило только раскрыть глаза, как счастливое лицо в

---

[10] Вершок – мера длины, равная приблизительно 4,5 сантиметра.

мгновение исказилось маской первобытного страха. На кладбище была ночь.

Талант №8. Умение фехтовать без умения фехтовать

Было на кладбище такое место, которое удивляло не только новоприбывших, но и бывалых призраков. Первые видели в нем опасность и миновали обходной дорогой, а вторые, избалованные кладбищенскими загадками, с горечью понимали: это самое обычное место среди здешних надгробий. И чудесным оно было только потому, что в нем не было чудес.

На первый взгляд.

Выжженное поле называлось так по ряду значимых причин. Во-первых, это действительно было поле, участок земли, окруженный четырьмя дорожками, да такой бугристый, несколько вскопанный, будто создатель наметил его под нечто важное, но забыл использовать; и во-вторых, ничего не росло в этой почве, словно она была сильно ядовитая, находились даже слухи, что она прожигала обувь и от нее зудели ступни. Призраки пробовали садить цветы на поле, но те либо не пробивали оболочку семени, либо покрывались ржавыми пятнами после первых дней жизни. И сорная трава, что выживает в удивительно пагубных условиях, не смела появляться здесь. Не виднелось ни одного надгробия… Оттого и выжженное, безжизненное.

До того как амулет в руках Андрея запустил череду мгновенных изменений, Выжженное поле покоилось и пустовало. И вот на одной из сторон из-под земли пробился деревянный столб, по виду должный выглядеть старым, покрытым трещинами. Однако наперекор всем ствол дерева, хотя имел неровности, блестел цветом корицы на выглянувшем солнце, источал сосновый аромат и тепло в виде извитых клубов пара на холоде. На уровне среднего роста человека крепилась табличка, тоже не тронутая землей; буквы на ней были извилистыми, но разборчивыми, чему способствовала и ослепительная белизна краски.

Призраки окружили столб по фронту в форме дуги, боявшись наступать на землю Выжженного поля. Каждый жаждал прочесть таинственное послание на табличке, словно там обещались ответы на все трепетные вопросы. К тому моменту, когда настырный призрачный юноша пробрался сквозь толпу, достигнув основания столба, слова разной степени искаженности уже разлились по призрачным головам, за исключением самых дальних рядов. Тогда он постоял перед таблицей, водив взглядом по строчкам, и повернулся лицом к шептавшейся толпе.

Именно этот призрак наведался минутами ранее в трактир. Он обладал исключительно непримечательной внешностью, какой не выделялся из толпы, но стоило ему заговорить, как все сразу же узнавали Константина, кладбищенского диктора. И все бы наслаждались, будь у него голос спо-

койный, глубокий, басовитый и в целом приятный, однако все эти качества отражались в нем с точной противоположностью.

Многие, в особенности первые ряды, невольно приготовились к звуку, похожему на скрип тормозов поезда, накрыв уши ладонями.

– Турнир по фехтованию! – закричал призрак дребезжащим голосом на манер оленей во время брачного периода, чтобы каждый на кладбище услышал. – Цель: коснуться противника. Награда победителю: вторая часть амулета. Всем желающим вступить в пределы арены в течение двадцати трех минут тридцати шести секунд… двадцати трех минут тридцати четырех секунд… двадцати трех минут…

Так продолжалось еще несколько раз; Константин, дивившись исчезновению старых и вспыхиванию новых цифр, повел обратный отсчет, но это быстро наскучило. Впрочем, большинство позабыло о нем еще после упоминания о выигрыше.

И с некоторой торжественностью он добавил:

– Конец объявления!

По мере развития событий призраки все прибывали, шептались друг с другом, но никто не решался ступить за пределы столба – все лишь смотрели вдаль, сквозь пространство Выжженного поля, представляв страшные картины сражений.

Вдалеке послышался протяжный гневный стон, напоми-

навший рев, и на боковой стороне поля все увидели неизвестного призрака, облаченного в темную мантию. Ткань простиралась от макушки в виде капюшона, скрывавшего лицо, до ступней, волочась по земле. Резкие движения, которыми он преодолевал расстояние, грузные шаги, оставлявшие глубокие следы на земле, широкие плечи – все это выдавало в нем грозного противника. Только он замер в центре Выжженного поля и обернулся лицом к толпе, как всякий призрак почувствовал на себе тяжелый взгляд и больше прежнего переполнился нерешительностью.

Темная фигура вдалеке устрашила многих, но не Павла с Борисом, которые только воодушевились действиями таинственного соперника. К тому же они были убеждены, что сражаться с ними будет трудно хотя бы из-за внушительного их размера. Хотя чувствовалось, что в глубине капюшона сверкнула улыбка, незнакомец не откликнулся на решительность призраков.

Оставалось восемнадцать минут, и неумолимо бежавшее время давило на разум.

Несколько призраков не выдержали гнета ситуации и под бурные выкрики товарищей присоединились к участию. Они чувствовали себя героями, однако выглядели напуганными овцами, в особенности когда приблизились к незнакомцу в мантии и двум мускулистым соперникам, от которых исходил такой бодрый дух сражения, что заглушать тряску в ногах было затруднительно.

Вскоре примчался Андрей, запыхавшийся от обилия одежды; услышав сборище призраков у Выжженного поля, он уже успел отчаяться, что амулет отыскали до него, однако Павел и Борис рассказали ему о предстоявшем испытании – новость оказалась нерадостной.

Между тем, помимо знакомых лиц, прибыло еще несколько участников, среди которых виднелась даже призрачная девушка.

«Искатели» не приближались к толпе, словно позорно было смешиваться с простыми призраками; от их обособленной группы отделился один коренастый призрачный юноша вида скверного, но лучшего, чем у вожака.

Время отбора близилось к финалу – крохотные пять минут предвещали сгореть, как спичечный стержень.

– Ты сказала Нику, что на кладбище драться нельзя, – сказал Юрий, всмотревшись в отсчет времени. – Что ты имела в виду?

– Ну да! Это все-все знают, что нельзя. А иначе будет ой как плоховато. На самом деле я никогда не видела, что происходит с драчунами, но ходит слух, что те превращаются в животных. Да-да! Вот я совсем этого не хочу, мне и так нравится, в форме девочки. А вот этого поганца Ника и всю его шайку…

– Но ведь в правилах сказано, что это фехтование, что само собой подразумевает драку. Как же тогда они собрались это делать?

– Не знаю… Нужно подумать. А! Может, на время драться разрешено? Или только на этом поле можно. Все же лучше не рисковать, хотя с твоей хромотой лучше и не пытаться. Ты же не будешь пытаться? В правилах сказано только коснуться, легонечко так. Тыц! И победа.

– Ты сможешь?

– Что?! – запищала Сидни, оглушив призраков подле себя, из-за чего те оскалились. – Нет-нет-нет. Ты что! Я никогда ни с кем не дралась. Я не смогу! Я же проиграю за три секунды! Ты… ты посмотри, какие там увальни собрались. И куда мне против них? Вот где же твоя рыжая подружайка, которая так нужна сейчас?

– Кто-то должен из нашей команды. Я уверен, ты быстрая, ловкая, от тебя уж точно будет больше толку, чем от меня.

На этот раз Сидни медлила со словами, но еще до них Юрий увидел в глазах ответ.

– Ты куда? Стой! Стой же, тебе говорят! Тебя же прибьют там, как муху!

– Отпусти, – сурово сказал Юрий. – Не хочешь ты, так хотя бы я поучаствую.

– Но как ты?..

– Что-нибудь придумаю.

Благодаря немому лицу выглядел Юрий уверенно, хотя с каждым шагом в душе проявлялось буйство красок: неожиданное воодушевление, вызванное мыслями о том, что он бе-

зумец, сменялось неудержимым страхом. Он еще не сблизился с оппонентами, но и без этого было неуютно смотреть на разминавших мышцы Павла и Бориса, приспешника Ника, ухмылявшегося от его хромоты, и Андрея, который отрешенно глядел в сторону; незнакомые призрачные юноши и призрачная девушка в сравнении казались слабыми противниками, но каждый из них мог с легкостью размахивать мечом, с легкостью уклоняться и с легкостью ставить блок.

Шестнадцать человек выстроились в линию, ожидая своего часа. Из них самым беспокойным был Юрий, твердивший себе, что оставшейся минуты хватит, чтобы убраться с Выжженного поля. Однако всякий раз букет мыслей об амулете, о рыжеволосой призрачной девушке, о выпавшем шансе исполнить мечту останавливал его.

«Если я сдамся, стоит ли жизнь того?», – вспомнил он. И добавил: «Сильнее жизни меня уже никто не покалечит».

Призрак слушал по-хорошему взволнованных противников и отметил, что был взволнованным по-плохому, что бы это ни значило.

– А мечи нам дадут?

– Боря, ну а как иначе? Апчхи! Ой, что-то похоже на аллергию… Опять этот котяра шастает где-то близко? Так вот… Дадут-дадут, не самим же их стругать.

– Деревянные, то бишь? Это скука – мне бы настоящий, железный, чтобы вес почувствовать.

Многие тешили себя разговорами до последних минут от-

бора, переминались с ноги на ногу, хрустели суставами пальцев, но только незнакомец в мантии не шелохнулся ни разу.

– Удачи, что ли? – сказал ему Юрий, невольно попытавшись заглянуть под капюшон; из-под него выступало нечто, похожее на несколько белесых стеблей колосков, вставленных между зубами. Неизвестно было, бодрствовал ли он, моргал ли и дышал ли вообще, но все же от него исходило редкое дыхание сомнительного запаха.

Не услышав ответа, Юрий перестал донимать соперника и стал ждать развития событий, пытавшись унять страх. Вдали он видел Сидни, взгляд которой перемежался с края Выжженного поля на него; участвовать она тогда так и не решилась.

Напоследок, когда толпа начала считать последние секунд пятнадцать, «искатель» зашел со спины и шепнул на ухо:

– Ты жалок. Смотри, чтобы я не наступил на тебя нечаянно, а то ведь могу и не заметить.

В центре Выжженного поля позади участников возникли потоки ветра, и усиливались они с каждым мгновением. Могучий вихрь пыли захватывал куски земли, мелкие камни и сухие листья и вскоре поглотил призраков; не только зрители потеряли их из виду, но и они, находившиеся в очаге действий, не замечали друг друга – казалось, неистовый смерч унес их. Дышалось с трудом; частицы пыли вперемешку с комьями земли стремились забиться в ноздри, вызвать

жжение и чихание. Чтобы избежать удушения, пришлось закрыть нос и по возможности лицо рукавами одежды, что несколько задержало грязь, но не ледяной ветер. Идти в каком-либо направлении было бесполезно: видимость на расстоянии вытянутой руки исчезала, и земля дрожала так, что все силы тратились на устойчивое положение.

Как только буйство природы завершилось, взору открылись удивительные изменения почвы. Спустя жалкие полминуты времени Выжженное поле вдавилось, образовав воронку. Голое пространство почвы превратилось в настоящий амфитеатр, разделенный столбами земли на круговые и поперечные сектора. И сверху доносился гул зрителей, которые разбрелись по краям воронки – каждый привносил значимость общему звуку, обсуждав зрелищное явление.

Воспользовавшись моментом, когда соперник озирался по сторонам, Юрий прошелся по затвердевшей, но местами все еще бугристой почве в сторону стены чернозема. В ней были видны комья почвы, приросшие друг к другу, словно к сильному магниту, мелкие камни, ветки; ни живых корней растений, ни насекомых, он не заметил. За земельной стеной, скрывавшей вид других участников, слышался знакомый голос Андрея, а где-то вдали басил Борис.

Константин не упустил возможности занять место комментатора, закричав так, чтобы услышали все. Нужно отметить единственное достоинство его противного голоса: он был громким и без труда слышался на другом крае воронки

и внутри амфитеатра. Хотя и никто не хотел, чтобы так было.

– Итак! Все участники турнира нашли себе пару, никто не остался обделенным. Сражайтесь! И пусть победит достойнейший.

Юрий промычал нечто невнятное в сторону своего оппонента, приметив на плече того красную повязку; такая же странным образом появилась и у него. Призрак не ответил, а лишь потянулся за деревянной рапирой, лежавшей на земле подле ног. Он сделал это молниеносно, после чего пару раз взмахнул клинком, оценив вес, и осмотрел острие с шаровидным наконечником, каким точно не причинишь вреда, и рукоять, к верхушке которой примыкала закругленная часть для защиты пальцев от лезвия.

В то же долгое время Юрий поднимал свой клинок. Важные мгновения времени он потратил на поиск лучшего способа, поскольку болевшие мышцы могли не изволить разогнуть колени после приседа. Старавшись действовать стремительно, но осторожно, он широко расставил ноги, почувствовав прилив неловкости, и наклонил тело вниз в надежде на то, что спинные мышцы, получавшие меньше всего нагрузки в последнее время, будут более податливыми. В голове оседали пагубные мысли о том, что не нужно было участвовать: он оружие не в состоянии быстро поднять, а способен ли тогда направить эту тяжесть в противника? На удивление рапира оказалась не такой увесистой, какой представлялась в воображении. Хотя он не хотел вызывать к себе жа-

лость, подсознательно надеялся, что его вид смягчит суровость битвы.

– Ну же, ребята! Мы не можем ждать весь день! Хотя нет, постойте, один решился наконец атаковать первым, пока другой замешкался. Какой умный ход!

Стоило Юрию перевести взгляд на противника, как голова закружилась – силуэт призрачного юноши несся на него с большой скоростью, замахнувшись рапирой, и в глазах можно было легко прочитать, что пощады ждать не придется. Ощутимо ярко почувствовалось покалывание во всем теле, словно с кровью разносились иглы, призванные растормошить вялый дух.

– Бой закончится, не начавшись? Эй, мелкий, ты хотя бы уворачивайся! И возьми уже меч по-мужски!

Поле боя было жестко ограничено земельными стенами, потому разогнаться расстояние не позволяло, но и без того решительность в движениях соперника страшила, казалось, если попадет в грудь, то пронзит насквозь, даже несмотря на учебные оружия.

– Нет-нет-нет, – взмолился Юрий, чувствовав ручьи пота со лба. – Все не может закончиться так быстро. Мне нужен амулет!

Следующие моменты помнились обрывочно, поскольку все произошло с немалой резвостью и напоминало грезы. Оценив высоту противника перед собой, он инстинктивно метнул рапиру острием вперед, точно копье, и закрыл гла-

за.

Из оцепенения его вырвал протяжный рев Константина, от которого у большинства зрителей образовалось новое отверстие в ушах, а стоявшие вблизи, верно, оглохли:

– Чего-о-о? Этот паренек бросил меч в соперника. Ха-ха! Вы посмотрите на лицо проигравшего, будто ему отрезали ногу. Вот это смекалка! Что уж поделать: в правилах сказано коснуться. Ох! Поигравший только что мгновенно исчез с поля боля, а победителем становится… – Он замялся, ожидав ответа от толпы, и Сидни от восторга прокричала его имя десятки раз, чтобы услышал каждый. – Юрий!

Со всех сторон донесся шум аплодисментов: одни искренне радовались за неожиданную победу призрака, другие смеялись с самого способа, каким хилый призрак одолел противника. Никогда ему не доводилось находиться в центре внимания, к тому же как участнику спортивного турнира – он и сам не до конца верил в реальность происходившего. Кровь прилила к голове, стучав в висках, разливалась по лицу, отчего в тот прохладный день стало необычайно жарко.

Позади раздался скрежет: стена, направленная к центру амфитеатра, вжалась в землю, как недостающий кусок пазла, открыв проход на следующий уровень арены. Это был участок Выжженного поля поменьше, но все еще просторный. Юрий прислонился к стене подле своего прохода и принялся ждать остальных, вслушавшись в бесконечный говор комментатора.

– Что же творится у других? Павел и Борис… Кто же не знает Павла и Бориса? Даже при грузном теле они ловко уклоняются от ударов и наносят свои. Ох какой сильный сейчас был! Борис ударил прямо по мечу сильной девчонки. Ты бы полегче! Неужто боишься проиграть ей? О да! При том, что она вдвое ниже соперника, двигается она быстро. Касание! Ну вот! Сглазил. Прости, красотка, но я не хотел. Ой! На стороне Павла тоже касание. Эти две горы мышц почти одновременно справляются со своими противниками и проходят во второй этап. Мои поздравления! Ни секунды не сомневался!

В проемах опустившихся стен земли в дальних частях амфитеатра завиднелись широкоплечие силуэты. Как только спортсмены встретились, живо начали выплескивать эмоции друг на друга – простота боя их разочаровывала. Тогда Юрий с сожалением подумал, что хочет все рассказать Анжеле, даже участвовать вместе с ней, раз поневоле выпала такая карта судьбы. Множество вопросов заставили его позабыть о волнении. Умеет ли призрачная девушка сражаться на рапирах? Поддалась бы, если бы им пришлось противостоять друг другу? Смог бы он придумать хитрость, чтобы одолеть ее в честном бою?

– Посмотрим, что происходит у других. Андрей, виновник, так сказать, этих игрищ, испытывает некоторые трудности. Да уж, его оппонент знает, что такое битва на мечах.

Вдруг он запнулся, чтобы отдышаться, прочистил горло,

начинавшее отзываться усталостью, и воскликнул:

– Ух ты! В секции номер три, где до последнего не наблюдалось движений, поединок уже закончился. Одинокий победитель гордо поднял шпагу вверх. Это точно призрак? Или может быть, кобра, – я даже не заметил его атак! – да и странный он какой-то, весь разодетый в балахон, лица не видно… Ну да ладно. Еще один победитель!

Мгновение ничего не происходило, и зрители взмолились, чтобы этот момент растянулся, однако оживление в одном из секторов пробудило истошные вопли.

– Виталий из команды «Искателей» обрушивает мощные удары на растерянного призрака. Поднажми, Виталий! Да! Он сделал это! Так… Еще двое призраков, которые дрались уж очень уныло, тоже проходят во второй этап. Первый – объявляю завершенным.

В окружении победителей Юрий чувствовал себя неуютно: казалось, что он попал во второй тур по ошибке. Павел и Борис были, как обычно, в хорошем настроении, готовые сражаться. Андрей все еще усмирял частое дыхание после нелегкого боя – сражаться на рапирах для него стало непростым испытанием. Но больше всего страшил «искатель», разминавший суставы на пальцах; смотрел он так, словно призрачный юноша выглядел аппетитным мясным блюдом, что при нынешней ситуации мало отличалось от действительности – от него вполне могли откусить часть. Призрак в мантии смиренно ожидал нового сражения, несколько отде-

лившись от участников.

И встреча с каждым из них равнялась мгновенному проигрышу.

Хотя надежда сражаться с одним из незнакомцев, менее грозных на вид призраков, теплилась в душе, разум горько осознавал, что у этого турнира два исхода: проигрыш в этом бою или проигрыш в полуфинале.

Вновь задрожал пол, поднялся ветер, отчего каждый задержал дыхание, томившись в ожидании своей участи. Судьба, верно, благоволила Юрию, поскольку перед ним стоял не мускулистый спортсмен и не кровожадный член банды, а блеклый призрак, ростом ненамного выше него, возможно, младше возрастом. Несомненно, каждый здесь мог одолеть его быстрее, чем он сможет выдвинуть рапиру, чтобы поставить блок, но противник совсем не внушал страха, что даже смешило – все познается в сравнении.

– Вот это да! Какой интересный расклад событий. Вы только поглядите, Павел и Борис должны будут столкнуться друг с другом! Все же хотели поглядеть на битву титанов – будет на что посмотреть. А вот Андрею крайне не повезло с соперником, пожелавшим остаться инкогнито. Все мы видели, как легко он обращается с мечом, как в мгновения ока обезоружил паренька и коснулся его груди. Знать бы, кто это вообще… Зато Виталию и Юрию крайне повезло не попасться друг другу и тем более не Павлу с Борисом, так что, если они продолжат в том же духе, точно попадут в полуфи-

нал. Да начнется же битва!

Пока оппонент неподвижно выжидал, Юрий корил себя за то, что не придумал новую тактику, ведь использовать прием дважды не получится. Он заковылял к противнику, несколько набрав скорости, но быстро запутался в ногах и упал.

Атака была неизбежна: только честный или глупый не воспользуется такой возможностью, а стоявший напротив призрак не относился ни к первым, ни ко вторым.

После падения рапира уткнулась в землю и повредила твердый слой. Опиравшись одной рукой о клинок, а другой о почву, Юрий остался в положении на коленях. Весь вид его вызывал бурю комментариев со стороны диктора, что только подтолкнуло противника к действию.

При закрытых глазах явнее ощущались порывы ветра, тяжелое дыхание, грохот шагов, нараставший с каждой секундой… Мгновение – и в призрака, уже выставившего рапиру, полетела горсть рассыпчатой почвы. Бросок не в полной мере достиг противника, поскольку внезапно усилившийся ветер натолкнул на быстрый старт, однако много твердых частиц вонзилась в глаза, которые расслабились от мыслей о победе и не успели вовремя закрыться.

– Какой подлый ход! – тотчас же отозвался Константин. – Бросить в лицо противнику землю очень хитро, но где хитрость, там и победа. А этот парень умеет использовать смекалку. Берегитесь, Павел и Борис. Ха-ха! Это я, конечно же, шучу. Хотя кто знает… В любом случае Юрий проходит в

полуфинал. Кто же составит ему компанию?

На этот раз, когда призрак вошел в еще более узкое пространство арены, там стоял Виталий. «Искатель» резко изменился в лице и двинулся к противнику, прижав локтем к стене; странный недобрый блеск отразился в его глазах.

– Ты умеешь удивлять, сопляк!

Хотя запрет на физическое насилие успокаивал, по телу проносились волны дрожи, вызванные воображением – от члена банды можно ожидать всякого.

– О нет! – кричал на фоне диктор. – Андрей еле успевает защищаться, не то, что атаковать. Незнакомец осыпает его шквалом искусных ударов, истощает его физически. О нет! Ноги Андрея подкашиваются, он валится на землю. И вот! Бой окончен – темная фигура без тени гордости проходит в полуфинал. Это грустная победа, ведь у Андрея уже есть один амулет, а делиться с кем-то, думаю, не захочет никто.

Ладони Виталия уперлись в стену по бокам, перекрыв пути выхода. Он смотрел на Юрия, который съежился от немого давления, со злобным разочарованием, словно жаждал от него, прошедшего два боя, силы если не внешней, то внутренней. Неизвестно, что произошло бы, не появись темная мантия на горизонте.

– Остались Павел и Борис. Кто же из них сильнее? Кто лучше владеет клинком? Узнается уже скоро! Пока что их мечи свистят в воздухе, стучат, касаясь друг друга, а все мускулы напряжены, как на обложках журналов моды. Друзья

не хотят уступать амулет. И они не будут! Как же они одинаково атакуют друг друга. Если бы не знал их, подумал, что они братья-близнецы. Павел медлит, выжидает, готовится атаковать. Борис, кажется, тоже… Но! Что же творится?! Они падают замертво! Как же так? Они оба коснулись друг друга? Ничья?! Тогда почему они лежат на земле и не переносятся наверх? Может, кто-нибудь им поможет, а?

Во время последних слов Константин обернулся к толпе, прятавшей взгляд от его предложения, и не видел, как одна призрачная девушка уже с трудом скользила короткими каблуками по склону. Хотя ветер усиливался, предвещав очередное изменение арены и начало полуфинального боя, она не думала о том, что может стать невольной участницей турнира, ее тело и мысли настроились только на то, чтобы оказаться подле пострадавших и осмотреть их. Это была Сидни.

– О! Девочка бежит им на помощь… Увы, пока что нельзя сказать точно, дисквалифицированы они или нет. Держим за них кулачки! Ах! Хотя творятся странности, ветер усиливается, а значит, Выжженное поле нашло выход. Они будут драться втроем?! Этот турнир не перестает удивлять. Три лучших оппонента: Некто-В-Балахоне (назовем его так, а то я устал придумывать ему эпитеты!), «искатель» Виталий и Юрий, лицо которого так и говорит: «Каким чудом я сюда попал?». Что ж, смекалистый дружок, прояви себя, как мужчина. Возможно, именно тебе достанется главный приз.

От пыльного ветра Сидни сильно кашляла, но продолжа-

ла двигаться в сторону Павла и Бориса. Она уже достигала внешних стен амфитеатра, когда ветер и вибрации земли неожиданно стихли. Все увидели, что быстрый язык Константина поспешил в догадках – Выжженное поле возвращало привычный вид, турнир был остановлен.

– Нужно отнести их в трактир! – крикнула призрачная девушка после краткого осмотра.

В голосе звучал испуг. Состояние крепких призрачных юношей было крайне плачевным: пульс слабый, редкий, все тело обильно потело, глаза были закрыты и быстро двигались, тихие стоны определяли оставшуюся долю сознания. Им срочно нужны были лекарства и покой.

Спустя время несколько призраков подоспели к спортсменам и, схватив за запястья и лодыжки, потащили неожиданно легкие тела подальше от Выжженного поля. Казалось, что эти гиганты должны весить пудов пять, а то и семь, но бывалые обитатели кладбища знали: все призраки гораздо легче, чем люди.

Зрители начали расходиться, и уже почти опустевшему окружению бессменный обозреватель турнира прочитал новую надпись на табличке: «Турнир закрыт. Продолжение завтра в то же время». И сам он отправился по своим делам.

Тамара не возразила отпереть трактир и направила призраков не в гостиную, а в иную комнату, которая представляла собой старинную спальню. Широкая кровать с истлевшим

постельным бельем, несколько светильников на расписных прикроватных тумбах, комод напротив, в каждом ящике которого скрывалась одежда для разного сезона, стул с широкой спинкой у окна – все это покрывал многоэтажный слой пыли, протереть которую, верно, у нынешней владелицы дома не имелось ни желания, ни сил.

– Спасибо, – сказала Тамара призракам, которые помогли донести и уложить Павла и Бориса на кровать. – Дальше мы сами.

Смахнув ладонью пыль, она села на стул и завела ногу за ногу, отчего синее платье, выглядевшее безупречно, стало выделяться на фоне поношенных рваных туфель. Даже в лучшем настроении она выглядела непривлекательно. Ее впалые глаза, под которыми серели круги, смотрели остро и в большинстве случаев недружелюбно, подобно диким животным; рука, тонкая, как и остальные кости, от вечного недоедания обхватила натянутую бровями кожу широкого лба. Редкий пучок волос болтался на макушке, касавшись спинки стула. Случившееся происшествие окончательно уничтожило ее вид – у окна сидел скелет, грубо обтянутый кожей.

Когда товарищи спортсменов, покинули трактир, в дверном проеме спальной комнаты оказался Юрий, спешивший в силу возможностей.

– Так-так-так! Ничего себе! Кажется, ты говорила, что от остальных комнат у тебя ключей нет, – удивилась Сидни, по-

путно осматривав больных. – Врала? Точно, врала-врала.

– Да, я бы и продолжила скрывать это, чтобы никто сюда лишний раз не заходил, – вздохнула Тамара, – но обстоятельства требуют. Я уважаю бывшего владельца дома, кем бы он ни был, и не хочу, чтобы его вещи переворошили или украли.

– Даже мне не доверяешь… Я огорчена, обижена и вообще расстроена. К тому же попробуй укради что-нибудь, когда оно тут все привинчено, как будто на клей посадили.

Юрий тем временем изучал необычный интерьер комнаты: проводил рукой по поверхностям, заглядывал в оплетенные паутиной окна и рассматривал написанные маслом картины на стенах. Только он переместил свое внимание на комод и открыл один из ящиков, Тамара сердито воскликнула, обнажив кривые зубы:

– Вот об этом я и говорю! Все будут считать долгом осмотреть каждый уголок дома! Хотя бы разрешение спросил бы…

– Здесь одежда, – сказал Юрий. – И мужская, и женская. Многое выглядит, конечно, как тряпки, но…

– Что ты! Она знает весь дом до каждой щелочки, – перебила Сидни, вставив в подмышку Павлу термометр. – Тамара у нас молодец! И не красней так, потому что ты делаешь хорошее дело. Не каждый раздает одежду новеньким, а ведь сюда могут попасть и летом. На кладбище же все время осень, и, представляешь, Юра, она не дает призракам замер-

зать насмерть. Как бы это странно-престранно ни звучало…

– В этом нет ничего удивительного. Я просто хочу, чтобы мы чувствовали здесь себя, как дома. Кладбище теперь и есть наш дом, хотим ли мы того или нет.

– Так-так-так! Нашла! Идите сюда, посмотрите. – Сидни вытянула правую руку Бориса, показав наружную часть плеча. – Вот! Видите это краснючее пятно с кровавой точкой внутри? Я как-то видела такое же ужасное в книге про яды. Я думаю, что это дротик с каким-то веществом, наверно, настолько тонюсенькая иголка, что бедняжки и не заметили боли. К тому же они были заняты размахиваниями мечами. Так вот! Симптомы сходятся: они без сознания, горяченные, как яичница на раскаленной сковородке, посмотрите на их мокрющие от пота футболки… Если очнутся… Ой! Я хотела сказать… когда очнутся, голова будет трещать до жути.

Увидев, что призрачная девушка достала из закромов поясной сумки несколько таблеток, Тамара побежала за кувшином с водой, а Юрий спросил:

– Ты всегда носишь с собой лекарства?

– Ты что! А как иначе? Ты же никогда не знаешь, что случится через секунду. Вот! Сейчас лекарства пригодились. Могли и не пригодиться… Но пригодились же. Да!

Сидни бросила таблетки в чаши с кипяченой водой и, приподняв головы призрачных юношей, стала поить их. Конечно, отметила она, нужно, чтобы таблетку они разжевали, но призраки явно не были в состоянии это сделать, так что

невольно проглотили небольшие шарики.

– Так-так-так! Пошло дело! – заговорила она после долгого молчания, когда Павел и Борис перестали стонать. – Юра, ты что, весь конец дня собираешься тут сидеть? Мне же нужно будет присмотреть за ними, а то от ядов можно все что угодно ждать. Вряд ли они оклемаются за пару часов, так что лучше, я думаю, пойди проветрись, узнай все интересности кладбища. Только смотри за темнотой, а то так можно и загуляться. И к этим дурацким «Искателям» не подходи лучше.

Талант №9. Умение проводить по кладбищу

Не нашлось еще того призрака, который поверил бы, что покинуть кладбище нельзя. Такая простая, а вместе с тем пугающая истина не укладывалась в головах новичков, что побуждало каждого усомниться в услышанном.

Идти по тропам, окруженным угловатыми деревьями, было жутко. Хотя порой солнце неожиданно ярко поливало окрестности лучами, это не придало кладбищу безопасный вид. Изредка на обочинах встречались пустовавшие скамейки, сидеть на которых мало кто решался именно из-за чувства, что ветви деревьев могут напасть.

Вдали показались очертания ворот, выкрашенных в черный цвет, который за долгое время почти извелся. При малейшем дуновении ветра металл издавал протяжный скрип, потому призраки старались подпирать их камнями; дело в том, что изначально они были распахнуты, а закрыть с наружной стороны, конечно же, не получалось. Однако бушевавший ночами ветер расшатывал подпорку и прикрывал ворота.

Сквозь тонкие металлические прутья ворот, превращавшиеся в острые пики наверху, повсюду виднелся лес. Густо насаженные стволы деревьев скрывали местность дальше па-

ры десятков шагов, их ветви переплетались так, что кладбище было объято огромной древесной ладонью. Ни звука птиц, ни шелеста других животных не доносилось. Это одновременно очаровывало и пугало.

На несколько долгих мгновений лес захватил разум.

– Новенький? – раздался звонкий голос позади. – Давно здесь? Ты только не пугайся…

– Что?

Юрий обернулся, увидев призрачную девушку в коричневом пальто. Она переминалась с ноги на ногу, морщилась от прохлады и полусонным голосом, кратко зевнув, сказала:

– Вдох-выдох… Вот так, спокойно. Ты находишься на кладбище, да, это трудно принять, но здесь совсем нет ничего страшного.

– Страшного я увидел предостаточно, – ответил Юрий, сообразив, сколько всего приключилось с ним: монстры, призраки, тайны, амулеты, сражения на рапирах. К таким бурным событиям жизнь его не готовила. – И это всего лишь менее, чем за сутки.

– Так это про тебя она говорила?! – сказала она, встрепенувшись. Остатки дремы вмиг исчезли с ее миловидного лица. – Прости-прости-прости!

– Ты это про что?

– Утром рыжеволосая девочка так кричала на меня и возмущалась, что мне до сих пор страшно. Вы, наверно, с ней давние друзья, потому что я никогда не видела, чтобы так

о ком-то беспокоились. В общем я вчера отправилась спать чуть раньше обычного. Кто же мог знать, что тебя угораздит появиться вечером? Никогда такого не было – и вот!

Она встала перед Юрием и протянула ему ладонь, одетую в темную вельветовую печатку, из которой выглядывали кончики всех пальцев. Призрак неловко обхватил ее и несколько потряс, после чего назвал свое имя.

– А я Александра, местный проводник. Правда, пока выговоришь такое долгое имя, состаришься, так что все зовут меня Сашей, и ты тоже можешь.

Будто выполнив ритуал, без которого нельзя было продолжить существование, призрачная девушка выдохнула и оперлась рукой о каменную ограду, на которой крепилась деревянная табличка. От малейшего давления она сорвалась и упала в траву.

– Ой! Вот же гадство! Почему все ломается от моего прикосновения? Что за проклятие?

Александра быстро подняла табличку и показала Юрию наружную часть, где виднелись стиравшиеся от дождей и влаги буквы.

– Это наши правила. Я обязана тебе их зачитать.

Правила посещения Кладбища За… Т…

Разрешается:

1. Всячески способствовать благоустройству кладби-

ща.

2. Исследовать наземную окрестность кладбища.

3. Находить магические амулеты, которые откроют тайник в монументе.

Запрещается:

1. Применять физическое насилие на призраках, животных и растениях.

2. Находиться на поверхности кладбища с наступлением темноты и до восхода солнца.

– Что такое «За… Т…»? Не могу разобрать, что там написано.

– Это местная бессмертная шутка. Каждую неделю придумывают что-то новое. Из последних помню «залитых туманов», «залесных термитов» и, мое самое любимое, «закрытых томатов». Точно, «зарытых тиранов» еще было.

– А кто это написал?

– Сомневаюсь, что призраки. Да и кому такое пришло бы в голову? Мало кто вообще замечает эти правила. Возможно, это, как бы странно ни звучало, написал тот, кто нас сюда и поместил.

– Так, значит, рассказы про подземелья и исполнение желаний – это правда?

– Все так, как написал неведомый установщик правил. По крайней мере амулеты существуют, а вот за желания ничего

не говорится, возможно, это призраки сами надумали. Уж больно мы тут скучаем – вот и ищем, чем заняться. А выход-то вот он, рукой подать, манит, да только нельзя.

Ладонь Александры потянулась к воротам, но на границе двух сред наткнулась на препятствие. Затем она то же проделала другой рукой и полностью переместила вес тела на невидимую поверхность.

– Вот почему эта преграда не ломается от моего прикосновения? – застонала она. – Попробуй и ты.

Вскоре прохожие могли наблюдать частую странную сцену двух призраков, прислоненных к кладбищенскому выходу, словно глядевших сквозь витрину магазина, в который им нет доступа. Ощущение были похожими, только вместо твердости стекла чувствовалась плотность, но вместе с тем мягкость, воздушность, отчего казалось, что паришь в воздухе.

– Расслабляет, правда?

Призраки по-разному старались преодолеть барьер. Павел и Борис, конечно же, прилагали силы своих мышц, пытавшись проломить преграду руками, врезаться в нее с разбегу; некоторые хитрецы искали брешь не только у ворот, но и в другом месте ограды, цеплялись за тонкие ветви деревьев, что заходили за ее край; совсем отчаянные ударяли каменную ограду разными предметами, но на той не оставалось ни царапины.

Все тело Юрия устало настолько, что верхняя половина,

получив долгожданный покой, вынудила расслабить и ноги, которые тут же подкосились в коленях. Александра бросилась на помощь и приподняла его.

– Пойдем, я тебе еще много чего должна показать.

Солнце неприлично долгое время выглядывало из-за туч, поливав своими лучами гранит местного монумента, окруженного единой мемориальной плитой в форме дуги. На постамент с обеих сторон вели ступени, между которыми возвышалась бронзовая статуя.

Фигура представляла собой нескольких людей. Правая часть человека походила на пожилого мужчину с мощной сжатой в кулак рукой, которая опиралась на невидимый предмет. Слева виднелось молодое, юношеское тело, схожее ростом. В области мужской груди начиналась трещина, что отстраняла их половины туловищ от центра; из трещины выступала женская часть, словно пробурившая себе выход, на узкой шее крепилась аккуратная голова с пышным водопадом волос. Все трое переполнились печалью, а в широких глазах девушки, устремленных вдаль, навсегда застыли слезы.

Подле мужских ног памятника Юрий заметил отлитое бронзой углубление в земле с металлическим сердцем внутри и нечто похожее на пригорок земли.

– Кладбищенская достопримечательность, – начала Александра. – Самые старые призраки говорят, что он стоит здесь

с момента постройки кладбища. Многие новички, увидев такое, бегут в разные стороны, что их потом приходит ловить и долго успокаивать. Я все думаю, какую идею он в себе несет? Разгадка может помочь в понимании кладбища. Одни считают, что здесь изображены некие владельцы кладбища, если таковые вообще существуют или существовали, или же его работники; другие видят здесь историю любви между парнем и девушкой, которым чей-то отец запрещает быть вместе, и вот девушка как бы вклинивается между ними; третьи уверены, что это отражение всех призраков, которые так же вечно находятся на кладбище, как и этот памятник, и могут быть как мальчиками и девочками, так и взрослыми людьми. Иные идут по простому пути: они не думают.

– А ты как считаешь?

– Я считаю: если мнения разделились, значит скульптор искусно выполнил свою работу.

Плита позади статуи была испещрена настолько мелкими символами, что издалека они сливались в единое пятно светлой краски. Выдолбленные желобки первых имен вымывались дождями, зато в направлении к поздним краска делалась все ярче.

– Представь, сколько призраков когда-либо находилось на кладбище, сколько живых историй. Многих уже не найти… Как ты думаешь, куда исчезли те, чьи имена уже не видны?

– Сбежали?

– Оптимистичный взгляд. Мне нравится, – сказала Алек-

сандра, грустно улыбнувшись. Она считала иначе. – Здесь наверняка есть твое.

Последние прибывшие отмечались справа, в конце списка, занимавшего три четверти гранитной плиты. Пока Юрий осматривал изгибы букв своего имени, провел по ним пальцами, плита начала искривляться, вдавливаться, после чего стали различимы новые буквы.

– Вот и еще поступление. Пойдем скорее! Я вполне успею показать тебе еще несколько мест.

Призраки направились дальше, огибав кладбище по окружности. Александра все рассказывала про новичков, которых она встречала если не ежедневно, то неприлично часто. Она шла с несменной улыбкой и смотрела вдаль, а после заметила на себе задумчивый взгляд призрачного юноши.

– Почему ты это делаешь? – сказал Юрий. – В смысле вводишь в курс дела всех новичков.

– Это моя работа. Я же проводник. Вернее… Всегда хотела стать экскурсоводом, путешествовать по миру и рассказывать о нем людям. Там, за пределами кладбища, не сложилось, зато здесь выпадает возможность показывать и рассказывать так часто, что даже надоедает иногда.

– Как же ты узнаешь, в каком месте призрак выберется на поверхность?

– Обычно испуганные новички ведут себя громко и в их глазах явно читаются все мысли, да и слухи разлетаются

быстрее, чем звуки. Чем дольше не появляешься, тем больше призрак боится. Успокоить потом его крайне трудно.

– И часто призраки не хотят тебя слушать? – засмеялся Юрий, но призрачная девушка ответила серьезностью.

– Ничего смешного! Знаешь, что они в порыве страха могут натворить? Да, ты же новенький, помнишь еще. Не всегда призраки вообще понимают, что можно пройти сквозь гроб, а уж обилие крестов и надгробий после этого смутит и не обрадует любого. Обычно, увидев меня, все пугаются и пытаются убежать подальше.

Призраки проходили по тропе, окруженной по правому краю полосой сосновых деревьев, которая простиралась через все кладбище. В одном месте рощицы высокие древесные стволы редели, открывав вид на обширное озеро. Вода заливала всю территорию между зеленой посадкой и кладбищенской оградой, где оставляла с одной стороны узкий берег, а с другой, у каменной стены, узкий островок земли.

Только теперь стало понятно, насколько кладбище огромное. Оно сумело вместить в себя и бесчисленные ряды могил, и склепы, и трактир, и сосновую рощицу, и даже скромный водоем.

– Здесь призраки могут искупаться. Вода немного тиной отдает, но это потом выветривается. Видишь вон тот причал? Там некоторые даже пробовали рыбачить, да только не видно что-то никаких подводных обитателей. В общем, если захочешь снять с себя неприятные запахи, то приходи сюда,

только будь осторожней, когда заходишь: дно резко углубляется. А еще подсматривать могут…

На горизонте завиднелись склепы, возвышавшиеся над низкими надгробиями, о которых Александра не могла не рассказать:

– Наверное, все из них облюбовали «Искатели», наша местная призрачная группировка.

– Уже довелось столкнуться с их лидером. Что думаешь о них?

– Поговаривают, что они ищут амулеты ночью и знают о монстрах больше, чем другие. У них действительно в склепах есть всякая всячина, поэтому если хочешь активно искать амулеты, то тебе к ним. Они зазывают всех новичков, говорят, дескать, в единстве сила, но вот когда дело дойдет до исполнения желаний… Сам понимаешь.

По правую руку показалась старинная часовня, примостившаяся с краю сосновой рощицы. Этому крохотному строению, сделанному целиком из досок, давно суждено было рассыпаться в прах, однако во время всякого дождя и буйных ветров оно упорно держалось за жизнь. Верхушка истончалась и переходила в острый наконечник, увенчанный крестом; кроме того, на крыше располагался металлический флюгер, который лениво поглядывал по всем сторонам света.

– А вот сюда ты, если захочешь, пойдешь один, – сказала Александра. – В этом домике сидят три призрака, назы-

вающих себя священниками, которые думают, что кладбище живое. Кто я такая, чтобы с этим спорить, но уж сильно не нравятся мне люди, свято уверенные в своих убеждениях.

– Они опасны?

– Я думаю, к новеньким они относятся добродушно, как к новой крови, которую можно убедить вступить в их секту. А вот на всех, кто ищет амулеты и не хочет к ним присоединяться (как ты догадываешься, это все без исключения призраки), смотрят с презрением.

Еще за много шагов до часовни священники услышали их и выбрались наружу, став зазывать Юрия счастливыми возгласами. Через мгновение они вновь скрылись в своей лачуге.

– Посмотрю что там интересного, – сказал Юрий. – Не жди меня. Тебе же нужно новичка встретить.

В действительности нарушать покой странных призраков не хотелось, но мысли о том, что в часовне можно найти предмет, которым получится выломать крышку погреба, или просто важная информация о кладбище, не дали отступить.

– Ой, точно! Ты смотри аккуратней и лучше не спорь с ними.

Как только Юрий распахнул дверь часовни, сразу несколько высоких голосов, смешавшись в неразборчивый оглушительный звук, ввели его в замешательство. Под пылкие приветствия его потянули за руку, отчего ноги невольно прошлись по дощатому полу, скрипевшему в ритм шагов. Не

успел он опомниться, как оказался за столиком, на котором в тройном подсвечнике стояли три зажженные восковые свечи, что испускали медовый аромат.

– Мы сразу поняли, что ты не как они, – заговорил толстый призрачный юноша, одетый в светлую вязаную одежду, больше похожую на мешок для овощей. – Меня зовут Первый, а это Второй и Третий. Вопреки убеждениям призраков, мы не зовем себя группой или тем более бандой. Мы просто три человека, которые несут правду в этот мир.

– Ты не слушай того лепета, – начал Второй, – что несут местные. В подземелье невозможно попасть и никакие амулеты в этом не помогут. Чтобы мечты исполнились, нужно верно служить Кладбищу, а поиском амулетов мы только оскорбляем Его.

– Точно-точно, – подхватил Третий. – Сколько наших братьев безвестно пропали, когда искали их. Не это есть ли кара за неверие и непослушание?

Уже спустя половину минуты сопоставить имена-клички и лица призраков было трудно: они все имели схожесть в лице, как братья-близнецы, и отличались лишь несколькими чертами, запоминать которые не было желания. Из внешности выделялся только возраст, перешедший черту юношества; на вид этим полным низкорослым призракам можно было предположить тридцать лет, хотя из-за прочих обитателей кладбища они казались младше.

Вместо выслушивания длинных очередных монологов

Юрий переключил внимание на обстановку часовни. Кроме столика, в этом поистине крохотном сооружении находилось молельное место, что представляло собой стену с иконами. В искусных рамах, раскрашенных рыжими и коричневыми оттенками, были изображены портреты мужчин и женщин в диковинных одеждах, нисколько не похожие на лики святых. Скорее это были простые люди, какие живут в каждой деревне, наружностей от малоприличных до переданных маслом на холст с особой любовью. Замечалась непростая манера в расстановке икон: от верхних двух, главных, что находились у верхушки стены, отходили, разветвлявшись, подобно ветвям дерева, остальные; и в каждом новом ряду было все больше портретов.

На уровне своего роста, где ветвления икон заканчивались, Юрий заметил девушку, напоминавшую огненными волосами и даже некоторыми чертами лица Анжелу. В животе потяжелело и закололо. Мысль о том, что он занимался бессмыслицей, пока положение его подруги безызвестно, нагоняла горечь на немое лицо слишком ясно.

– Извините… Я тут вспомнил, что… Мне нужно идти.

Тихие слова терялись в неустанном гомоне призраков. Никто из них не услышал просьбу.

Тогда Юрий, упершись в стол, напряг руки, чтобы подняться, но его рвение прервал то ли Второй, то ли Третий, спокойно и мягко усадив обратно. Причем на лицах призраков не виднелось ни гнева, ни разочарования от попытки по-

бега – они просто рассказывали, причем то, что слышать категорически не хотелось.

В тот момент призрачный юноша пожалел, что пошел сюда один.

– Кладбище – это древняя сила, которую познать невероятно трудно, – сказал Первый. – Когда-то давно мне явился во сне Он, дух кладбища, его суть, если можно так сказать, и все объяснил. С тех пор я верно служу Ему и несу правду народу. Не все слушают, увы, но ты-то не такой, я вижу.

– Чудовище, – вступил Второй, – оно послано Кладбищем за наши грехи, которые у каждого, конечно же, имеются. А у некоторых так и в достатке. Первый описал нам его: огромное существо, похожее не то на осьминога, не то на каракатицу, являющееся ночами; оно настолько велико, что ладонями своими обхватывает всю поверхность кладбища, а щупальца его ищут неверных, кто нарушил один из главных запретов Кладбища.

– Видишь иконы? – сказал Третий. – Кладбище – это святой, мужчина на самой верхней иконе. Наверное, после Его смерти, Его дух навсегда остался здесь, чтобы уберечь таких, как мы, от угрозы, гораздо более страшной, нежели монстр. Только благодаря Ему мы живы.

– Долго думал я, когда мне явился Он. Ведь я Первый, главный глас его слова, поэтому обязательно нужно передать все верно. И все же вскоре я решился написать молитву. Соглашусь, она не идеальна, но то, что мы не испытали гнев

Его, говорит о том, что я сделал все верно.

– Пой с нами! – воскликнул Второй.

– Точно-точно, – сказал Третий.

Трудно описать, какой стыд испытал Юрий, когда слушал гнусавое высокое их пение. Они закончили, показав пример неритмичный и в целом ужасный, но, что хуже, следом вручили листок с каракулями, явно написанными дрожавшей рукой сумасшедшего, и попросили прочесть то же самое. Взглядом он старался показать нежелание, но священники уставились куда-то мимо, замерев до звучания знакомых слов; томительное для него ожидание нисколько не смущало призраков, словно выпавших на мгновение из реальности; стало даже интересно, сколько они могут так прождать, но вскоре тишина и неловкость победили.

«О великое и могучее Кладбище, да защити же нас от свирепого пса Твоего и гнева Твоего, да услышь же покорных Твоему началу призраков, да воздай же мир и нам, и грешным и прости их бренную душу, да храни Ты и нас, слуг Твоих, от беды, от которой Ты защищаешь нас. Во славу Кладбищу, во славу Тебе, во славу могилам твоим, сделанным для нас, во славу ограде каменной, благодаря которой мы отделены от беды. О великое и могучее Кладбище!»

В тот миг Юрий был безмерно счастлив, что плохо владел эмоциями, ведь любому другому сдержать бурный каскад не удалось бы. Его переполняли чувства разного рода: гнев, неловкость, смех и даже страх. Последний вызывали

довольные, будто в блаженстве, лица священников, застывшие на момент звучания его красивого голоса; мысль о том, что взрослые люди придумывают такое, чтобы скрасить свои будни на кладбище, пугала. А может, они попали сюда совсем юными и провели в этой часовне уже не один десяток лет? Тогда в глазах отразилась еще и жалость.

Благодаря непроницаемому, серьезному лицу Юрия священники как-то уверились, что убедили его посвятить жизнь служению кладбищу. Призрачный юноша чуть ли не срывался на бег, когда с ним попрощались и проводили на выход. И почему-то все трое призраков четко услышали его обещание вернуться завтра утром на мольбы, хотя за все время пребывания в часовне из уст гостя не выронилось ни слова.

Страшные вещи с людьми делает недостаток общения.

За три минуты быстрого шага он не только удалился от часовни, которая скрылась за надгробиями и стволами деревьев, но и добрался до трактира. Юрий зашел с задней части дома, где никто не ходил, отчего трава здесь достигала сравнительно высоких размеров и скрывала дверцы, что вели вглубь земли.

– Да сколько же тут подвалов в конце концов?!

Подле запертого входа в траве виднелся исписанный чернилами клочок бумаги. Неведомая сила подсказала, что в черных закорючках букв хранилось нечто важное для поиска амулетов. После медленного поднятия в ладонях Юрия ле-

жала самодельная карта кладбища, где некоторые места были помечены крестами.

Наконец призрак совершил подвиг, внес вклад в успех команды, ведь отмеченные места, судя по всему, держались в тайне, а потому должны были хранить либо амулеты, либо вещи, способные помочь в их поиске. Все активно работали на общее благо: Анжела сильная, готовая всегда дать отпор противнику, без тени страха отправилась в темный погреб старого трактира; Сидни умела подслушивать и подсказала, у кого находился амулет. А он всего лишь случайно прошел два этапа турнира, выставив себя слабым и немощным.

Теперь же радость и гордость переполнили Юрия, отчего ноги даже смогли оттолкнуться от земли в победном прыжке, и наступила недолгая боль приземления. Ощущение отступило быстро, потому что передало ведущую роль страху: сыпучая земля продавилась при первом сильном нажиме. Осознание пришло уже со звуком грохота и бешеным сердцем, яростно забившимся от чувства падения.

Приземление пришлось на мягкую поверхность, поскольку ни один участок тела не был сломан, напротив, после краткого напряжения появилось чувство дремоты. Однако призрачный юноша все же принял стоячую позу, сопроводив подъем долгими кряхтениями, и осмотрел настил под собой, который после приземления превратился в неразличимую груду мусора.

– Что за черт! – выругался он. – Не видно ни зги!

В образовавшуюся дыру проникали редкие лучи света с поверхности, отчего остальное пространство выглядело еще темнее. Сразу же после падения вдали на миг показались огни, которые тут же погасли – верно, обитатель этого места не оставил грохот без внимания и скрыл следы своего пребывания. Кожа зачесалась, словно посылала сигналы о недругах, окружавших во тьме со всех сторон. Без сомнений, здесь кто-то находился.

Призрак вышел из пятна света, выискивая непривыкшими ко тьме глазами внешности врагов или укрытие, однако он даже не смог различить границы помещения. Все тело похолодело, когда кроссовка раздавила нечто прочное на полу, чей мерзкий хруст в полной тишине оглушал; распознать сломанный предмет так и не удалось. Сознание трубило об опасности, нагоняв панику.

Вдруг яркий луч искусственного света полоснул по глазам, причинив боль не только глазную, но и головную. Инстинктивно Юрий выставил руку вперед, в попытке защититься от источника света, но это было бесполезно – ослепленный, он не видел даже собственных пальцев, не то что врага.

Голос скомандовал:

– Не двигаться! Назовись!

– Сидни?

Слух не подвел: высокий, звонкий, а тогда еще и писклявый от беспокойства, он принадлежал призрачной девушке,

чей темный тон одежды и волос полностью скрывал ее во тьме. Она отвела свет фонарика и приблизилась, чтобы убедиться, что это и правда он.

– Юра?! Прости-прости-прости! Я не хотела тебя слепить. Хотя ты сам виноват, да-да, сам, потому что ты ворвался сюда без приглашения. И вообще… Что ты тут делаешь?

– Нет, это что ты тут делаешь?! Ты же должна быть с Павлом и Борисом.

– Ага, сейчас же! Все и всем я должна. Я и так просидела с ними целый час, наверно, и мне жутко наскучило. Таблетки подействовали, и им стало гораздо лучше, они уснули. Вот! И я спустилась сюда еще за одним лекарством, оно поможет от…

– Спустилась?! – перебил Юрий в ошеломлении. – То есть ты не случайно сюда попала? Где мы?

– Пошли, сейчас я тебе все покажу, точнее, не я покажу, потому что тут и показывать в принципе нечего, но отведу к тому, кто попытается если не показать, то хотя бы что-нибудь рассказать. Тут все предельно просто.

Подземное помещение оказалось сплошной комнатой размеров чуть более или менее, чем трактир; местами земельные стены кривили, из них проглядывались корни растений и сновали насекомые. Тихое место, прохладное и темное. От одной мысли, что его призрачная девушка не случайно скрывала это место, крутило живот и обдавало холодком.

Всем на этом кладбище есть что скрывать.

В конце помещения свет фонаря явил двух призраков, что разговаривали друг с другом. Когда высокий тонкий силуэт, заметив их приближение, кивнул приятелю, который вскоре скрылся во тьме, в его руке зажегся светильник. Сквозь небольшие очки с прямоугольной формы стеклами призрачный юноша пристально осматривал лицо Юрия, освещенное рыжим пламенем.

– Шпион «Искателей»? Нашли все-таки нас?

– Нет-нет-нет! Вы что! Это Юра, и никакой он не шпион. Просто случайно попал сюда, через потолок провалился. Обязательно нужно будет заделать, иначе точно нас найдут все, кому не лень.

– Что ж, посмотрю потом, что можно сделать. Ты не рассказывала ему о нас?

– Нет-нет, не успела.

– Хорошо.

Он присел на стул позади себя, и Юрий заметил, что ему больше лет, чем остальным призракам на кладбище. И выдавал его не особенно высокий на фоне Сидни рост, а взгляд: спокойный, уставший, окруженный морщинистыми веками, он устремлялся в душу, и в нем мелькала мысль.

– Что ж… Я, Сергей, возглавляю тайное сообщество, которое всеми силами старается найти амулеты, чтобы уберечь других призраков от их поисков. Мы зовем себя «Хранителями».

Призрачный юноша сделал некоторую паузу, чтобы со-

браться с мыслями.

– А здесь, Юра, должен быть вопрос: «Какого лешего? Почему это вы хотите присвоить амулеты себе и не дать другим? Может, вы просто еще одни «Искатели»?», – подсказала Сидни.

– Когда-то давно и я со своими товарищами пытался отыскать их, пока все, кем я дорожил, не пропали из-за этих фантастических предметов. Это проверка на жадность – и ни один призрак не способен пройти ее. Хотя бы потому, что в погоне за ними призраки забывают о человечности, как бы это странно ни звучало, они становятся алчными, работают в маленьких группах. А еще на кладбище обитает некий монстр, из-за которого большинство искателей амулетов погибает, поэтому я выбрал цель в жизни: найти и спрятать (или лучше всего уничтожить) амулеты навсегда.

– А какая вам разница? Что вам будет с этого?

– Именно так и думает большинство, к сожалению. Все ищут во всем выгоду. Для меня она лишь в том, чтобы несколько, пусть и жалких, жизней сохранились. К тому же неизвестно, что будет, когда найдутся все амулеты. Призраки могут навредить не только себе, но и кладбищу, нам всем.

– Навредят кладбищу?

– Кто-то может загадать уничтожение этого места, что безусловно повлечет череду страшных событий, а мы уважаем кладбище, хотя и не так, как местные священники, но верим, что оно в каком-либо из смыслов живое, оберегает нас, даже

подлых «Искателей».

– А что это за место?

Сергей невольно осмотрелся, задержав взгляд на пламени светильника; в глазах проносились сотни воспоминаний.

– Не имею ни малейшего представления. Лет десять назад (уже и не знаю, сколько я топчу землю кладбища) это было бесхозным подземным помещением, напоминавшим нору, вырытую крупным зверем – медведем или рысью, может, стаей волков; к тому же мы обнаружили старые кости и клоки шерсти. Тогда же оно стало убежищем небольшой группы из двух человек, которая вскоре умножилась вдвое-трое и стала носить название «Хранители».

– Так-так-так… Сереж, ты же ни в коем случае не думаешь, что он засланный шпион, потому что я могу трижды тебе это сказать. Мы не можем его удерживать, и уже темнеет снаружи, нужно готовиться ко сну.

Призрачный юноша вновь помолчал, потер проступавшую бородку и сказал:

– Если ты ручаешься за него, то конечно идите. Не думаю, что у тебя могут быть плохие друзья. Только перед твоим уходом, Юрий, я хочу предложить тебе вступить в нашу тайную организацию и попросить ни в коем случае не рассказывать о нас, особенно «Искателям». Так что?

– Мне нужны амулеты, мне нужно найти исполнитель желаний. И я сделаю все возможное, чтобы достичь цели, даже если придется рисковать.

– Что ж… Ожидать того, что кто-то добровольно захочет посвятить свою жизнь тому, чему посвятил я, наивно и глупо. Поэтому я не ожидал. Ты можешь идти.

– Я мигом отведу его в трактир, как будто и никто не сваливался как снег на голову, – сказала напоследок Сидни.

В такое время, когда солнце грозилось резко упасть за горизонт, призраки предпочитали уже разбрестись по могилам. Трактир пустовал.

Лестница вывела Юрия и Сидни из норы через неприметный люк в спальную комнату, где недавно лежали Павел и Борис. Теперь кровать пустовала; Тамара не согласилась оставить пострадавших на ночь, поскольку считала это очень опасным, и приказала нескольким призракам:

– Когда дотащите их к могилам, просто положите на холмики земли. Они начнут потихоньку уходить под землю. Мы так когда-то уже делали. С ними ничего не случится.

– А если им станет хуже?

– Все будет хорошо. Они очнутся завтра днем, может, вечером. В любом случае их нельзя тревожить и продолжать драться они не смогут. А теперь выносите их!

Теперь же призраки на миг остались в комнате одни. Сидни направилась к прикроватной тумбе и осушила стоявшую на ней чашу с водой. Пока Тамара не видела, она распласталась на кровати, вытянув руки в стороны, и закрыла глаза, чтобы пропустить через мысли воспоминания дня.

– Почему ты с «Хранителями»?

Юрий присел на кровать подле и заметил, как густые от черноты брови невесело свелись на переносице.

– Ой… Я совсем-совсем не знаю. Просто после пропажи сестренки я осталась одна одинешенька – вот и узнала о них от Тамары нечаянно, решила, что так будет лучше. Может, надеялась, что смогу потом отобрать у них амулеты и найти подземелье. Хотя мне так стыдно обманывать Сережу, он такой хороший, что не знаю, смогла бы я стащить амулеты. Даже не знаю. Не знаю, не знаю.

– Тамара тебе подсказала?

– Ну так! Это же она вместе с Сережей основала сообщество «Хранителей» много лет назад.

– Как так?! Она кажется нашего возраста.

– Так-так-так… Наверно, гораздо старше. Я не спрашивала. И вообще неприлично у девочек возраст спрашивать, даже у молодых. Вот мне пятнадцать не так давно исполнилось, так что не смей спрашивать.

Тамара руководила тем, как товарищи спортсменов уносили их к могилам, а после попыталась вернуть комнате прежний вид, потому и не заметила, как за барной стойкой во все поршни работал Андрей. Он дергал крышку погреба, не думав о скрытности, барабанил по ней кулаками так, что белесые костяшки кровоточили, прыгал сверху ногами, особенно яро, когда владелица трактира покинула стены дома на несколько минут. Однако проклятая древесина стойко

сдерживала каждый удар, хотя и не выглядела столь прочной.

С каждым новым глухим ударом, доносившимся из гостиной, в голове Юрия крепчала стыдливая мысль: он так увлекся пустым поиском амулетов, осмотром кладбища, что совсем позабыл об Анжеле, которая за эти долгие часы не выбралась из погреба. Время прошло незаметно, и было поздно искать инструменты, какие можно обрушить на крышку погреба.

Зависть охватывала Сидни, когда она, оставшись на кровати, одним глазом смотрела на обеспокоенный вид призрака. Его узкие плечи подрагивали; тонкие пальцы сжали кожу на руке, причинив боль, словно в укор за бездействие; на лице сквозь мышцы отразились проблески эмоций. Несомненно, он дорожил призрачной девушкой, что спасла ему жизнь, и просто не мог не ответить тем же.

И это печалило Сидни: она думала, что, окажись сама в подобной ситуации, Юрий не переживал бы так сильно. Она снова закрыла глаза, усмирив душевную боль, а когда захотела вновь увидеть лицо друга, он уже покинул комнату.

К Андрею, который беспомощно оперся спиной о внутреннюю часть барной стойки, приблизилась тощая тень, и он медленно приподнял голову. Юрий встал над крышкой погреба и прислушался к звукам – тишина.

– Где они? – сказал он.

Призрак не ответил, продолжив тупо, как в бреду, смотреть вялым взглядом.

– Анжела. Анжела!

– Их там нет, – наконец ожил Андрей, но по голосу казалось, что он наоборот умирал, точно отсутствие подруги медленно убивало его.

– Куда ведет погреб? Там и правда есть тайный проход? Тогда почему они не выходят?

– Не знаю.

– Ваша тупость аукнулась нам обоим! – накалялся Юрий. Хотя он желал направить всю свою хилость, чтобы наброситься на недруга, грозным он выглядеть не смог. – Ладно нас там запереть, но как ты мог отправить свою подругу невесть куда, да еще и сломать этот чертов люк?!

Вдруг глаза Андрея наполнились блеском, словно трактир оснастили еще десятков керосиновых ламп, и он зарычал:

– Иди своей дорогой. Иначе… Клянусь, я изобью тебя так, что приятней будет не дышать. – И резко поднявшись, пошатнулся и заковылял в направлении двери.

Гнев в душе Юрия не прожег древесину, но призрачный юноша все равно вгляделся в стену, что отделяла его от Анжелы; с учетом его немощности, она была непреодолима. За спиной послышались постукивания каблуков туфель. Это была Сидни, которая уже нацепила пальто и готовилась вернуться в гроб.

– Юра, нам нужно быстро-пребыстро уйти с поверхности. Уже темно.

– Ты убеждала меня, что в таких погребах строили потай-

ные ходы, да? А после намекнула осмотреть кладбище, вместо того чтобы искать способ спасти ее. Неужто ты сказала мне так, чтобы я не искал ее?

– Юра… Скоро выйдут монстры.

– Да что с тобой такое? Тебе совсем плевать на нее? Что, если она сидит в сырой клетке в подземелье или уже превратилась в чертов ножик?

– Она поступила глупо, когда побежала за Наташей, – сказала Сидни бесстрастным голосом судьи. Этот холод не успокоил огонь внутри Юрия, напротив, накалил его до немыслимого состояния нервной дрожи во всем теле; он грубо схватил призрачную девушку за край пальто, но она все равно продолжила: – Я сосем не хочу, чтобы и ты из-за глупости оказался в опасности.

– Да плевать мне на опасность, когда друг в беде! Если бы не она, то меня бы уже не было в живых!

За несколько часов знакомства Анжела показалась Юрию такой близкой, как никто из детей в прошлой жизни. Именно поэтому язык выплевывал слова с пулеметной частотой, звонко врезавшиеся в лицо Сидни.

– Хотя постой, – продолжил он, – кажется, я понимаю… – Долгое пугающее молчание разлилось по гостиной. – Ты и свою сестру не кинулась искать… Что уж говорить о какой-то незнакомой девочке.

– Замолчи.

Она опустила подбородок. Тихое «замолчи». И все. Дра-

ки не случилось, хотя Юрию на миг показалось, что Сидни бросится на него, станет царапать, раздирать кожу, оставлять синяки. Вместо этого она резко вырвала края пальто из юношеских кулаков и молча вышла из дома, оставив призрака наедине с осадком грустных и гневных мыслей.

Дверь стрельнула, и Юрий невольно вздрогнул от этого мощного звука.

– Трактир закрывается, – сообщила Тамара.

На улице призрачной девушки не оказалось. Узкая медная полоса солнца терялась за горизонтом, и окружение мрачнело с каждой секундой. Юрий не знал, что предпринять, кроме как вернуться в гроб и попытаться поверить, что его подруга жива и невредима.

Могила соседки наводила тоску. Прочесть ее имя было невыносимо трудно. А посмотреть на портрет так и не получилось: слишком живо черты лица призрачной девушки врезались в память, чтобы подкреплять ее чьим-то невзрачным рисунком. Смешные годы жизни, в какие погибать недопустимо, ранили сердце: ровесница. Непонятная, глупая эпитафия: «Не сдавайся, борись так, как не смогла я», – казалось, она была адресована ему. И что хуже, это было похоже на прощальные слова.

– Ты не сдалась. Ты жива. Не говори такого!

Призраки воспринимают свои могилы, как нелепую шутку, но только тогда Юрий понял, что эти куски гранита и де-

ревянные дома под землей так и говорят:

«Вы уже мертвы, и это не исправить».

К удивлению немногие призраки приходят к такому столь очевидному выводу.

– Анжела! – Он хотел услышать ее. – Выходи! – Хотел увидеть ее взволнованную, измученную, злую. Главное – Живую.

В конце концов он скрылся к глубине собственной могилы.

Тамара потушила камин, светильники и закрыла дом на ключ. Снаружи уже властвовали сумерки, а потому ни один разумный призрак не решился остаться на поверхности. Вскоре вдалеке раздался скрежет гранитных плит – такой слышится каждую ночь.

И кладбище вновь погрязло в зыбкой тишине.

Талант №10. Умение спасать призрачных девушек

Ледяной ветер бушевал на кладбище. Он срывал остатки листьев с деревьев, кружив их в беспорядочном хороводе, обжигал кожу, отчего волоски на ней вставали в боевую стойку, но приносил запах свежести и надежды. На первый взгляд место опустело; и глаз не обманывал – он просто проигрывал, усердно выискивав в кромешной тьме монстров, иному чувству, трубившему о присутствии опасности.

Тогда это было жизненно важно. Если заяц не обнаружит притаившуюся в траве лисицу, ему не жить. И чувствовать себя беспомощной жертвой призрачной девушке не нравилось.

По направлению луны Анжела определила, что находится на другом конце кладбища, безумно далеко от своей могилы. У нее было два выхода: промчаться на всех парах, чтобы монстры и не успели ничего заметить, что было трудно, учитывав множество кочек и камней на земле, надгробий и могильных оград, расставленных повсюду; или принять безрадостное положение и беззвучно красться в направлении подземного жилища, выслушивав каждый шорох и вынюхивав каждый запах вокруг.

Второй способ показался проще, хитрее, но в случае поражения опаснее. К тому же, если ее заметят, она все равно попытается убежать, правда тогда шансы спастись сократятся вдвое.

Вздрогнув всем телом от холода, Анжела присела и начала нелегкий путь по раскаленным углям. Ей никогда не нравился свой рост, но теперь долговязость стала еще и причиной того, что ее макушка, рыжий пучок волос, выглядывал из-за надгробий. Под всякое завывание ветра, которое, как она надеялась, скрывало ее шаги, она все же озиралась по сторонам, как сурикат, оказавшийся вдали от норы. Маленький и беззащитный.

Вот призрачная девушка преодолела полосы надгробий, подбиралась к искривленным стволам деревьев на обочине тропы. Сначала она долго всматривалась в черствую древесину, ожидав в свете луны заметить шевеление – может, монстрами были деревья; однако со временем тревога ушла. Справа по тропе стелился подсвеченный туман, как вестник чего-то ужасного, но ничьего присутствия не наблюдалось, а слева по мере того как луна теряла силу, земля покрывалась тьмой – вот там уже могло скрываться все, что подскажет воображение.

Особенно страшно было перебежать на другой участок, через дорогу. Все же Анжела решилась, выставив ногу вперед, которая тут же отбросила такую длинную тень, словно по ней светил прожектор. Зажмурившись, – так было ду-

шевно легче —она аккуратно ступала на носок кроссовки, а затем плашмя полной стопой, и делала это так быстро, что невольно создавалось впечатление долгих тренировок точных движений. Потому что от них зависела жизнь.

Гранитные плиты сменялись одна другой. Появилось обманчивое чувство, что никаких монстров и не было, иначе как все могло случаться так безупречно. Вначале в нос ударил странный запах, который в пылу эмоций заглушился как отвлекающая вещь; но через несколько шагов он стал таким плотным, что к горлу накатывали рвотные позывы – мерзкий гнилостный смрад мертвой плоти. И только она выпрямилась, старавшись определить положение источника, как почувствовала справа от себя – видеть было совсем не обязательно – нечто зловещее, отчего кровь наполнялась первобытным ужасом, разносившимся по организму.

Анжела тут же перескочила металлическую ограду ближайшей могилы и прильнула спиной к надгробию, оставив кроссовками вмятины на холмике земли. Она поджала ноги и втянула шею, чтобы повторить очертания надгробия. Каждый из нескольких грузных шагов добавлял сердцебиению десяток ударов, отчего изнутри груди, верно, образовалась вмятина. Призрачная девушка закрыла рот и нос руками, не только чтобы не издать нечаянный всхлип или невольный стон (хотя какой там – горло пересохло полностью, словно из тела выкачали всю влагу!), но и еще по случаю нараставшего запаха, от которого пространство кружилось, а желудок ис-

пытывал колоссальную тяжесть.

До тех пор Анжела не знала, как выглядят монстры, и надеялась узнать, только когда будет пробираться мимо них под действием зелья невидимости. Однако если кто и был невидимым, то только стоявший перед ней силуэт.

Сначала она не поверила и протерла рукой глаза: тьма шевелилась, и не просто шевелилась – оставляла разводы в пространстве, как пламя костра, заслоняла надгробия и издавала хриплое карканье, значение которого было непонятно. Лунный свет нисколько не делал образ различимым, а лишь определял нечеткий контур тела. На мгновение подумалось, что это тени ветвей деревьев, сплетенные в форме прямоугольного тела и изогнутой шляпы на круглой голове; но силуэт на фоне окружения выглядел неестественно густым – он были темнее ночи.

Шляпа чудовища приподнялась кверху, сделавшись кругом, оно вдыхало ночной воздух, в котором уже витал страх. Когда в пространстве показались две алые, как свет от задних фар автомобиля, точки, направленные в сторону Анжелы, она вновь нырнула за надгробие, оставшись на коленях. Перед ней всплыло лицо, нацарапанное на граните; смотреть на чужую улыбку в момент плачевный всегда невесело, поэтому призрачная девушка мысленно выругалась: мог бы и посочувствовать.

Нужно было бежать.

В надежде, что за ней не наблюдают, Анжела встала на

корточки, чтобы перебраться к другому надгробию. Барабан в груди слышался так четко, что, казалось, мог раскрыть ее. Некоторое время она пробиралась беззвучно, как домашний таракан на кухне, но в полной тишине – ветер затих и с волнительным интересом ожидал исход – хруст тонкой ветки был равнозначен звуку выстрела.

Монстры среагировали молниеносно, издав мощный недовольный звук.

На мгновение в грудь отдался такой толчок сердца, что дыхание сбилось, тем не менее Анжела рванулась вперед, получив выигрышное расстояние в десяток саженей[11]. Она не оглядывалась, отчего представляла приближавшихся монстров гораздо ярче: их зловонное гнилостное дыхание, сотни языков, что тянулись к ней, слюну, окроплявшую траву. Да, порой воображение показывает вещи пострашнее любой действительности.

Двести шагов? Сто? Три? Может, она уже пробежала свою могилу? Анжела потеряла ориентацию и не знала, в каком месте кладбища находится. От быстрого бега и нервного напряжения сердце отчаянно пыталось сбежать из костной клетки, будто знало о неминуемом конце владелицы и молило: «Дай хотя бы мне спастись». В висках пульсировала кровь, насыщала глаза, отчего те позабыли о темном времени суток и видели отчетливо.

Вдалеке вспыхнул свет. На несколько секунд это небыва-

---

[11] Сажень – мера длины, равная приблизительно двум метрам.

лое событие поставило в ступор не только призрачную девушку, но и монстров. Сомнений не было: там спасение. Ноги получили приказ работать усерднее, хотя и без того были не против спастись.

Не зря на уроках физкультуры в школе Анжела тренировалась усердно, чтобы доказать ворчливому учителю, что, несмотря на высокий рост и грузный вид, она обгонит всех сверстниц. Теперь же эти навыки пригодились: ноги работали безотказно, хотя и чувствовалась скопившаяся усталость; страх, растекавшийся по организму заставлял мышцы работать столько, сколько потребуется.

Главное – добраться до света, единственного скромного ковчега в ту темную ночь.

На грани смерти жажда жизни бурлила в ней как никогда ярче.

Дверь трактира на удивление оказалась запертой. Призрачная девушка прикладывала все силы, пока тянула ее, кричала, не сдерживав гневных эмоций и словесной брани, но та не поддавалась. Изнутри дома не слышалось ни шороха. Оставалось лишь с ужасом думать о приближении монстров, о приближении гибели.

Неведомое чувство говорило не смотреть на них, словно от одного взгляда можно было обратиться в камень, но гордая Анжела решила, что, если выход не найдется, стоит взглянуть убийцам в глаза.

Какая уже разница?

Но Анжела не хотела умирать. Родители, музыка, исполнение желания, Юрий – все эти беспорядочные мысли сменялись одна другой, и сложно было вычленить нечто одно. Она прощупала карманы, оттопырившиеся от стеклянных пузырьков с зельями, и подумала оставить колбы на оконной раме, чтобы призрачный юноша, быть может, нашел их и вспомнил о ней. Оставить хоть что-то после себя.

Ведь что она успела сделать за свои жалкие годы жизни? Ничего.

Однако засов щелкнул, после чего дверь, насладившаяся страданиями призрачной девушки, впустила ее внутрь. Второй щелчок – уже с другой стороны. Дверные петли дрожали от множества гулких ударов нечеловеческих лап, но противостояли им.

И вот наконец прекратилось.

Оконные ставни в гостиной были заперты, камин и лампы привычно горели, но ни Тамары, ни других призраков, ни монстров в доме не наблюдалось. Анжела прильнула к боковой стене камина под окном и с помощью карманного зеркальца попыталась разглядеть существ в темноте. В отражении сверкнул силуэт, прижавшийся к стеклу вплотную; алые глаза цвета крови с жадностью уставились на дрожавший пучок рыжих волос. Монстр зашипел, когда слабый луч света коснулся его тела, что было слышно даже сквозь запертое окно, и призрачная девушка поспешила убрать зеркальце.

После восстановления дыхания начались долгие минуты

ожиданий и раздумий, беспокойные взгляды на керосиновые лампы, пламя которых с каждым мигом отчего-то становилось тусклее.

– Ты, конечно же, нашел амулеты, – шептала она, приобняв колени, – и сейчас в безопасности, возможно, думаешь обо мне. Надеюсь, что думаешь…

Оранжевый приглушенный свет дразнил глаза, отчего на разум нападали дрема и неожиданное спокойствие. Несмотря на это, Анжела всякий раз напоминала себе, что нужно быть бдительной. Пламя потухнет – бежать.

Амулеты Юрий не нашел, зато действительно думал о подруге: несвойственно грыз ногти, тарабанил пальцами по крышке гроба и переворачивался с боку на бок не в силах найти удобное положение. Заснуть не получалось: он не мог смириться с пропажей призрачной девушки. Через равные промежутки времени он кричал в сторону соседней могилы ее имя, чувствовав себя идиотом. Отвечал лишь свистевший наверху ветер.

Несомненно, в такое позднее время – прошло по меньшей мере четыре часа беспорядочных попыток отдаться сну – монстры уже начали патрулирование кладбища. Шансы увидеть утром рыжие, как огонь, волосы стремительно приближались к нулю, надежда тускнела и блекла, равно как и свет в трактире.

Скрип.

Анжела?

Это было похоже на медленное скольжение ножа по шершавому точильному камню. Монстр? Над его могилой? Однако вскоре послышались протяжные кошачьи крики. Звук получался крайне противным, он отвлекал от мыслей об Анжеле и повторялся снова и снова, как раздражавший звонок в дверь – каково счастье, что такой не придумали на надгробие! Без особых усилий кот добился своего: нервы не выдержали.

Насыщенная призрачная жизнь и без того была трудна, а в часы буйного волнения раздражало все. Позабыв об опасности, Юрий, вылетел на поверхность, как из мушкета, в поисках кота, чтобы пнуть мерзавца; но то ли черная шерсть сливалась с ночью, то ли его посетил слуховой обман, поскольку никого подле не наблюдалось.

Правда, мысли о коте и о помутнении разума стремительно задвинулись вглубь сознания: Юрий исступленно уставился на трактир, пылавший сотнями языков пламени.

Этому событию предшествовали несколько других.

В поисках убежища, укромного места, Анжела металась по коридору, дергав каждую дверную ручку, но все двери, как обычно, оказались запертыми. Но кто же открыл трактир? Тамара не могла забыть запереть его: она всегда проверяла по несколько раз. Но чтобы не потушить камин и лампы…

Странным образом тускнели и поленья в камине, словно те работали на электричестве. Анжела схватила одну из керосиновых ламп и, вернувшись на прежнее место, прижала ее к груди, словно могла таким образом излечить огонь от потухания. И все же заметно было, что осталось ему немного.

И тогда она побежит? Куда? Да и зачем? В темноте под гнетом чудовищ она не найдет свою могилу и только оттягивает неизбежное. Попытки обрести смирение со скорой кончиной не удались: в этом деле самый страшный отрезок времени – это ожидание.

Вскоре керосиновая лампа уже не могла освещать и лица призрачной девушки, как будто тьма медленно поглощала теплившееся пламя. И вот издыхавший свет наконец погас, так же неожиданно, как и появился.

Анжела отскочила в центр комнаты, подальше от хрупкого окна, ставшего без света самым уязвимым местом в доме. На вытянутой руке она держала керосиновую лампу и крутила зажигательную ручку в надежде, что жидкость вновь вспыхнет. После пятой попытки приходило понимание бесполезности действий, но погасший светильник не упал на пол: если уж монстры ворвутся, то она хотя бы нанесет им последний свой удар прочным металлическим каркасом. И после сможет спокойно уйти из жизни.

В неестественной тишине она слышала лишь свое учащенное дыхание и биение сердца. Как и подобает охотникам,

монстры томили жертву, не спеша нападать. Когда бдительность несколько притупилась, оконная рама разлетелась на груду щепок и осколков. Сильный удар заставил все керосиновые лампы и деревянные чаши упасть с полок; если дереву ничего не сталось, то стеклянные части внутри металла светильников потрескались, вылив горючую жидкость на дощатый пол и столики.

Призрачная девушка на мгновение посмотрела в глаза существу, после чего выронила и свою лампу, которая также измазала пол. Монстр овладел разумом Анжелы, но прикасаться к телу не смел. Пока она видела сны, тело ее выполняло приказы извне, медленно перебирав ногами.

Подобно молнии, искра промелькнула незаметно, заставив вновь огонь осветить весь дом; но теперь пламя было бесконтрольным и вмиг принялось пожирать все, до чего притрагивалось.

Как только первая вспышка обожгла темные тела чудовищ, в воздухе образовались два смолянистых ворона, стрелой вылетевших из трактира. Обессиленная от прекращения гипноза Анжела упала на спину, приложившись головой о древесину пола. Она и не могла заметить, как стремительно огонь уничтожал окружение, захватывав пятна керосина, но, что хуже, полз вверх по стене в намерении пошатнуть каркас дома.

Страшная цепная реакция.

К тому времени на бег Юрий решился второй раз в жизни – первый был, когда он воодушевился словами скрипачки из филармонии. Он чувствовал, что Анжела находится в горевшем трактире, и по-другому быть не могло. Позабыв о больных мышцах, он побежал в том направлении, отодвигая боль на второй план. За возможность спасти подругу он готов был рисковать.

Ветер разносил едкий дым по всему кладбищу, отчего еще на полпути к трактиру Юрий сбросил теплый свитер на тропу, а футболку, сложив в широкую полосу, завязал на затылке. Ледяной ветер резко обжег узкие ребра призрачного юноши, его впалый живот, но это даже приводило в дух разум, который изнемогал от волнения, и тело, разгорячившееся от бега; к тому же в трактире будет жарко.

Бежать пришлось недолго, поэтому болезнь пока не сковывала движения, но дала о себе знать сильнейшей одышкой и легким головокружением.

Дверь трактира оказалась запертой, что смутило Юрия и заставило на несколько мгновений поверить, что воспламенение – это всего лишь несчастный случай. Однако, когда он обнаружил дыру в боковой стене дома, такую, что с его ростом даже не пришлось пригнуться, сомнения развеялись.

Внутри ужасающе неподвижно лежала Анжела, к ногам которой подкрадывалось пламя. Руки безвольно были подняты кверху – в таком состоянии она и упала; волосы около виска окропились кровью; от вида бездушного лица подка-

шивались ноги. Все же издалека было заметно, как едва поднимается грудь призрачной девушки, как на шее отражаются редкие толчки сердца.

Только Юрий ступил на дощатый пол, как все тело обдало жаром, резко выделявшимся среди уличной прохлады. Он быстро ступил на первые доски, но, почувствовав провисание одной из них, замер; затем же последовала череда тягостных прыжков, чтобы не провалиться в обширный погреб – масло разлилось сквозь щели и прожигало пол снизу.

Сблизившись с Анжелой, Юрий мгновенно оттащил удивительно легкое тело от крупного языка пламени, желавшего уничтожить ее кроссовку. Вдруг он посмотрел вперед – обратным путем уйти не получится, но, метнувшись в коридор, обрадовался запертой изнутри двери и дернул засов. За какую-то минуту пребывания в центре пекла впалый живот смазался потом, который тут же высыхал, покрывался копотью.

Трактир качнуло, как карточный домик на ветру – это огонь пожирал древесные балки.

Призрачный юноша проклинал свою убогость, поскольку каждая секунда промедления могла стоить жизни им обоим, а он потратил их по меньшей мере пятнадцать, чтобы наклониться, обхватить одной рукой шею призрачной девушки, а другую положить под колени. Однако гнев исчез, когда он почувствовал вес подруги, должный быть в разы больше; конечно, он бы никогда этого не сказал, но выглядела она жи-

листой, тяжелой. И все равно уже при выходе на веранду руки тряслись, как тростинки, предупреждав о скором изнеможении.

Силы кончались, а могилы находились ужасно далеко. Бежать с Анжелой на руках Юрий бы не смог, хотя и не исключал такой вариант: он потратит каждую частицу силы, но сделает задуманное, или погибнет.

Тогда взволнованный взгляд обнаружил сбоку от ступеней очертания нетронутой огнем телеги, в которой вскоре разместилось тело призрачной девушки. Колеса телеги выглядели подгнившими от времени, скрипели от любого движения, но выбирать не приходилось. Без промедлений они тронулись.

Необычные для этого времени суток шумы терзали любопытство, и над могильными холмиками земли завиднелись макушки некоторых призраков. С ужасом наблюдали они трактир, рушившийся все больше с каждым мгновением, телегу, которую толкал хилый призрак, что недавно участвовал в турнире, но никто не видел, как сама тьма, яростная от жгучей боли, рванулась вслед за беглецами.

Длительный забег на скорость выматывал Юрия: головная боль отдавалась острым ножом, пространство кружилось, как от карусели, а вместе с этим петляла и телега. Хотя бежать было трудно, нагрузка на болевшие руки значительно снизилась, что давало шанс на спасение. И в тот момент возник вопрос: от кого они убегают? Как только призрачный

юноша глянул через плечо, ответ показался в виде алых глаз монстра и топота грузных ног, похожего на звук отбойного молотка. Конечности устали, немели, путались, но тем не мене был приказ работать еще усерднее.

Сдаваться было поздно: призрак уже отчетливо видел свое надгробие.

И в тот момент судьба решила поиграть. Одно из подгнивших колес телеги соскочило, после чего она перевернулась на бок, грубо вывалив Анжелу на землю. Юрий взмолился всем богам, которых знал, чтобы призрачная девушка после всего не только выжила, но и не свернула шею. Он водрузил тело подруги на руки, напряг каждую мышцу, прикусив нижнюю губу от боли, и медленно двинулся к могиле, к которой оставалось пройти крохотное количество шагов.

После преодоленного пути поражение будет вдвойне неприятнее.

А чудовище только ускорилось, нагоняв жертву; острые пальцы уже выставили вперед кинжал, готовившись исчертить спину призрака, пока тот переступал металлическую ограду. Так бы и случилось, не отрази удар некто, вышедший из тьмы, дав возможность Юрию споткнуться, повалиться спиной на холмик земли и мгновенно покинуть поверхность кладбища.

Каждая часть тела предвкушала спасение. И оно случилось.

Гроб принял обоих призраков. Об этой маленькой хитро-

сти догадывались немногие: в могилу могли проникать лишь те, кому словесно или же мысленно разрешил ее владелец.

Оказавшись в зыбучей земле, Юрий обхватил руками Анжелу, падавшую к нему лицом. Гроб был достаточно широким, чтобы впритык вместить их обоих, да еще и охапку светившихся насекомых; но по длине призрачная девушка выигрывала, ей пришлось неким образом сквозь сон поджать ноги. Голова ее лежала на грязной от пота и копоти юношеской груди, под подбородком; и мирное дыхание и спадавшие волоски щекотали грудь. На лбу размазалось пятно крови, пришедшей со стороны виска и затылка. Но она выглядела целой.

– Спасибо, – прошептал Юрий неизвестному адресату. Возможно, благодарил кладбище или саму судьбу.

Чувствовал он себя неважно: по крышке гроба и по лицу Анжелы бегали мушки, вызванные острой головной болью в висках, к горлу подкрадывалось чувство тошноты; расслабившись один раз, в ту ночь мышцы онемели, двинуть ими теперь было невозможно. С ужасом представлялось, насколько они будут болеть, когда поднакопят сил. Но призрак был самым счастливым в тот момент: он спас подругу и, как подобает герою, заслужил покой.

Осознание пришло в позднем часу: призрачный юноша лежал полуголым, обняв подругу, что прильнула головой к его груди. Он унял все волнения о разного рода ненужностях и задержал взгляд на ложбинке девичьей груди, но привлек-

ла внимание не ее выразительность, а горсть кулонов, среди которых виднелся знакомый. Отчетливо знакомый…

Мысли вязли в кисельной реке, веки тяжелели, постепенно скрывав очертания призрачной девушки, и незамедлительно сон нагрянул с невиданной ранее мощью. В грезах размышления продолжились: обделенный девичьем вниманием, тогда призрачный юноша провел ночь с прекрасной, хоть и призрачной девушкой.

Судьба возмещает накопившийся долг?

Несомненно, Юрий.

Талант №11. Умение нарушать правила

На следующее утро некоторые обитатели кладбища проснулись от пронзительного крика Анжелы, а те, кому посчастливилось находиться на далеком расстоянии, во сне издали храп и перевернулись на другой бок. Конечно, никто не понял значения этого тонкого звука, так что некоторые выбрались из могил, проверив наличие светлого времени суток, чтобы помочь незнакомке.

Анжеле снился полный приключений сон, какой видишь в утро теплое и беззаботное. Бесстрашный воин спас ее из горевшего дворца, в который пробрались чудовища, и вместе они скрылись на маститом коне. Приобняв мужчину сзади, она проносилась мимо дивного макового поля. Закрыла глаза от наслаждения. Нет-нет, не подумайте, что она была во власти иллюзий. Призрачная девушка понимала искусственность происходившего. Она подчиняла грезы.

Хотя веки невольно приоткрылись, сон продолжился. Анжела прижалась к спасителю, чувствовав жар его тела, поглаживала удивительно нестройный рельеф мышц, отчетливо ощущала запах копоти, который раздражал нос, но быстро уняла неприятные чувства, проникнувшись героическим подвигом. Еще мутным взглядом она посматривала на немое

лицо, являвшееся ей во снах многими ночами.

– Знаешь, – сказала она, – мне это снится впервые. Сколько ночей я мечтала об этом сне… И сейчас совершенно не хочу просыпаться. Мне тебя сильно не хватало, я пробовала искать, но не получилось. Только здесь у меня появилась подруга, которая тоже ушла… Навсегда. Я все же надеюсь, конечно, что она где-то глубоко под землей жива, но понимаю всю глупость этой надежды.

В глазах выступили влажные полосы.

– Анжела? Ты это о чем?

– Не волнуйся, мой герой, что-то я придала грусти собственному сну.

– Что?! – воскликнул Юрий так, что призрачная девушка мгновенно распахнула глаза, обронив пару слез, и несколько секунд пыталась разглядеть во тьме удивленное лицо спасителя. Отчего-то место не было похоже на роскошную кровать.

Только после этого все вспомнилось и прояснилось, но вместе с тем еще больше запуталось.

Спасаться от погони, а проснуться на полуобнаженном, хоть и призрачном юноше – это приз за победу или наказание за проигрыш?

Анжела в одночасье вылетела из гроба, подскочив на три вершка над землей, и капли моросившего дождя охладили ее пылавшее лицо. На несколько мгновений она подняла голову наверх, почувствовав боль в затылке, словно просила у

серого неба ответ на ту странность, что с ней приключилась, и ускользнула вглубь своей могилы.

Если бы другие призраки увидели эту картину, то в их бесконечных разговорах живо обсуждалась бы еще одна тема – уж очень любят люди по юности это делать. К их счастью, поблизости никого не было, будто не существовало кладбища с его призрачными жителями.

Не только напуганный, но и оглушенный, Юрий выбрался вслед за призрачной девушкой. После резкого выхода из теплого сна в царствование уличной прохлады он весь съежился, нацепив, как подобает, скомканную на шее футболку, которая изрядно пропиталась запахом гари.

На свое имя Анжела не отозвалась – ей нужно было время наедине с собой, чтобы успокоиться, подумать, осмотреть последствия прошлой ночи.

Мелкие дождевые капли разбивались о волосы на макушке, об оголенные руки, а буйный ветер впивался в кожу, казалось, до костей. Тогда Юрий двинулся вдоль тропы к трактиру в поисках одежды. Свитер обнаружился еще издалека, никем не тронутый, и, как только призрачный юноша надел его, резко выдохнул, словно из легких выкачали воздух: ткань не только впитала уличную прохладу, но и дождевые капли, отчего была вдвойне ледяной.

Как обычно, руки скользнули в карманы свитера, но только правая уткнулась в шелестевший клочок бумаги. Вложенная записка приглашала на приватную встречу после оконча-

ния турнира. С одной стороны, не любопытствовали только мертвые, а с другой, почерк таинственного незнакомца, такой же угловатый, как и у призрачного юноши, мужской, что крепко наводило на мысль об «Искателях», а с ними встречаться крайне не желалось.

В конце тропы послышался вопль отчаяния, от какого по телу пробежала стая мурашек. Незаменимый в жизни призраков трактир и без зрительного образа после пожара представлялся грудой осыпавшихся бревен, которые тлели и дымились, не успев остынуть от мороси. Трудно сказать, кто не любил этот уютный очаг спокойствия, как бы отделявший обитателей кладбища от постоянной конкуренции и вражды; здесь устраивали всевозможные совместные игры, позволявшие коротать безрадостные дни, проходили посвящения новичков и только здесь, что удивительно, не разбойничали «Искатели». Теперь же все это погибло в огне, оставшись воспоминаниями в головах тех, кто пришел проститься.

Смотреть на лицо Тамары было трудно: там читался траур, сравнимый с потерей близкого человека или с концом счастливой жизни. Временами молчаливая призрачная девушка срывалась к еще горячим углям и прикладывала к ним ладони, обжигав их, и пару раз призраки оттаскивали ее и успокаивали.

Юрий пробирался сквозь толпу, желав оправдаться и за Андрея, затеявшего это, и за себя, поскольку подыграл ему.

Призраки невольно расступались, и вдруг один из них сказал:

– Эй! А не этот ли паренек вчера от монстров драпал, аж пятки сверкали. Может, он затеял пожар?

Тамара подняла голову, хищно сверкнув полными слез глазами. Ярость, презрение, боль – все отразилось в крохотном, узком зрачке, готовившись смешаться в душе в самых неожиданных поступках, какие совершают в отчаянии. Сомкнутые кулаки ее дрожали, словно она собирала в них все эмоции, наполнявшие их до тряски. Пожалуй, ничего, никакое слово в тот момент не смогло бы утешить призрачную девушку, потому Юрий положил ладонь ей на плечо и выразил мысли во взгляде, но она с отвращением сбросила тонкую руку.

– Не прикасайся ко мне! Думаете, я не видела?! Из-за ваших игр в «кто первее» я лишилась единственного дома. Дома… которого у меня никогда не было. Я его вычистила, сделала столы, никому не отказывала в уютном месте, где можно было согреться и найти компанию. Что?!.. Что, скажи, я сделала не так?! Почему же вам не сиделось на месте, почему вы так хотите покинуть это место? Теперь все исчезло… Нет больше дома, трактира, а во всем виноваты ты и этот вот…

Если Юрий знал половину истории и мог достроить вторую, то Андрей, который прибыл раньше и все это время терялся в толпе, крайне недоумевал, а потому на его лице совсем не читалось раскаяния. И это злило Тамару больше все-

го.

– Мне не страшно превратиться в животное, – сказала она, подняв с земли небольшой камень. Оба призрака попятились. – И я буду очень счастлива, если вы получите хотя бы часть той боли, что испытываю я.

От одного камня Андрею не составило труда увернуться, но, когда толпа поддержала Тамару, виновники обратились в бегство. Град пуль свистел над головами, большие и маленькие снаряды, но приходилось уклоняться от каждого, чтобы ни с кем из опечаленных призраков не случилась беда. Однако погони не последовало, и они остановились.

Пока Андрей стоял с немым лицом, не изнеможенный пробежкой, Юрий задыхался, желав упасть на землю и не двигаться несколько часов. После вчерашнего забега боль чувствовалась в каждой мышцы, удивляв своим количеством, и хромота выглядела явнее.

Андрей грозно встал напротив призрачного юноши, который оперся ладонями о колени.

– Где Наташа? – спросил он. – Ты, говорят, вчера спас свою подружку…

– Я не знаю.

Вдруг призрак вытянул мозолистую ладонь и посмотрел на нее с таким отвращением, словно это была не крохотная сфера из красного камня, а скользкий жук. И правда: нахождение части амулета принесло ему множество несчастий и, хотя Андрей и Наташа жаждали опасностей, им не понрави-

лось беспокоиться за жизни друг друга.

– Слушай, если тебе нужно это, я готов отдать. Просто скажи, где она.

– Я правда не знаю. Спроси у Анжелы, сейчас она должна быть в своем гробу. Попробуй найти ее там.

Юрий направился в сторону Выжженного поля, думав о тех ужасах, что пришлось перенести Анжеле, и о предстоявшем трехстороннем бое с Виталием и Некто-В-Балахоне. Сражаться с одним из них означало безоговорочный проигрыш, а вот с двумя… Быть может, получится стравить их, а потом коснуться рапирой исподтишка. Будет нелегко.

Самым отвратительным после звука мела, скрипевшего по гладкой доске, Анжела считала запахи. Каждый участок тела заставлял ее морщиться, а от одежды крепко закладывало нос. Призрачная девушка не могла с этим мириться, а потому незадолго после неловкого пробуждения на влажной земле около могилы сделались следы. Они вели в сторону сосновой рощицы, обхватывавшей узкую тропу с двух сторон. Продвигаться по этому мрачному коридору в раннее туманное время суток было жутко: после вчерашней ночи казалось, что за всяким деревом скрывается монстр.

В такое пасмурное утро, когда, кроме прохлады, еще и моросил дождь, на илистом берегу, превратившемся от влаги в болото, призраков не оказалось. Обычно искупаться было трудно хотя бы из-за того, что никто перед попаданием на

кладбище не захватил с собой ни костюмы для купания, ни ванные принадлежности, такие как полотенце и мыло. Поэтому каждый раз приходилось по выходу из воды долго продрагивать в ожидании испарения капель влаги или тотчас же надевать одежду на мокрое тело. Но что хуже, приходилось становиться на некоторое время нагим и оставлять одежду на причале. Из-за этого призрачные девушки предпочитали ходить к озеру группами, чтобы прикрывать друг друга, а те, кто пошел в одиночку, становились жертвами пропажи одежды, которая возвращалась владельцу только после затяжного испуга. Обратные ситуации происходили редко и зачастую в отместку призрачным юношам.

Никто не решался подшучивать над Анжелой верно потому, что суровый вид ее устрашал. Она всегда выдвигалась одна, поскольку не любила обнажаться ни перед призрачными юношами, ни перед призрачными девушками. А если кто и осмелился бы на подобный подвиг, он бы полетел купаться вместе с одеждой и насильно задержался бы под водой чуть дольше положенного.

Уже в конце тропы Анжела мельком взглянула на ладонь. Нет, все слезы вылились еще в гробу – сейчас пришла частица смирения. Помимо переполнявшего ее горя, находилось удивление от того, с какой ровностью на левой руке произошли изменения, точно ей провели сложнейшую бесследную операцию, точно она родилась с тремя пальцами. Всеми силами она убеждала себя, что ее переживания пустые, что она,

будучи правшой, легко сможет жить и с такой особенностью. Однако только она могла понять, насколько важными были именно эти пальцы именно этой руки, будто судьба изрядно посмеялась над ней – лучше бы она лишилась носа или ушей!

В порыве отчаяния, которое скрывалось лишь внешне, Анжела рванулась по тропе так быстро, что кроссовки едва успевали касаться земли, и остановилась у края причала, с трудом преодолев желание прыгнуть вместе с одеждой. Конечно, она хотела прополоскать хотя бы кофту и джинсы, чтобы избавиться от мерзкого запаха, но мысли о холоде убедили ее оставить их на деревянных балках. Без одежды чувствовалась несравнимая ни с чем легкость, свобода, которую дополнял влажный воздух, дождь, разбивавшийся о широкие плечи, и общая пасмурность – казалось, она осталась одна во всем мире.

И вот жилистые ступни, ощутив прохладу причала, оторвались от деревянной поверхности, и в воздухе на мгновение завис нагой девичий силуэт, который стремительно пронзил водную гладь ладонями, сложенными в форму лодочки. Сердце забилось от нахлынувших ощущений, а после замедлилось, и было отчетливо слышен каждый ровный стук – вода обожгла все тело, словно кипяток, и крохотная часть забилась в нос, оставшись не только затхлым вкусом, но и запахом, затмевавшим гарь и пепел. Пока воздух насыщал тело, в охладевшей голове призрачной девушки проносились отрывки воспоминаний минувшего дня.

Казалось, прошло множество годов, пока сквозь толщу воды на причале не послышался стук ботинок, который с каждым мигом становился отчетливее. Первая мысль была о Юрии, так же, как и она, пропитавшемся гарью, и Анжела едва не вынырнула из воды в порыве увидеть его, но постукивания были четкими и ритмичными – хромой бы так не смог. Вместо этого, она показала макушку с прилипшими на ней волосами и исподлобья посмотрела на незнакомца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.